

Юрий Григорьев

TERRA INSAPIENS

Замок

Хотите провести две недели на маленьком острове в Индийском океане? Полагаю, что многие не откажутся. А провести две недели в таинственном средневековом Замке? Думаю, тоже найдутся желающие. Так вот, у вас есть теперь эта возможность! Но... Всегда есть в жизни какое-то «но». Вам придётся провести две недели в сумасшедшем доме. Впрочем, это тоже интересный опыт.

Юрий Григорьев

Terra Insariens. Книга первая. Замок

День первый

Артур.

Открыв глаза, он увидел высокий, сводчатый потолок. Потолок сходил к куполом, в центре которого висел небольшой круглый светильник. Лампа не горела, но в комнате было светло. Высоко прямо над ним косым лучом лился свет из окна.

Повернув голову налево, он увидел ковёр, с вышитым драконом. Дракон, как и положено, был трёхголовый. Одна голова была добрая, вторая голова была злая, а третья смотрела в сторону.

Медленно повернув голову направо, он увидел странную комнату. В чём её странность, он не сразу сообразил, но потом понял. Комната была круглая. Грубо оштукатуренные стены, немного мебели и металлическая входная дверь.

— Похоже на больницу, — подумал он, — но почему такой высокий потолок?

Он ещё раз посмотрел вверх. Свет из окна был тёплым, успокаивающим. Он прислушался, тишина была почти абсолютной. Он слышал только своё дыхание и биение сердца. Постепенно он начал слышать какой-то ровный, монотонный шум. Это не было похоже на завывание ветра, это напомнило ему морской прибой. Шум был тихий, но в тишине уловимый.

Подняв руку к лицу, он провёл рукой по волосам и почувствовал слабую тупую боль. Пальцами нащупал на голове шишку и следы запёкшейся крови.

— Так... Похоже я не зря оказался в больнице. Но почему я ничего не помню?

Медленно, прислушиваясь к себе, приподнялся и сел на краю кровати. Чувствуя слабость, он посидел минуту, а потом встал и пошёл к двери. Взявшись за круглую ручку, подёргал дверь. Дверь была заперта.

Он обернулся и взглядом обвёл комнату. Взгляд остановился на зарешёченном окне. Окно было высоко над кроватью, в метрах двух от пола. Сквозь окно было видно облачное небо.

— Решётка, — промелькнула мысль, — зачем решётка? Я что — в тюрьме?

Он внимательно ещё раз обвёл взглядом комнату. И высокий потолок, и высоко расположенное окно наводило на мысль, что в этой комнате должны жить великаны. И совсем непонятно, что он делает здесь?

Справа от кровати стояло что-то, похожее на кухонный буфет. Слева — небольшой письменный столик с настольной лампой и стул. Мебель была старая, потёртая временем. Чуть ближе к двери стоял деревянный шкаф. Возле двери с другой стороны был туалетный уголок. Он подошёл к умывальнику и посмотрел в зеркало, висящее над ним. Долго смотрел в упор на своё отражение, пытаясь что-то понять или вспомнить. Губы его беззвучно шевелились, но ни одного звука он так и не произнёс. Языком провёл по высохшим губам и, наклонившись к раковине, открыв кран, стал жадно пить воду. Напившись, выпрямился и снова долго рассматривал себя в зеркале. Оттуда на него смотрел молодой человек с взъерошенными волосами, бледный и незнакомый.

— Не помню, ничего не помню, — услышал свой голос, как будто со стороны.

Он снова открыл кран и осторожно, чтобы не задеть рану на голове, стал умываться. Потом вытерся полотенцем, повесил его обратно на гвоздик и, ещё раз взглянув в зеркало, снова пошёл к двери. Подёргав ручку двери и потолкав дверь плечом, с досады стукнул по

ней кулаком. Обернулся и, облокотясь на дверь, стоял минут пять, пытаясь осознать своё положение.

Взгляд его ещё раз остановился на зарешёченном окне. Он прикинул, что, если встать на спинку кровати, он возможно дотянется до решётки окна. Он залез на кровать и, опираясь рукой на стену, осторожно полез вверх. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы, держась за решётку окна, заглянуть в него.

За окном было море. Он уже явственно услышал шум прибоя, но береговой линии из окна видно не было. Солнечный свет освещал облака и было похоже на раннее утро.

Он, прищурившись, вглядывался в горизонт, но горизонт был чист. Ни одного корабля, ни одной лодки — только море и небо.

Осторожно спустившись, он сел на кровать. По-прежнему, вокруг царил тишина. Не выдержав её, он снова встал и решил внимательно осмотреть комнату. В деревянном шкафу висел белый халат и лежали тапочки.

— Слава богу, не белые, — подумал он, и удивился, что оказывается может шутить.

Рядом, на полках, лежала нижняя одежда, простыни и полотенце.

— Всё-таки это больница, — подумал он.

Подойдя к письменному столу, он заметил книжные полки, которые были встроены в стену. Он увидел два ряда книг и с интересом начал их разглядывать.

Набор книг привёл его в удивление. Большинство книг были старинные. Так он с любопытством открыл том «Дон-Кихота», где увидел дату издания 1897 года, полистал его, припоминая, что книгу эту он явно раньше читал и даже любил. Поставив её на полку, он взял другой фолиант — это была «История рыб», лондонское издание 17-го века. С удивлением полистав её, он начал рассматривать корешки остальных книг. «Феноменология духа», «Божественная комедия», «The anatomy of the bones», «Codex Seraphinianus».

— Станный выбор книг! — подумал он, как вдруг сзади послышался какой-то мерный звук. Он обернулся, звук исходил со стороны кухонного буфета. Это было похоже на ровный звук мотора.

Звук продолжался несколько секунд и закончился внезапно, так же, как и возник.

Он открыл дверцу буфета и увидел поднос. На подносе стояли стакан с чаем и пластмассовая тарелочка, где лежали варёное, уже очищенное, яйцо и две галеты. Он потрогал стакан, чай ещё был горячий. Вытащив поднос и заглянув в проём, понял, что это своеобразный лифт для доставки еды. Вверх и вниз уходил металлический трос.

Повертев в руках и понюхав яйцо, откусил и стал есть. Доев еду и запив её чаем, поставил поднос обратно и закрыл дверцу.

— Ну... не бог весть что, но с голоду умереть не дадут.

Он присел на кровать, но вскоре встал и решительно направился к двери. Толкнул её посильней, стал стучать кулаком, затем ногой.

— Откройте!.. Позовите врача! Поговорите со мной, чёрт побери!

Это была минутная вспышка, но, когда он уже успокоился и отдышался, послышался явственный щелчок. Он толкнул дверь, она открылась.

Он вышел из комнаты на освещённый утренним солнцем внутренний двор. Невысокие кусты и цветники раскинулись по двору. Молодая зелёная трава, порхающие над цветами бабочки, аккуратные, выложенные каменной плиткой, дорожки — всё создавало впечатление маленького райского сада. Его лицо впервые тронула улыбка. Как

зачарованный, он пошёл по одной из дорожек в глубину двора. В самом центре его стояла гранитная копия роденовского «Мыслителя». «Мыслитель» был задумчив. Кажется, он тоже не понимал — что он здесь делает? Возле него стояли два стола со скамейками.

Он присел на скамейку и, задрав голову, посмотрел в небо. Величаво плывущие облака долго привлекали его внимание. Потом взгляд его опустился, и он стал рассматривать здание. Оно напоминало собой средневековый замок. Замок был довольно высокий, в три этажа, не менее двадцати метров в небо. Он представлял собой прямоугольное строение с четырьмя круглыми башнями по углам и большим внутренним двором. Построен замок был явно в пропорциях золотого сечения. Входные большие ворота Замка были закрыты. Ворота напротив, с другой стороны, были поменьше, и тоже были закрыты. Характерный зазубренный верх, грубые каменные стены, колоннада из статуй, окружающая двор. Он ощутил себя героем какого-то рыцарского романа Вальтера Скотта.

Взгляд его опустился вниз. На столе перед ним лежала шахматная доска, а рядом — перевёрнутое блюдо с красочным узором. Он поднял его, чтобы рассмотреть узор, — под блюдцем лежала записка. Он нагнулся — на бумажке было всего два слова, написанные аккуратным, каллиграфическим почерком, без всякой пунктуации: «Филип вернись». Пожав плечами, он рассмотрел блюдо. Мифические грифоны с поднятыми когтистыми лапами и люди с пёсьими головами сражались на фоне песчаных барханов. Полубовавшись, он положил блюдо на место.

— Где же все люди? Надо пойти посмотреть.

Он поднялся и пошёл по дорожке обратно. Внутренний дворик окружали статуи античных богов и героев. Он без труда узнал Геракла с лернейской гидрой в руках, Персея, Аполлона. Дальше, вдоль комнат, проходил неширокий мощёный коридор. Он прошёл его весь кругом, пробуя открыть двери — все они были заперты. В одном месте он увидел винтовую лестницу, ведущую вверх и вниз, но проход был закрыт решётчатой дверью.

Рядом с дверью стоял мусорный бак. Возле него валялись клочки рваной бумаги. Он нагнулся, подобрал два клочка и поднёс к глазам. На одном был обрывок какой-то программы. Он сумел разобрать только:

«If God Then ... Else ...»

На другом было написано не то название, не то утверждение:

«Фёдор Достоевский — идиот».

Второй раз обходя коридор, он вдруг почувствовал на себе взгляд. Оглянувшись, не увидел никого, но потом за одной из статуй заметил большого чёрного кота. Кот смотрел на него в упор, явно изучая и оценивая. Он шагнул навстречу — кот скрылся за статуей. Когда подошёл, кота уже не было.

Озадаченный, он снова направился в центр двора и там, наконец, повстречал человека. Это была пожилая женщина в строгом платье, с подобранными седыми волосами. В руках она держала жестяную лейку, из которой поливала цветы. Она явно не замечала его, думая о чём-то своём. Он кашлянул, чтобы привлечь внимание и произнёс:

— Здравствуйте! Могу я с вами поговорить?

Она пристально посмотрела на него и вдруг лицо её преобразила улыбка.

— Артур! Как хорошо, что ты приехал! Разве корабль уже пришёл? Ну вот, я опять всё прозвала. А где Генри?

— Какой Генри? Постойте, вы меня знаете?

— Ну что ты говоришь, Артур! Мне ли тебя не знать!

Вдруг откуда-то сверху раздался удар колокола. Звук был негромкий, как будто отдалённый. Он падал сверху, медленно затухая. Женщина прислушалась, посмотрела куда-то на верхние окна замка и сказала:

— Он зовёт меня. Да, надо приготовить хороший обед дорогим гостям. Я пойду.

И уже уходя, полуобернувшись к нему:

— Переоденься, Артур, и поднимайся к нам!

Он остался стоять, в недоумении глядя ей вслед. Спohватившись, пошёл за женщиной, но она уже поднялась по лестнице, и дверь на лестницу была снова заперта. Подёргав решётку, он растерянно оглянулся вокруг и сказал:

— Я по-прежнему ничего не понимаю. Но теперь у меня хотя бы есть имя.

Постояв ещё немного, он вернулся в свою комнату, лёг на кровать, и перед тем, как закрыть глаза, произнёс:

— Артур.

Проснулся он ночью. Это он понял, бросив взгляд за окно. Освещал комнату, горящий вполнакала, светильник на куполе потолка.

Почувствовал, что голоден и проверил буфет. На подносе стояла пластмассовая тарелка с гречневой кашей и стакан молока. Молоко показалось ему порошковым, но голод не учит привередливости. Съев всё с аппетитом, он засунул посуду обратно и пошёл к входной двери. Секунду смотрел на неё в нерешительности и толкнул ладонью. Дверь оказалась не заперта. Он вышел во двор.

Лунный свет заливал кусты и клумбы, придавая всему таинственность. Тишина только углубляла это ощущение.

Походив по дорожкам, он уселся на скамейку, разглядывая ночные звёзды. Замечтавшись, он не сразу понял, что слышит какой-то звук. Человек приближался к нему по дорожке, постукивая палкой по земле. Когда он приблизился, Артур увидел перед собой старика. Старик, подозрительно смотрел на него и, прежде чем Артур успел что-то сообразить, с тревогой спросил:

— У вас есть часы?

— Что?

— Покажите руки!

Удивлённый Артур встал, протянул обе руки и сказал:

— У меня нет часов.

Старик продолжал недоверчиво смотреть на него.

— А в карманах?

— У меня нет часов!

Старик кажется успокоился и даже попробовал улыбнуться.

— Вот это правильно! Если б все были такие, как вы, я бы давно закончил своё дело.

Он приблизился прямо к его лицу и, подняв палец вверх, произнёс:

— Если остановить все часы, остановится время и начнётся вечность.

Кивнув в подтверждение своим словам, он повернулся и пошёл обратно. Артур смотрел ему вслед, совершенно обескураженный.

Вновь присев на скамейку, он попытался собрать мысли в кучу.

— Что это за странный замок, как я здесь оказался и кто я такой?

Ни на один из этих вопросов он не мог себе ответить.

Второй день

Новые знакомства.

Утро второго дня выдалось пасмурным. Во дворе накрапывал мелкий дождик и Артур в задумчивости гулял по мощённому коридору. Он снова подошёл к запертой решётчатой двери на лестницу и потрогал её. Дверь опять была заперта. Он попробовал расшатать решётку и тут услышал из-за спины:

— Наверху живёт Бог, а внизу — Демон. Нам туда нельзя.

Артур обернулся. На него смотрел сухопарый, подтянутый человек, довольно пожилой, но явно заботящийся о своём здоровье.

— Здравствуйте! — сказал Артур.

Человек слегка поклонился и, взяв Артура под локоть, повёл за собой. Они продолжили прогулку по коридору вдвоём.

— Вы приплыли на корабле?

— Да... То есть... Я не знаю.

Человек удивлённо посмотрел на Артура.

— Мне должны были прислать книги. Без них моя работа остановится.

— Вы пишете какую-то книгу?

— Я веду судебный процесс. Особый судебный процесс. Мне нужны юридические документы, кодексы законов всех времён и народов. Я ищу исторический прецедент. Это важно для составления обвинительного заключения.

— Вы юрист?

— Я судья с тридцатилетним стажем. Я мог бы написать обвинительное заключение с закрытыми глазами. Но дело очень тонкое, нужно всё перепроверить. Поэтому я жду свои книги.

Судья говорил с лёгким акцентом, выдававшим в нём англичанина.

— А в чём заключается дело? — поинтересовался Артур.

— Я обвиняю.

— Кого?

Судья остановился, посмотрел Артуру прямо в глаза, и сказал, указывая пальцем в небо:

— Его.

Артур открыл рот, не зная, что сказать.

— Я обвиняю господина, именуемого Богом, в совершении преступления против человечества. Я обвиняю Его в геноциде человечества под названием всемирный потоп.

— Но... ведь это было так давно!

— В таких делах нет срока давности.

Судья снова взял Артура под локоть, и они продолжили прогулку. Мысли Артура путались. Он уже понял, что имеет дело с ненормальным человеком и не знал, как себя вести.

Они гуляли медленно и тут их обогнал странный босоногий человек лет сорока. Он был одет в белый хитон до колен, подпоясанный верёвкой. Прогуливаясь, он как будто мысленно разговаривал с кем-то. Его руки выразительно двигались, и голова кивала или покачивалась в зависимости от согласия или несогласия с оппонентом. Артур удивлённо проводил его

глазами и задумался — как ему вежливо попрощаться с Судьёй?

Пока он размышлял, человек в белом хитоне сделал круг, и снова обогнал их. В этот раз он вдруг остановился, повернулся к ним лицом и спросил:

— Является ли головная боль достаточной причиной усомнения в существовании всеблагого Бога?

Задав свой вопрос, он, явно не ожидая ответа, повернулся и продолжил свой путь.

Артур окончательно потерялся и что-то, видимо извинительное, промычав и откланявшись, попрощался с Судьёй и оставил странную компанию.

Дождь к этому времени закончился, выглянуло солнце. Прохаживаясь по мокрой траве, Артур мучительно пытался хоть что-то вспомнить. Неожиданно он заметил, что одни из ворот Замка приоткрыты. Он подошёл к ним и выглянул за ворота. Мощёная дорожка вела в сад. Он пошёл по ней.

Он прошёл в глубину сада, покачался на деревянных качелях, поваялся в гамаке, натянутом между деревьями, наблюдая птиц, скачущих с ветки на ветку — тёмно-коричневые майны, остроклювые зелёные шурки, рыжие зимородки с голубым опереньем и красным клювом и ещё, уже какие-то совсем неизвестные ему, птицы. В птичьем пении солировали майны. Кажется, они умели всё — и щебетали, и свистели, и щёлкали. Артур закрыл глаза, наслаждаясь покоем. Потом встал и ещё погулял по саду. Сорвал одно яблоко, съел. Кроме яблонь в саду были груши, абрикосы, персики и вишня. Неожиданно он наткнулся на кокосовую пальму. Это его озадачило. Он огляделся и увидел ещё несколько пальм.

— Странно... — подумал он. — Где это пальмы растут вместе с вишнями и грушей? Куда я, чёрт побери, попал?

Сад был небольшой. По периметру он был огорожен каменной стеной. В одном месте Артуру показалось, что он с дерева сможет залезть на стену. Недолго думая, он полез на дерево. Шагая по толстой ветке и, держась за другую, он подобрался к стене и, оттолкнувшись от ветки, запрыгнул на стену. Удержаться ему помогла маленькая веточка, за которую он схватился рукой. Это было кстати, потому что за стеной был обрывистый спуск и, свалившись со стены, он неминуемо бы разбился. Держась за веточку, он выпрямился и оглядел горизонт. Бескрайний океан раскинулся перед ним. До берега было не более тридцати метров. Береговая линия — песчаная и каменистая — была очерчена морской пеной и водорослями. Вдоль берега раскинулись невысокие пальмы.

Постояв немного, он сел на стену, свесив ноги. Ветер приятно обдувал лицо. Он просидел в задумчивости минут десять, а потом решил вернуться в Замок. Свесившись со стены, он спрыгнул в сад.

Уже подходя к воротам, заметил небольшой аккуратный курятник, притулившийся у стены. За проволочной сеткой прогуливались два десятка кур и большой горделивый чёрный петух с кожаным ремешком на шее. «Ух ты, важный какой!» — подумал Артур, разглядывая петуха. — «Конечно, у тебя тут целый гарем».

Он вернулся в свою комнату и, пообедав, снова стал перебирать книги. Одна из них заинтересовала его. Он лёг на кровать, рассматривая книгу. На титульном листе было название: «Собрание возможных миров». Он перевернул страницу и начал читать.

«От начала веков люди придумывали свой мир. Они никогда не понимали мир, в

котором живут, это было им не дано. Но они придумывали правдоподобные объяснения мира. От самых древних представлений, вызывающих сегодня только улыбку, до сложных космологических систем, понять которые сможет не каждый. Сформировалось понимание возможного мира как множества потенциальных миров в их проекции на реальный мир. В этой книге собраны все возможные картины мира, когда-либо придуманные людьми, и вы можете добавить в неё свой мир.

По мнению древних индусов, Земля лежит на тарелочке, которая лежит на спине слона, а слон стоит на спине большой черепахи. На ком стоит черепаха не уточнялось. Видимо об этом она должна была подумать сама. Впрочем, учёный Клиффорд Гирц уверял, что черепаха стоит на спине другой черепахи и так до самого дна. Бесконечная последовательность черепах конечно впечатляет. Одинокий слон правда при этом становится недоразумением.

Другая распространённая космология утверждает, что плоскую Землю поддерживают рога священного быка, который в свою очередь стоит на спине кита. Кит видимо плавает в мировом Океане. Когда священный бык гневается на людей, он трясёт рогами, вызывая землетрясения.

Северные народности упростили зооморфную опору Земли, ограничившись тремя китами. Это вполне понятно — чем проще, тем надёжнее.»

Закрыв книгу и положив её на кровать, он подумал:

— Хорошо бы искупаться... Ведь моются же они здесь где-то. Пойду, посмотрю.

Артур взял полотенце и вышел из комнаты. Судьи во дворе уже не было, только «древний грек» продолжал свою прогулку. Артур решил спросить у него. Он дождался, когда тот подойдёт, и, шагнув вперёд, встал перед ним. От неожиданной преграды «грек» остановился как вкопанный, уставившись на Артура.

— Извините, — вежливо сказал Артур, — где здесь можно помыться?

— Молодой человек, — сердито ответил «грек», — вы мешаете нам разговаривать.

Артур растерянно огляделся, пытаясь понять, — кого тот имеет в виду под словом «нам». Увидев его растерянность, человек смягчился и, ткнув куда-то пальцем вбок, сказал: «там»! После чего, обогнув Артура, пошёл себе дальше.

Проследовав в направлении, указанном греческим пальцем, Артур обнаружил маленькую деревянную дверь, за которой была душевая комната. Обрадованный он быстро разделся, повесил одежду на крючок и встал под душ. Тут ему пришлось призадуматься. Здесь был такой же кран, как на умывальнике в комнате, — один рычажок, который надо было держать, чтобы лилась вода.

— Я конечно понимаю, что так они экономят воду, — подумал он, — но, чтобы нормально искупаться, понадобится третья рука.

Он открыл, лежащую в нише стены, зелёную мыльницу, достал мыло и включил воду. Вода была поначалу прохладная, но потом пошла тёплая, видимо где-то на крыше нагретая солнцем.

— О! Тёпленькая пошла! — обрадовался Артур, невольно выдав своё происхождение.

Держа рычаг одной рукой, он неуклюже поворачивался под душем, чертыхаясь про себя. Потом намылится, и повторил неудобную процедуру, смывая мыло. Вытерся полотенцем, оделся и вышел из душевой.

— В следующий раз надо будет что-то повесить на рычаг, чтобы не держать его

рукой, — запоздало разумно подумал он.

Седой человек, коротко стриженный, в белой больничной рубаше навыпуск стоял посреди двора, держа что-то в поднятой руке. Подойдя поближе, Артур понял, что это был медицинский термометр.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Артур. — Вы хотите измерить температуру?

— Да, — коротко ответил пожилой мужчина и добавил, — я хочу измерить температуру мира. Мне кажется, он болен.

— Серьёзно болен? — немного замешкавшись от удивления, обеспокоился Артур.

— Полагаю, серьёзно, — человек был невозмутим. — Возможно жёлтая лихорадка. Нужны радикальные средства.

Он опустил руку и посмотрел показания на термометре.

— Сорок два и пять. Я так и думал. У меня было ощущение, что в последнее время мир бредит. Ещё чуть-чуть и он потеряет сознание. Надо что-то делать.

— Вы врач?

— Я учёный. Врачи лечат людей, учёные должны лечить мир.

— Я думал, — они должны изучать его?

Человек посмотрел на Артура с недоумением.

— Разумеется! Для того, чтобы кого-то лечить, его надо сперва хорошо изучить и обследовать.

Он засунул термометр в карман, на секунду застыл, что-то обдумывая, потом обратился к Артуру.

— Вы будете здесь?

— Да, — кивнул Артур.

— Наблюдайте за миром. Если почувствуете что-то неладное, стучите ко мне. Я живу там, — он указал рукой.

— Хорошо! — успокоил его Артур. — Я прослежу, не беспокойтесь!

Человек признательно кивнул и ушёл.

— Какие странные здесь больные! — подумал Артур, глядя ему вслед.

Вернулся в свою комнату, лёг на кровать и продолжил чтение.

«По мнению Ферекида Сиросского, богиня Эвринома восстала из Хаоса, и отделила Небо от Океана. Танцуя над Океаном, она подняла ветер, из которого возник великий змей Офион. От этого змея Богиня зачала и снесла Мировое яйцо, из которого уже потом вылупился весь видимый мир с его звёздами, Землёй и прочим имуществом.

После этого они обосновались на Олимпе. Но в божественной семейке, как и следовало ожидать, возникли споры — кто главный? Закончились споры тем, что Богиня сбросила змея с горы. С тех пор змеи живут на земле. А на Олимпе Богиня создала титанов и титанид. Причём титаны во всём подчинялись своим жёнам, что определённо указывало на изначальный матриархат.

Возникновение человека произошло, можно сказать, случайно. Падая с горы, змей растерял все свои зубы, которые проросли в земле и породили пеласгов — первых людей.

Пока титаны были заняты своими разборками, люди разбрелись и расплодились на Земле.

Разборки титанов закончились тем, что один из них, Зевс, проглотил всех остальных, и

стал единовластным правителем.

Это только одна из множества версий происхождения мира. Нельзя не отметить их красочность и киногеничность. Возможно древние обладали даром предвидения, и задолго до нашей эры писали сценарии для Голливуда.»

Закрыв книгу, он подумал, что спать ещё рано, надо пойти погулять, и вышел во двор.

Уже появились первые звёзды. Небо темнело на глазах. Артур задумчиво гулял по дорожкам мимо кустов. Тишину нарушал только тихий, далёкий шум волн. Он подошёл к воротам, через которые днём выходил в сад — они были закрыты. Подёргав их, он пошёл обратно в центр двора.

Какой-то тёмный силуэт двигался к нему по дорожке. Приглядевшись, Артур увидел человека в чёрном плаще до земли, с чёрным капюшоном. Человек двигался медленно и бесшумно.

Он приблизился к Артуру и, наклонившись к нему, шёпотом сказал.

— Вы меня видите?

— Вижу.

— Не-ет! Вы меня не видите. Потому что я в чёрном.

— Я вижу, что вы в чёрном.

— Вы не можете видеть чёрный цвет, потому что чёрного цвета нет. Чёрный — это не цвет, это отсутствие цвета. Как можно видеть что-то отсутствующее? Вы меня не можете видеть.

— И тем не менее я вас вижу.

Человек погрозил пальцем.

— Видеть — это ловить отражённый предметом свет. Чёрный не отражает свет. Вашим глазам нечего ловить, и, значит, вы меня не видите.

Артур занервничал.

— Ну хорошо, я вижу, что я вас не вижу.

Человек удовлетворённо кивнул и бесшумно пошёл прочь.

Артур передёрнул плечами.

— Бред какой-то! Вижу — не вижу... Человек-невидимка.

Он повернулся и пошёл в комнату.

¶

Третий день

Что-то проясняется.

На следующее утро он проснулся, ощущая себя совершенно здоровым. Умылся, поел и вышел из комнаты с твёрдым намерением наконец разобраться — что происходит?

Утро было солнечным, по небу гуляли только маленькие облачка.

Пройдясь по двору, он увидел чёрного кота. Тот сидел на траве, умываясь лапой.

Осторожно, чтобы не испугнуть, он стал приближаться. Кот уставился на него и, кажется, собирался дать дёру. Артур остановился. Минуту они смотрели друг на друга. Но вдруг кот перенёс взгляд куда-то за спину Артура. И мгновенье спустя, раздался детский голос:

— Это мой кот! Не обижайте его.

Артур обернулся. Перед ним стояла девочка лет десяти в светло голубом, слегка выцветшем, платье. Она пытливо смотрела в его глаза.

— Да, нет, — успокоил её Артур. — Я не обижу его. Я просто хотел с ним познакомиться.

Девочка засмеялась.

— Его зовут Филип. Ему двенадцать лет. Он старше меня.

— А как зовут тебя?

— Ева!..

— Очень приятно, Ева! А я — Артур, — неожиданно для себя сказал он.

— Артур? Хорошее имя! Моего старшего брата зовут Артур. Но я его никогда не видела. Он живёт далеко, за океаном.

— Вы здесь новенький? — и не дав ему ответить, продолжила. — Я сегодня такой сон видела! И пришла, чтобы рассказать его Паскалю.

— А кто такой Паскаль?

— Вы не знаете Паскаля?! Ну тогда вы совсем новенький! Пойдёмте, я вас с ним познакомлю.

Она взяла Артура за руку и потянула его за собой. Они подошли к одной из дверей. Девочка схватилась двумя руками за ручку и потянула её на себя. Дверь открылась.

— Странно, — мелькнуло у Артура в голове — раньше все двери были закрыты.

Они вошли в комнату. Комната была четырёхугольная, просторная, с таким же высоким, сводчатым потолком. В комнате царил, мягко говоря, бардак. На полу валялись какие-то вещи, бумаги. Одежда валялась на кровати. Кухонный буфет был завален книгами.

За письменным столом, перед включённым ноутбуком сидел молодой человек, лет двадцати. У него были длинные волосы, нос с горбинкой и лёгкая щетина на подбородке. Молодой человек был одет в серую, застиранную футболку, которая когда-то была белой. На спине ещё можно было разобрать надпись в две строчки: «People are strange when you're a stranger». Остальную часть гардероба составляли такие же застиранные, потёртые джинсы и поношенные кроссовки.

Он явно был чем-то занят и, обернулся на входящих с чувством раздражения на то, что его отрывают от важных дел. Впрочем, едва увидев Еву, он широко улыбнулся и прокричал:

— Привет, моя королева!

Девчонка кинулась ему на колени, едва не уронив ноутбук, который Паскаль придержал одной рукой.

— Осторожнее, красотка! Ты так мне всё угробишь.

— Слушай, — какой я сон сегодня видела! Помнишь, ты мне читал сказку про снежную королеву? Так я её видела во сне. Она оказалась совсем не злой и не холодной.

Артур разглядывал комнату, чувствуя некоторую неловкость.

— Да, познакомься! Это новенький. Его зовут Артур, — сказала Ева.

Паскаль внимательно посмотрел на него, просканировал взглядом, и слегка кивнул.

— Так вот, я тебе расскажу свой сон!

Ева увлеклась, Паскаль терпеливо слушал.

— Мы катались в санях, запряжённых оленями, по хрустящему снегу. Было так весело, но я замёрзла. Тогда она махнула рукой, и я оделась в тёплую шубу. Я поняла, что она добрая... Когда я проснулась, мне стало её жалко. Она любила Кая. А Герда его у неё отняла. Я представила, как она возвратилась в свой холодный, пустынный замок, и увидела на ледяном полу слово «вечность». Она поняла, что теперь она на всю долгую вечность одна. Мне так стало её жалко.

Паскаль улыбнулся.

— Ну что ты, глупенькая. Она найдёт себе нового Кая. Она не будет одна.

Ева задумалась, наклонив голову.

— А вечность — это очень долго?

Теперь задумался Паскаль.

— Как тебе сказать?.. Вечность — это время, которое тебе понадобится, чтобы ложкой вычерпать океан.

— Океан?! Ложкой?

Ева широко раскрыла глаза.

— Это очень долго! Если бы ещё ведёрком, — и то долго, а ложкой...

Она безнадежно махнула рукой.

Ева продолжила рассказывать свой сон. Артур разглядывал картины, висящие на стене. Это были репродукции: «Крик» Эдварда Мунка и «Отчаяние» Густава Курбе.

В дверь постучали и какой-то человек заглянул внутрь.

— Ева, ваш отец зовёт вас на завтрак.

Ева, не глядя, отмахнулась.

— Я не хочу. Я приду попозже.

Человек настаивал.

— Ева, я не уйду без вас. Вы знаете, что ваш отец будет сердиться.

Ева сморщила гримаску и нехотя слезла с колен Паскаля.

— Ладно, я тебе потом всё дорасскажу.

Она вышла за дверь. Дверь закрылась. Артур с молодым человеком остались наедине. Тот с минуту смотрел на Артура. Потом, пристав со стула, шутливо поклонился.

— Паскаль, потомственный программист.

Артур, не удержавшись, фыркнул от смеха.

— Как? У программистов уже есть династии?

— Представьте себе. Поскольку и отец, и мать у меня программисты, я уже с полным правом могу называть себя потомственным программистом. А кто вы, осмелюсь спросить?

Артур смутился и развёл руками.

— Не знаю...

Паскаль прищурился, слегка наклонив голову.

— Я не помню — кто я, как я здесь оказался. Я ничего не помню.

— Ну это из какой-то мыльной оперы, — всё также внимательно разглядывая Артура, произнёс Паскаль.

— Я сам ощущаю себя каким-то персонажем в непонятной пьесе... Вот уже третий день я, как зомби, шатаюсь по Замку, и никто мне ничего не может объяснить.

— Вы разговаривали с Хозяином?

— С Хозяином?

— Хозяин Замка, наш врач и наш тюремщик.

— Нет, я встречал только какую-то пожилую женщину. Она поливала цветы.

— Это Офелия, жена Хозяина. А Ева их дочь.

— Ещё я встретил каких-то странных людей... Один искал у меня часы...

— Это Мерлин. Он вообще-то самый тихий из обитателей Замка. Редко выходит из своей комнаты. Я его почти не знаю, но Адам с ним общается. У них есть какие-то общие темы.

— Другой притворялся человеком-невидимкой.

— Мрачный тип. Когда он только прибыл, мы спросили — кто он такой? Он сказал: Никто... Старая история — так ответил Одиссей Полифему.

— Ещё один, Судья, рассказал мне, что собирается судиться с Богом.

— Уже с Богом? Значит, процесс с римским папой из рода Борджиа закончен.

— А другой, похожий на древнего грека, задаёт какие-то странные вопросы.

— Это Сократ Младший. Он считает себя продолжателем греческого философа Сократа и развивает его мысль: «я знаю, что ничего не знаю». Отсюда он выводит, что мудрому человеку неприличны никакие утверждения, а вся мудрость должна заключаться в вопросах. Он говорил мне: «Я не философ. Я называю себя дофилософ. Философ — это отвечающий, а я вопрошающий. Правильно заданный вопрос является ответом.»

Паскаль рассмеялся:

— У нас тут всё, как у людей — всякой твари по паре. У нас тут свои физики и лирики есть. Да! Поэт замечательный, громогласный трибун. Все, правда, над ним посмеиваются, но тайком, чтобы не обидеть. Его у нас любят... Физик есть, ворчун старый. На воле читал лекции: о границах применимости законов Ньютона. И нам пытался читать, но все разбежались. Так его и прозвали — Ньютон. Он пишет «Теорию всего» и учебник Наивысшей математики. Я почти ничего не понял, кроме того, что делить на ноль в его математике разрешается... Нет, здесь не соскучишься. Иногда я даже рад тому, что оказался здесь.

Заметив, лежавшие на столе наушники, Артур кивнул на них и спросил:

— Что слушаете?

— Сыграем в «угадай мелодию»? — предложил Паскаль.

Он протянул наушники Артуру и нажал «play».

Услышав первые же такты, Артур улыбнулся:

— «Sing For Absolution».

— Бинго! — обрадовался Паскаль.

Положив наушники, Артур заметил на столе бумажную птицу. Паскаль перехватил его взгляд.

— Это я Еву учил делать оригами.

Он взял птицу в руки и задумался.

— Меня девушка моя научила.

— У вас была девушка?

— У меня всё было... Кроме смысла... А теперь нет ничего, но есть смысл.

Паскаль помрачнел и посмотрел на ноутбук. Артур понял, что должен уйти. Он поднялся, кивнул головой и пошёл. Открывая дверь, он остановился, обернулся и сказал:

— Мне кажется, я в сумасшедшем доме.

— А вы только сейчас это поняли?

Вернувшись к себе, Артур прилёг на кровать, задумчиво разглядывая потолок. Неприятное открытие, о котором он собственно уже подозревал, но теперь оно стало фактом, расстроило его.

— Я нормальный человек, — растерянно думал он. — Как я сюда попал? Что я здесь делаю?

Вдруг послышался тихий стук в дверь. Через некоторое время дверь приоткрылась и заглянул человек.

— Извините, к вам можно?

— Заходите, — Артур поднялся с кровати.

— Здравствуйте! — слегка поклонился вошедший. — Вы здесь недавно. Я хотел с вами познакомиться, но не решался.

Артур узнал человека, который звал Еву на завтрак.

— Да ради бога. Меня зовут Артур. Как вас зовут?

— Андрон. Биологический механизм.

— Не понимаю.

— Всё просто, я — робот. И вы — робот. Разница между нами только в том, что я об этом знаю, а вы нет.

— А!.. Ну да, ну да.

— Вы думаете — я сумасшедший? — без тени смущения спросил гость.

— Ну что вы! Каждый имеет право понимать себя... называть себя как хочет.

— Да какое право! Это просто факт. Я и не хотел бы быть роботом, но деваться некуда!

Он помолчал, оглянулся вокруг и продолжил.

— Человек состоит из атомов, которые вовсе не атомы. Ну вы понимаете, — это то ли материя, то ли волны, то ли что-то третье, материя-волны. Но я из чего-то состою. И главное, там записана программа, там, где-то в ДНК, или РНК, или хрен-знает-где, записано, что я есть и что я должен делать. Понимаете? Там всё это уже записано, и у меня нет выбора, я робот, я выполняю программу. Моя воля — мой призрак, мои желания — подпрограммы, мои поступки обусловлены и предначертаны моей программой. Всё, что я могу — это признаться себе, что я робот, сделанный кем-то. Но изменить я ничего не могу.

Он удручённо вздохнул.

— Иногда хочется сделать что-то осмысленно-неразумное просто для того, чтобы доказать себе, что ты не робот. Но потом понимаешь, что это самообман. Робот тоже может делать неразумные поступки, робот тоже может хотеть обманываться.

— Тогда чем же он отличается от человека?

— Вот!.. Ничем. Человек — любой — это и есть робот.

— Ну ... это спорный вопрос, — замялся Артур.

— А вот давайте поспорим.

Он пододвинул стул, уселся на него и положил руки на колени.

— Вы знаете как биологи обозначают жизнь? Я вам процитирую. «Процесс сохранения неравновесного состояния органической системы извлечением энергии из среды.» Как по-вашему, это сказано о человеке или о биологическом механизме?

Он гордо посмотрел на Артура.

— Как интересно. Я правда не слышал эту формулировку, но подозреваю, что учёные могли сказать нечто подобное. Они любят всё классифицировать и раскладывать на полочки.

— Чем по-вашему человек отличается от похожего на него как две капли воды биоробота?

— Человека от робота отличает то, что он способен желать невозможного.

— То есть человек — это испорченный робот?

Артур раздражённо мотнул головой.

— Слушайте, я не хочу спорить. У вас своё мнение, у меня своё.

Андрон потупился и упорно сказал:

— Это не мнение, это факт.

Артур посмотрел внимательно. Ему стало жалко гостя. Он примирительно улыбнулся и показал пальцем:

— Смотрите, у вас муравей на рубашке.

Андрон осторожно смахнул муравья на ладонь и, поднёс ладонь к глазам.

— Это Роберт шестой.

Достал из кармана спичечный коробок, засунул туда муравья, закрыл коробок и положил в карман.

Поднялся и уже уходя, обернулся:

— Ах, да! Чуть не забыл! Хозяин приглашает вас к себе. Пойдёмте, я провожу.

Они вышли из комнаты и пошли по коридору по направлению к лестнице. Андрон шёл впереди, немного наклонив голову вперёд. Артур только хотел сказать, что дверь на лестницу заперта, но Андрон уже потянул за ручку и дверь открылась.

Андрон отошёл в сторону и показал рукой:

— Поднимайтесь вверх. Третий уровень.

— А вы?

— Мне нельзя, меня не приглашали.

Артур шагнул на лестницу и медленно стал подниматься по ступеням. Услышал, как за спиной Андрон закрыл дверь, и характерный щелчок подсказал ему, что дверь снова заперта.

Проходя мимо двери, ведущей на второй этаж (или уровень, как сказал Андрон), он убедился, что дверь тоже зарешёчена, и на этаже не горит свет. Поднимаясь дальше, он дошёл до выхода на третий этаж. Лестница шла ещё выше — видимо на крышу. Дверь на третий этаж была приоткрыта. Виден был освещённый коридор с дверями по левой стороне и окнами по правой.

Он постоял несколько секунд, собираясь с мыслями и шагнул вперёд.

Одна из дверей открылась в бок, как в купейном вагоне. Из неё вышел невысокий, плотный человек лет пятидесяти и внимательно посмотрел на Артура. Артур остановился и

сказал:

— Здравствуйте!

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, молодой человек. Вас, кажется, зовут Артур? — он с хитрым лукавством наклонил голову.

— Кажется... Вообще-то я ничего не помню. Я надеюсь, что вы мне расскажете — кто я, что со мной произошло, и почему я здесь?

— Интересно, интересно... Ну, пойдёмте — будем разбираться.

Он вернулся в комнату и Артур зашёл за ним. Комната была похожа на кабинет учёного. Две стены, сверху донизу, занимали стеллажи книг. Посреди кабинета стоял огромный письменный стол, возле него — два кресла и напольный торшер с уютным зелёным абажуром.

Хозяин подошёл к большому окну слева от стола, отдернул шторы и распахнул створки окна наружу. В комнату хлынул солнечный свет, свежий воздух и далёкий шум прибое с редкими, гортанными криками буревестников. Затем Хозяин уселся в кресло за столом и рукой пригласил сесть во второе кресло Артура. На краю стола стоял большой монитор, развёрнутый к Хозяину. На экране монитора плавали аквариумные рыбки.

— Вы уже познакомились с моей женой. И я вас хочу сразу кое о чём попросить... Она принимает вас за старшего из наших сыновей — увы, давно погибших в автомобильной аварии. Она помнит его в вашем возрасте и не понимает, что сейчас ему было бы тридцать лет. Я не буду её разуверять, и вас прошу этого не делать.

— Хорошо.

— И да — называйте её матушкой. Ей приятно, а вам всё равно.

— Пожалуй.

— Ну так — что вы хотели у меня спросить?

— Где я, и как я попал на этот остров?

— Вы в частной психиатрической больнице «Новый Эдем» на маленьком островке в Индийском океане. Я хозяин этой больницы, мне принадлежит этот остров и этот Замок. Три дня назад, утром, вас обнаружили на берегу, лежащим без сознания. На берег вынесло также обломки какой-то яхты. Предыдущей ночью был сильный шторм и, видимо, яхта разбилась о рифы. Возможно, вы плыли на ней, во время столкновения ударились головой, и вас выбросило за борт. Это могло бы объяснить потерю памяти, и то, как вы оказались на берегу. Но почему вы выжили, а не утонули — я не знаю.

Хозяин развёл руками.

— Расскажите мне, что вы помните о себе.

Артур замялся, посмотрел в пол, потом на Хозяина, и замотал головой.

— Ничего... Я, когда увидел своё отражение в зеркале, поймал себя на мысли: кто это?

Хозяин внимательно посмотрел на Артура. Затем встал, обогнул стол и подошёл к нему.

— Ну-ка встаньте!

Артур послушно поднялся.

Хозяин осмотрел голову Артура и хмыкнул.

— Ну что ж, всё хорошо. Я думал, будет хуже. Вы молоды, и быстро поправитесь.

Он вернулся за стол.

— Ретроградная амнезия явление возможное при таких травмах. Вам нужен покой и время. Я думаю, память вернётся к вам. Попытайтесь найти какую-то ниточку, за которую сможете распутать весь клубок.

Артур оглядел комнату и повернувшись к Хозяину, попросил:

— Расскажите мне о замке.

— О, это с превеликим удовольствием. Замок — моя гордость, моя жизнь. Он был построен в 19-м веке моим пра-пра-пра каким-то прадедом. Построил он его для своего отца. Отец его был граф Редмонд, влиятельный человек в британской Индии. Но на старости лет стал заговариваться, совершать безрассудные поступки — в общем все признаки старческого маразма. Можно было потихоньку отправить его в родовое английское поместье, доживать жизнь в окружении лекарей и сиделок. Но потихоньку не получилось. Старик был человек властный, он заявил, что никуда не поедет, и хочет окончить свою жизнь в Индии. Молодой граф понял — если насильно увезти отца в Англию, он может устроить там такой скандал, что опозорит весь род и подорвёт карьеру сына.

— Тут кто-то и подсказал ему идею про небольшой остров в Индийском океане. Затея была затратная, но честь имени графа Редмонд тоже стоила дорого. Так был построен этот Замок. Поначалу он предназначался для одного человека. Несмотря ни на что, молодой граф любил отца. Он хотел сделать его последний приют привычным для него, похожим на родовую Замок. Мне кажется это ему удалось. Безумный отец прожил здесь последние годы своей жизни и похоронен в склепе под Замком. После его смерти, молодой граф устроил здесь психиатрическую лечебницу.

— Дальнейшую историю Замка я не буду подробно рассказывать. Тут многое переменялось. От старого Замка остались только стены... Когда-то здесь было многолюдно. В комнатах жили по два человека на двух этажах Замка. На втором этаже раньше жили нормальные сумасшедшие. Третий этаж занимал медицинский персонал.

— Нормальные сумасшедшие? Это как?

— Наполеоны, Цезари — ничего интересного!.. Сейчас второй этаж пустует, а больных осталось всего двенадцать человек. Вы уже успели с некоторыми из них познакомиться и, согласитесь, это не рядовые безумцы. Я специально устроил так, чтобы больница стала, как бы это сказать, узкопрофильной. Мне не интересно заниматься банальными больными. Вы скажете — долг врача лечить всех. Я открою вам маленький секрет. У меня есть медицинское образование, но здесь я не только врач, я тюремщик. Моё выношенное убеждение, что вот эту категорию больных излечить нельзя, но именно эта категория больных представляет для человечества наибольшую угрозу. Я называю их миссионеры. У каждого из них есть сверхидея, которая подавляет всё остальное. Почти у всех, есть желание изменить мир под себя. Это очень опасно для человечества. Эти люди должны быть изолированы. Поэтому я не столько врач, сколько тюремщик.

— Но хватит слов, — он поднялся. — пойдёмте обедать. Нас уже заждались.

Хозяин обогнул стол и пошёл к двери. Артур последовал за ним. Пройдя коридором, они вышли в просторный зал, посреди которого стояли стол и три стула. Офелия разливала по тарелкам суп из кастрюли. Увидев входящих она обиженным голосом пропела:

— Ну что ж вы так долго! Всё почти остыло... Артур, мальчик мой, садись вот здесь.

Артур сел напротив окна. Уселся и Хозяин, потом Офелия.

— Угощайтесь, молодой человек, — показал руками на стол Хозяин. — Угощайтесь, и расскажите нам — с кем из больных уже познакомились?

— Я ещё не со всеми познакомился. Но те, кого видел, меня удивили. Сначала странно, а потом интересно. Вот Паскаль, например, очень интересный человек.

Артур заметил, что у Хозяина слегка дёрнулись губы.

— О, да — заметный экземпляр... Он вам уже рассказывал про Сокровенную Книгу?

— Нет.

— Ещё расскажет, и вы, не дай бог, поверите. В первые дни своего пребывания здесь он рассказывал об этом всем, и был очень убедителен. Даже я чуть не поверил.

Хозяин добродушно засмеялся.

— Они все убедительны. И знаете — почему? Они убедили себя. И теперь им ничего не стоит убедить других... Паскаль такой же сумасшедший, как и все остальные. Не верьте им на слово, вы ещё так наивны!

— Нет, я понимаю, что многие из них... ненормальны, — подыскал правильное слово Артур. — Но я не вижу в них агрессии и опасности. Я думаю, они вполне могли бы жить на воле.

— Вы так думаете? Вы ошибаетесь, молодой человек. Они не могут жить в человеческом обществе, они не смогут социализироваться, и они опасны для общества.

Хозяин с аппетитом, дуя на ложку, ел суп. Артур тоже начал есть. Суп оказался удивительно вкусным.

— Сумасшествие — ведь это не качественная оценка, а количественная. Сумасшедшие все, но в разной степени. Поэтому среди сумасшедших есть свои сумасшедшие. Так сказать, сумасшедшие в квадрате. Вот такие тут и собраны.

Заметив, что Артур слушает его, забыв про еду, указал ему на тарелку.

— Да вы кушайте, кушайте. Не тушуйтесь, у нас по-простому.

Артур покосился на Офелию. Она насадила на вилки две булочки, и разыгрывала какое-то кукольное представление.

Хозяин проследил его взгляд.

— Не обращайтесь внимания — она живёт в своём мире.

Офелия посмотрела на них с доброй улыбкой и сказала:

— Как сейчас помню — я играла Офелию в школьном спектакле. У меня было такое красивое платье. А Гамлета играл мальчик, который был в меня влюблён.

Сказав это, она снова погрузилась в молчание, уйдя в свои воспоминания. Артур подумал, что так могла бы выглядеть Офелия в пятьдесят лет, если бы послушалась Гамлета и ушла в монастырь.

Хозяин доел суп и принялся за второе.

— А что вы думаете про Андрона?

— М-м... У меня от него двойственное впечатление. Он вежливый, открытый, но я не понимаю его, как вы выразились, «сверхидею».

— О, это ещё не единственная его причуда! Вы были у него в комнате?

— Нет.

— Знаете, чем он там занимается?

— ?..

— Он дрессирует муравьёв, — видя удивление собеседника, ехидно улыбнулся и кивнул. — Он учит их ходить на двух ногах.

— Зачем?!

— У него теория, что человечество вырождается и скоро закончится. Следующей цивилизацией на Земле будет цивилизация муравьёв. «У них всё для этого есть» — говорит. «Не хватает одного — умения ходить на двух ногах. И вот этому я их могу научить.»

— А что изменится, если муравьи встанут на ноги?

— Э-э, нет! Тут он прав. Обезьяна встала на путь к человеку именно тогда, когда встала на задние ноги. У неё появилось эволюционное преимущество перед другими.

— Какое?

— У неё появились руки. Свободные руки! А руками можно мно-огое сделать!

Хозяин доел жаркое и отодвинул тарелки. Налил из кувшинчика, стоявшего посреди стола, вина — себе и Офелии.

— Вам я не предлагаю. Вы ещё слишком молоды.

Офелия налила Артуру горячий чай в маленькую фарфоровую чашку на блюдце и подвинула к нему тарелку с пирожными.

— Спасибо, матушка, — поблагодарил Артур, вспомнив просьбу Хозяина.

Офелия тепло улыбнулась и легко погладила его по голове.

Артур выпил чай и вопросительно посмотрев на Хозяина, сказал:

— Могу я у вас спросить: почему в Замке все говорят по-русски? Вы же англичанин. Судья, по-моему, типичный англичанин. Сократ действительно похож на грека. И все говорят по-русски. Для меня это ещё одна загадка.

— Ну эта загадка легко объяснима. Это моя прихоть, — он лукаво посмотрел на Артура. — Я тут, как царь и бог, самодурствую в своё удовольствие.

— Ну а если серьёзно, — продолжил он, — меня воспитала моя русская бабушка. Она эмигрировала из России во Францию после революции. Там вышла замуж за француза. У них родилась дочь, моя мать. А потом вся семья бежала в Англию, спасаясь от немцев. Моя мать вышла замуж за Герберта Редмонда, моего отца, и вскоре родился я. Родители мои, утопая в своих делах, спланировали меня бабушке, и я вырос в её доме, где все, даже слуги, говорили по-русски. Когда я поселился на острове, чтобы не утратить язык детства, я сделал его официальным языком в моём Замке. Это было не трудно. Четверо постояльцев больницы говорили по-русски, они постепенно обучили остальных. А я только добавил мотивацию. Кто не хотел учиться, лишались прогулок в нашем чудесном саду.

Закончив с трапезой, Хозяин поднялся из-за стола и сказал Артуру:

— Пойдёмте, я вам покажу кое-что удивительное.

Они прошли дальше по коридору и вышли в такую же большую, как столовая, комнату. На стенах просторной комнаты висели картины в рамах. Большие и маленькие, их здесь было не меньше двадцати.

На одной из стен висела картина, которая сразу привлекала к себе внимание. Это была копия Моны Лизы. Артур, удивлённый, направился к ней, и с каждым шагом его удивление нарастало.

Картина дышала жизнью. Артур не помнил, был ли он в своей прежней жизни в Лувре, видел ли он оригинал, но от этой картины он не мог оторвать глаз. На несколько секунд она просто поглотила его.

— Это гордость моей коллекции.

Хозяин всем своим видом излучал эту гордость.

— Об этой картине существует фамильное предание. Будто бы мой прадед организовал кражу Моны Лизы, самую известную картину гениального Леонардо. Если помните, это было в 1911 году. Картину потом нашли и вернули в Лувр. Но фамильное предание гласит, что в Лувр вернулась копия, а оригинал великого Леонардо перед вами.

— Возможно ли это?.. Подделка конечно была бы определена экспертами живописи.

— Мой прадед был неглупый человек, он сделал всё возможное, чтобы подмена не была

открыта. Как известно, Джоконду Леонардо рисовал на деревянной доске. Для копии мой прадед нашёл подходящую доску картины того же времени другого, менее именитого, художника. На картине была изображена известная библейская сцена: что есть Истина? Опытный художник-копиист тщательно соскоблил изображение и на чистой доске нарисовал копию Моны Лизы. Понимаете? Он делал копию с уже украденной картины. Они стояли у него в мастерской рядом — шедевр Леонардо и шедевр Пьетро Гримальди — так звали художника, сделавшего копию. Художник пользовался такими же красками, какими пользовался Леонардо, и сумел искусственно состарить свою копию. Так что на невооружённый взгляд даже самый прожжённый знаток живописи не смог бы отличить их.

— Как-то это слишком романтично, чтобы быть правдой.

— Что есть Истина, мой друг! Что есть Истина!

— Впрочем, предание на этом не заканчивается, — продолжил рассказ Хозяин. — Прадед мой был человек скупой и не заплатил Пьетро тех денег, которые обещал. Сказал, что копия сделана плохо и любой профессионал сразу отличит подделку. Художник смертельно обиделся и нашёл способ отомстить за унижение. Он под каким-то предлогом вывел заказчика в соседнюю комнату, а мальчишке-слуге тихо, на ухо, приказал сложить и связать обе картины вместе. Когда же мой прадед, забирая картины, возмутился — «зачем ты это сделал?!» — художник ему холодно ответил — «такому профессионалу, как вы, не составит труда отличить подлинник от подделки!»

— Вернувшись в свой замок, прадед поставил обе картины рядом и долго смотрел на них, но так и не смог отличить одну от другой. Отойдя на некоторое расстояние ему показалось, что одна картина всё-таки смотрится живее. Он остановил свой выбор на ней, а другую приказал отвезти в Италию, где её потом и нашла полиция.

— Но сомнение поселилось в его сердце и причиняло ему боль. Он вдруг вспомнил, что выбрал картину, стоящую ближе к окну, и, значит, она была лучше освещена и это делало её живее. Говорят, что мучительные сомнения повредили окончательно его рассудок, так что история повторилась. Его сын, мой дед, был вынужден запереть своего отца в Замке до конца его дней.

— Всё-таки мне с трудом верится в эту легенду! — позволил себе усомниться Артур.

— Ваше право... Мне же доставляет удовольствие верить в неё... Но вернёмся в кабинет и продолжим наш разговор.

Они проследовали обратным путём, через столовую, где Офелия убирала посуду. Зайдя в кабинет, Хозяин снова уселся в кресло и закурил сигарету. Посмотрел на Артура и сказал, отгоняя рукой дым:

— Знаю, что вредно. Но не могу себе отказать в удовольствии.

Он откинулся в кресле и продолжил:

— Так вот — давайте определимся с вашим статусом. Пока не восстановится ваша память, вы останетесь в Замке. Это в ваших же интересах. У вас будет больше свободы, чем у остальных обитателей Замка. Но выходить с первого уровня я вам пока не разрешаю. Пока...

Он затянулся и выпустил дым в сторону. Положил сигарету в пепельницу и затушил.

— У нас большой фруктовый сад, погуляйте по нему, погрейтесь на солнышке, почитайте книжки. В общем отдыхайте и поправляйтесь. Признаюсь, у меня есть на ваш счёт некоторые планы, но говорить об этом преждевременно. Всё будет зависеть от того, как быстро пойдёт ваше выздоровление.

— Но я здоров! Рана на голове заросла и не тревожит меня. Могу я хотя бы прогуляться

по берегу?

— Не торопитесь, мой друг. Всё в своё время. Не забывайте, что я доктор, и мне видней, что больному можно, а чего нельзя.

— Но говорю же вам — я здоров.

Хозяин серьёзно посмотрел на него и сказал:

— Все так думают. Здесь нет ни одного, кто считает себя больным... Кстати! Я не спросил вас — верующий ли вы человек?

— Я не знаю...

— Ну вот видите! Вы даже этого не знаете. Так что, дорогой мой, слушайте доктора и выздоравливайте. У вас есть время. Корабль придёт только через месяц. Наберитесь терпения.

Хозяин встал, показывая, что аудиенция закончена.

Артур тоже поднялся, слегка поклонился, и пошёл на выход. Он спустился по лестнице. Дверь на первый уровень щёлкнула, пропуская его. Он не хотел идти в комнату, хотя уже был вечер. Сел на скамейку во дворе и задумался: «верующий ли я человек?» Просидев так полчаса, он почувствовал прохладу и пошёл в комнату. Лёг на кровать и открыл книгу.

«Если верить Гесиоду, вначале был Хаос и Хаос был пустотой. Таково было изначальное значение этого слова, которому потом зловерные англичане придали совсем иной смысл. Из Хаоса родились первые Боги — бог Неба Уран, богиня Земли Гея, бог подземного мира Тартар и другие. Первые боги породили титанов, которые, свергнув Урана, устроили первый в истории государственный переворот и захватили власть. Урана сменил Кронос и вновь история повторилась. Порождённый им Зевс, свергнул папашу и воцарился на Олимпе.

Впоследствии количество богов множилось и множилось, и доходило до того, что, если верить Петронию, в иных местах легче было встретить богов, чем людей.

С этим надо было что-то делать. Седой Авраам, задумавшись, резонно решил, что хозяин в доме должен быть один. Сказано — сделано. Иегова был суровый, деспотичный отец. Всё прощалось ему за то, что он был Отец — создатель мира и человека. Суровый еврейский Бог грозно дунул на северо-запад, и мощным порывом ветра унесло с Олимпа всех античных богов. Канули они в Лету и на страницы книг «Герои и мифы Древней Греции». Началась новая эра в жизни человечества.

Поначалу всё шло хорошо, но мешала одна заковыка. Иегова был еврейским Богом и всегда подчёркивал это. Что же делать остальным народам Земли, которым не повезло родиться евреями? Эту проблему решил Сын Человеческий, а, точнее, его самый ярый, сначала гонитель, а потом сторонник, — апостол Павел. «Нет ни эллина, ни иудея» произнёс он, и все народы облегчённо вздохнули: ну наконец-то! После этого пошло всё, как по маслу. За три-четыре столетия новая вера покорила себе полмира. Только арабы, всегда не любившие евреев, никак не хотели признавать, что у них с евреями может быть что-то общее, тем более общий Бог. В итоге они всё-таки нашли своего Бога, и в мире воцарилось прочное двоевластие. Были конечно — далёкий Китай и чуть менее далёкая Индия, но это иные, замкнутые в себе, цивилизации, никогда не претендовавшие на посторонний мир.»

Книга выпала из рук Артура, когда он заснул.

Четвёртый день

Опилки под ногами.

После завтрака Паскаль с Артуром прогуливались по двору. Паскаль рассказывал про замковые порядки. На острове Хозяин ввёл своё летоисчисление — от создания Замка. На момент пришествия Артура идёт двухсотый год замковой эры. Дни недели, месяцы и времена года отменены.

— Так что — сказал Паскаль — сегодня 360-й день 200-го года. На днях намечается торжественное празднование двухсотлетия Замка. Будет представление, музыка и праздничный обед.

— А что за представление?

— Хозяин поручил Поэту и Сократу сделать в монастырском саду небольшую постановку на античную тему. Поэт загорелся и привлёк всех к участию в ней. Он и тебя привлечёт.

Как-то незаметно и естественно они перешли на «ты».

— А почему сад называется монастырским?

— Так его монахи посадили. Тут одно время монастырь был.

Артур удивлённо склонил голову.

— Да! Один из хозяев Замка ударился в религию и привёз сюда кучку монахов. Да только не прижились тут монахи.

— Почему?

— Не знаю, правда или нет, говорят, изгнал их призрак старого графа. Ага, того самого, который здесь в склепе похоронен.

— И как он их изгнал?

— Ходил по ночам, монахов пугал, палкой стучал по окнам и дверям... Они уже что только не делали — и святой водой кропили, и молитвы читали — ничего не помогало. А когда однажды с верхних окон прямо аббату на голову полетел, извиняюсь, ночной горшок, тут у них терпение кончилось, собрали они свои пожитки, прокляли этот бесовский Замок и уплыли на большую землю.

Артур рассмеялся. Паскаль улыбнулся и продолжил.

— А чем у нас не монастырь? Монастырский сад есть. Кельи есть. Аббат — он кивнул наверх — есть, проповедник есть, верующие есть. Правда, вера у всех разная, верят все во что попало.

Артур обернулся вокруг себя, оглядывая Замок. Паскаль тоже задрал голову.

— Замок не такой уж и маленький. Здесь есть и четвёртый уровень — подвальный. Это владения Демона. Он хотел жить под землёй, он своего добился.

— Кто такой Демон?

— Ты ещё не встречался с ним? О, это страшный человек, держись от него подальше.

Паскаль приблизился к Артуру и стал говорить тихим голосом.

— Он прибыл сюда два года назад, когда здесь, кроме Хозяина с семьёй, жили ещё два врача, две медсестры, а также повар и электрик. Я тогда подружился с одной из сестёр, и она мне рассказала историю Демона.

Он чуть-чуть помолчал и продолжил.

— На большой земле его судили за преступление, ему грозило пожизненное заключение в тюрьме строгого режима. Но он так талантливо изображал сумасшествие, сумел обмануть две врачебных комиссии, и его отправили в нашу больницу.

— Почему сюда?

— Отсюда никто никогда не сбегал. «Shutter Island» — это для Голливуда. Здесь всё проще и надёжней. Океан охраняет нас лучше сотни охранников с карабинами наперевес.

— И что было дальше?

— Поначалу он был на тех же правах, что и все остальные. Но он очень хитёр. Он сумел понравиться Хозяину, брался за любую работу. Человек он способный и работящий. Хозяин сначала назначил его старшим, дал ему определённую власть над остальными. Тот быстро навёл порядок — прекратил вольницу и гуляния по ночам, разогнал всех по комнатам. В это время уволился повар, не все выдерживают жизнь на безумном острове. Демон и тут предложил себя. Так он спустился в подвал Замка. Когда ушёл электрик, он и его работу прибрал к своим рукам. Хозяину это было выгодно — не надо тратиться на зарплату наёмным работникам. Так постепенно весь подвальный уровень оказался в руках Демона. Он и жить перешёл туда. Поднимается только, если надо навести порядок.

— А что он совершил там — на большой земле?

— Его судили по двум статьям: похищение людей и причинение вреда здоровью. Было ещё обвинение в убийстве, но оно не было доказано. Он похищал людей, превращал их в своих рабов, заставлял их рыть тоннели и комнаты в подвале своего дома. Он хотел создать свой подземный город, где он будет властителем — своё царство Аида задумал построить он. И вот когда его подземный город уже насчитывал два десятка жителей, его фортуна закончилась. Одному из рабов удалось бежать и Демона арестовали.

— Как же Хозяин мог доверить власть такому преступнику?

— А ты хорошо знаешь Хозяина? Что по мне, так два сапога — пара. Он тоже держит нас за своих рабов. Только не заставляет рыть землю. Остров — его царство, и он так же, как Демон, упивается властью.

— А куда делись врачи и сёстры, тоже уволились?

— Хозяин их сам прогнал. Врачи, честно говоря, пьянствовали напропалую, благо медицинского спирта было в достатке. А однажды устроили пьяную драку, не поделив вторую медсестру. Она гуляла с обоими, ну это и закончилось мордобоем. Хозяин объявил, что лечить тут некого, все, мол, неизлечимые, а, значит, врачи ему не нужны. Выгнал всех к чёртовой матери. К этому времени он уже положился во всём на Демона, тот стал фактически его правой рукой.

— Как же Демону удаётся справляться со всем хозяйством?

— Силища в нём немереная. Да и помощников он себе нашёл. Садам Андрон занимается. Адам ему по технической части помогает.

— А кто такой Адам?

— О-о! Это замечательный человек. Только год он у нас, а мне уже как родной отец. Тебе обязательно надо с ним познакомиться.

Улыбнувшись тепло, продолжал:

— Он называет себя — «Последний человек». Говорит, что прибыл из будущего. Не знаю, правда это или нет, но то, что он человек особенный — несомненно. Последнее время он занят работой. У него мастерская за пределами Замка. Там он сейчас и ночует. Хозяин поручил ему починить второй дизель-генератор.

Нагулявшись, они уселись за столом в центре двора возле «Мыслителя».

Артур попросил:

— Расскажи мне о Сокровенной книге.

Паскаль посерьёзней и сжал губы.

— Кто тебе сказал?

— Хозяин что-то такое говорил.

— Небось смеялся надо мной? — он вопросительно посмотрел на Артура.

— Нет... Хотя называл тебя сумасшедшим.

Паскаль вздохнул и ещё посерьёзней.

— А кто не сумасшедший? Каждый верит во что-то, что при честном размышлении можно назвать безумием. Просто есть разрешённое безумие и запрещённое.

Он махнул рукой куда-то в сторону, где за Замком и океаном лежит большой мир.

— Там ведь не меньше сумасшедших, чем здесь. Всё зависит от того, что назвать сумасшествием, и, главное, кто будет называть. Верить в непорочное зачатие, Страшный Суд и чёртиков — это нормально. А верить во что-то иное — это безумие.

Он опустил голову.

— Не знаю, может я какой-то неправильный... Я с детства пытался понять этот мир. И больше всего меня поражало то, что другим это не нужно. Мои друзья по школе... — он пожал плечами — Наверно, и они когда-то задавались вопросами. Но быстро находили какой-то приемлемый ответ, и успокаивались на этом. Они очень легко принимали на веру всё, что им говорили взрослые — ведь взрослые всё знают!

Паскаль поднял голову и посмотрел на Артура.

— А взрослые не всё знают. Они также в своё время приняли всё на веру, успокоились и занялись более важными делами — карьерой, бизнесом, личной жизнью...

Он поднялся и махнул рукой Артуру.

— Пойдём ко мне, я тебе покажу...

Они пошли в комнату Паскаля.

Войдя в комнату, Паскаль подошёл к столу и включил ноутбук. Артур, чуть не споткнувшись о валявшийся на полу мяч, взял второй стул и сел рядом.

— Твой ноутбук? — спросил он.

— Нет, откуда? Мой остался там, — он кивнул куда-то видимо в сторону далёкого дома. — Это мне Ева свой подарила. Представляю, как злился Хозяин. Но одного у него не отнять — он любит дочь, и многое ей позволяет.

Он запустил какую-то программу и на экран посыпались слова. Это был какой-то сумбур, лишённый смысла. Паскаль напряжённо смотрел, меняя что-то в настройках.

— Не могу понять алгоритм.

— Алгоритм?

— Алгоритм шифрования... У меня ощущение, что он должен быть прост. Самое важное всегда просто. Сложность — это признак заблуждения. Как там, в бритве Оккама: не надо умножать сущности сверх необходимого.

Он откинулся на стуле, глядя в экран. Слова сыпались, слагались какие-то фразы, моргали какие-то предупреждения. Паскаль захлопнул крышку ноутбука и посмотрел на Артура.

— Я нашёл Сокровенную Книгу, но никак не могу её расшифровать.

Он встал и прошёлся по комнате. Артур ждал, когда он продолжит. Видно было, что

Паскалю надо высказать всё, что накопилось внутри.

— Вспоминая сейчас своё детство, я понимаю, что всегда искал её. Мудрую книгу, которая мне всё объяснит. После которой не останется вопросов. Станет понятен удивительно простой и светлый замысел Творца. Помню, как я обрадовался, впервые прочитав Евангелие от Луки. Мне казалось — вот она. Эта книга. Но потом я стал читать Ветхий Завет... и это ощущение пропало. Не то... Не то!..

Он сел на кровать, но снова вскочил.

— Потом я увлёкся наукой. Но постепенно понял — наука всё больше сливается с фантастикой. Пытаясь пробиться к основам бытия, к точке сингулярности, к субатомным уровням; залезая в кварковые дебри и дёргая за многомерные струны, наука впадает в фантазийную беллетристику. Речь уже не идёт о доказательствах, они здесь и невозможны. Читая очередной опус популяризатора физики о том, что происходило между 10–43 и 10–37 секунды от Большого взрыва, мне хочется ему посочувствовать, как любому слабому на голову человеку.

Он ходил по комнате из угла в угол.

— Попытки найти абсолютную истину похожи на процесс вычисления иррационального числа. Ты можешь записать миллионы знаков числа Пи, но никогда не получишь окончательный ответ. В этом число Пи похоже на мир — оно постигаемо, но непостижимо.

Он бросил взгляд на Артура.

— Знаешь, где лучше всего можно что-то спрятать?

— Где?

— На виду. На самом видном месте. Только надо назвать это по-другому, и тогда никто не поймёт, что самое ценная вещь в мире всегда была у тебя под рукой, пока ты блуждал по чужим странам, рыл землю, нырял в океан, искал клады — самое ценное всегда лежало у тебя на виду.

— И что же это?

Паскаль подошёл к нему, Артур встал со стула. Их лица почти соприкасались, он ощутил дыхание Паскаля. Глядя Артуру прямо в глаза, он сказал:

— Сокровенная Книга зашифрована в числе Пи.

Он не отводил взгляд. Артур почувствовал озноб.

— Почему Пи?

Паскаль отошёл.

— Потому что это не случайное число. Это одна из немногих физических констант, определяющих наш мир. В этих константах скрыта суть мира. Если б они были другими, и мир был бы другим.

Он направился к двери.

— Пойдём на воздух!

— Мы из того поколения, которое родилось с ноутбуком в руках, — выйдя на «воздух» увлечённо рассказывал Паскаль. — Компьютерный мир называют виртуальной реальностью. Но для нас это не так. Для нашего поколения это уже такая же реальность, как и мир за окном. Я заметил, что слово «виртуальная» теряет свой изначальный оттенок «не подлинности». На наших глазах возникает новый мир, новая реальность. Это похоже на то, как если бы открылось иное измерение мира. Очень скоро появятся науки, изучающие мир

интернета, на тех же правах, как науки, изучающие «реальный» мир. Будут изучать историю интернета, законы интернета, археологи будут рыться в интернет завалах, раскапывая черепки разбитых душ и острые наконечники язвительных стрел, оставшихся на полях интернет-баталий.

— Когда я увлёкся программированием, — он повернулся к Артуру, — я задумался о том — чем виртуальная реальность отличается от привычной реальности мира? Не является ли квантовая картина мира прямым намёком на дискретность мироздания, что свойственно виртуальным мирам? Быть может, Бог — это суперкомпьютер, а мир — его операционная система. Мир виртуален. Виртуальность не противоположна реальности, она и есть реальность. Если засунешь руку в огонь, получишь ожог. Если посмотреть исходник операционной системы, ты найдёшь там что-то вроде: IF рука&огонь THEN ожог.

Артур вспомнил про найденный клочок бумаги и улыбнулся. Паскаль продолжал.

— Мир познаваем, но не может быть познан. Наверно так и должно быть. Малое не вместит в себя великое. И никакая замкнутая в себе система не может быть познана изнутри — только извне. Человеку недоступны абсолютные истины, абсолютное знание. Его понимание мира всегда будет некой теоретической выдумкой, единственным требованием к которой будет приближённое соответствие непостижимой реальности. Это похоже на попытку нарисовать круг, рисуя многосторонние многоугольники.

Артур пожал плечами.

— Надо просто принять как данность, что Истина недоступна нам, и научиться жить с этим.

Паскаль понимающе улыбнулся.

— Сразу видно нормального человека... Что ты делаешь здесь? Тебе туда! — он кивнул головой в сторону. — Там всегда поступают так. Там давно научились жить с этим... а я не научился...

Он встряхнул головой.

— Мы с моим приятелем, тоже программистом, обсуждали одну компьютерную игру. Он мне объяснял, что общего между компьютерной игрой и жизнью.

— «Жизнь это игровой квест с неизвестным заданием. — говорил он. — В игре обычно тебе даётся задание, ты его выполняешь, тебе говорят: молодец! получи конфетку и переходи на новый уровень. В жизни не так. Ты помещён в какую-то игру, но никто не дал тебе задания. Ты не знаешь — что от тебя требуется, что ты должен сделать, чтобы перейти на новый уровень. В этом прелесть и трудность жизненной игры. Конечно ты можешь смотреть на окружающих, пытаться подражать тем, кто тебе по душе, но это не гарантирует результата. Ты будешь делать то, что тебе нравится, а не то, что должен. Главное в жизненной игре — понять, что от тебя требуется. Представь, что твоя жизнь — компьютерная игра. Вот как бы ты определил свою цель в этой игре?

— Иди туда, где много врагов. Начни драку, победи их всех. Они наверняка охраняют то, что тебе нужно для перехода на новый уровень. — сказал я.

— Это путь воина. Но если от тебя требуется совсем иное? Может быть, ты должен был исследовать мир и найти потайную дверь, которая проведёт тебя на другой уровень. Это путь разведчика. Или ты должен был сложить пазл из кусочков, попадавших тебе на пути, и понять — что ты должен сделать. Это путь мудреца.

— Возможно ты прав. Но игру можно переиграть, ты можешь выбрать любой из этих путей. Если он окажется неправильным, что ж, в следующей игре ты выберешь верный путь.

А в жизни что-то переиграть уже невозможно.»

— Вот так мы с ним побеседовали, а я серьёзно задумался: может я действительно в компьютерной игре? Какой же путь мне выбрать? Чтобы не ошибиться?

— Ну и что же ты решил? — спросил Артур.

— Я бродил по миру в поисках тайных знаков на стенах, на лицах, на небе. Я искал подсказку, я читал книги, много книг. Пока не понял, что это тупиковый путь. В мире много людей, много книг. Но люди... Хорошо, если они знают своё предназначение. Но моё они мне точно не скажут. И книги тоже, расскажут тебе чьё-то решение, но не твоё. И тогда я решил найти Сокровенную Книгу. Прочитать её и понять своё предназначение в этом мире, в этой жизни.

Он обернулся, посмотрел на Артура.

— И я её нашёл.

Они помолчали. Потом Артур, пожав плечами, сказал:

— Я не понимаю, как связаны Книга и число Пи. Книга — это набор букв, число — это набор цифр.

— Ты живёшь в компьютерную эпоху. Должен знать, что каждая буква имеет своё числовое представление.

— Ну, хорошо. Если ты заменишь числа буквами по какой-то кодовой таблице, ты получишь бессмысленный набор букв, абракадабру.

— Смотришь в корень. Я долго шёл по этому пути, использовал разные позиционные системы счисления для расчёта числа Пи. Но потом понял, что это тупик. Числа не могут соответствовать буквам алфавита, ведь тогда Книга будет привязана к одному языку. Было бы странно, если бы Книга была написана на английском или русском языке. Тогда я подумал — что связывает все языки? Что является для них общим?

Он смотрел на Артура, ожидая ответа.

— Слова? — предположил Артур.

— Именно! Слова во всех языках произносятся и пишутся по-разному, но означают одно и то же. В последовательности цифр числа Пи зашифрованы не буквы, а слова.

— Но тогда надо знать словарь Бога, — улыбнулся Артур. — Слова, может быть, означают одно и то же (это ещё кстати большой вопрос), но словарный запас у разных народов разный.

Паскаль озабоченно вздохнул.

— Я пробовал подключить английский, русский, французский, немецкий словари. До китайского я не дошёл. Как-то трудно мне представить Господа китайцем. Сорри, за не толерантность.

Артур улыбнулся.

— А, может, у Бога свой словарный запас, какой-нибудь ангельский язык. И ты не сможешь прочитать Книгу, не зная его.

— Значит, я обречён. Это ведь ещё мучительней — держать сокровище в руках, и не мочь воспользоваться им. Но у меня есть кое-какие идеи. Слова, даже если их в словаре много, всё равно должны повторяться. В связной речи всегда есть повторяющиеся слова — личные местоимения, наиболее часто используемые глаголы, и так далее. Вот сейчас я ищу такие повторы в теле числа Пи. Проблема в том, что это опять зависит от системы счисления. А перебрать их все — задача непосильная. Представляешь, если в словаре Бога миллион слов! Это надо рассчитать число Пи в миллионотиричной системе счисления.

Артур не выдержал и засмеялся.

Паскаль посмотрел на него непонимающе, но потом тоже засмеялся.

Отсмеявшись, Артур спросил:

— Значит, ты считаешь, что мир виртуален? Как в фильме «Матрица»?

— «Матрица» — это комикс для тинэйджеров. Всё гораздо глубже, без спецэффектов и красивой картинки.

Вдруг Паскаль куда-то посмотрел. Артур проследил его взгляд и увидел Андрона, который, махая рукой, подзывал их к себе.

— Что он хочет? — спросил Артур.

— Он зовёт нас на проповедь, — улыбнулся Паскаль. — Пойдём, познакомишься с нашим Мессией.

Паскаль поднялся и пошёл к Андрону. Артур последовал за ним.

Андрон, окинув взглядом весь двор и убедившись, что больше никого нет, скрылся за дверью. Паскаль вместе с Артуром зашли в ту же дверь.

В просторной комнате уже было несколько человек. Они сидели на трёх небольших деревянных лавках. Высокий худой мужчина стоял на стуле у буфета, строго смотря на собравшихся. Одет он был в белую рубаху навыпуск и такие же белые штаны, на ногах его были истоптанные сандалии. Артур понял, что это и есть Мессия.

На правом плече Мессии сидел белый голубь. Он вертел своей маленькой головкой, как церковный староста озирался по сторонам — все ли соблюдают тишину и порядок? Вдруг он вспорхнул с плеча и пролетел по комнате, хлопая крылышками. Затем снова опустился на плечо Мессии.

Артур огляделся. По стенам комнаты висели горящие лампы и тёмные образа. Буфет, возле которого стоял Мессия, был превращён в иконостас. В воздухе чувствовался запах ладана. В углу за Мессией стояла статуя Мадонны с младенцем на руках. Видимо всё, что осталось от монахов, было собрано в этой комнате.

Мессия строго всех осмотрел и поднял руку. Все притихли. Несколько секунд в комнате висела тишина. Мессия, подняв голову, посмотрел вверх. Потом он опустил голову и заговорил.

— Дети мои! — он театрально раскинул руки, как бы заключая в объятия свою паству. Голубь снова вспорхнул, но тут же уселся обратно, когда Мессия опустил руки.

— Как же вам повезло! Вам повезло услышать Истину. Я расскажу вам об истинном Боге — творце миров.

— Много богов придумали люди. Я не виню их. Они не знали Истину, которая откроется вам через меня.

— Люди жаждали Бога, как жаждут воды путники, бредущие по пустыне. Не зная Его, они наделяли вымышленных богов своими чертами. Эти боги ели, пили, любили, страдали и радовались, воевали и примирялись — также как люди, придумавшие их.

— Обилие богов и полубогов древнего мира поражает воображение. Не сразу пришло понимание, что Создатель быть может только один. Лишь мудрый Авраам отверг языческих идолов и признал единого Бога. Он обладал мудростью, но не обладал знанием. Он тоже выдумал своего Бога. Он наделил Его человеческими чертами и качествами. Яхве гневался и радовался, как люди. Наказывал и вознаграждал, обещал и грозил. И, главное, как утверждается в Ветхом Завете, он создал человека по образу и подобию своему.

Мессия остановился и оглядел присутствующих, затем продолжил.

— По образу и подобию своему — какая неловкая выдумка! Неловкая, но понятная. Ближе к Богу, хотел быть человек, сыном божьим хотел себя называть. Родному и близкому Отцу, пусть даже порой суровому, человек мог покориться, Его он мог любить.

— Могу ли я упрекать Авраама, что он дал своему народу образ Отца?! Нет! Он дал своим людям то, что они могли понять, что они могли принять, во что они могли поверить.

— Но пришло время! Пришло время горьких истин, прошло время сладкой лжи.

— То, что Бог, по-вашему, создал вас по образу и подобию своему, избличает вашу гордыню — смертный грех. Нет, не по образу своему создал вас Бог. Образ его вы даже представить себе не можете в самых страшных ваших снах. Тысячи рук у вашего Бога, тысячи ног. Тысячи глаз его пронзают мир насквозь и не укрыться от этого взора никому. Если бы вы могли увидеть Его и не ослепнуть, вы назвали бы Его чудовищем.

— Одно вы знаете верно: «неисповедимы пути Господни». И нет в его замыслах места для вашего спасения, для вашего райского сада, где вы будете гулять блаженные и счастливые всю оставшуюся вечность.

— Вы придумали себе удобного Бога! Поймите, что Бог, который любит вас, это Бог, которого вы хотите. Но тот, кто создал этот мир и вас в нём, не носит черты ваших хотений.

— «Бог — это любовь», — говорите вы, потому что вам так хочется. Человеку хочется, чтобы у него был любящий и сильный Отец. Это так понятно. Но дела и замыслы Бога вам непостижимы. Бог великий гончар и не любит он свои неудачные творения, кривые горшки. Он разбивает их без сожаления. Так великим потопом он стёр с лица Земли неудачное творение своё. Да, он спас Ноя, решив дать человечеству второй шанс. Но если человечество не использует этот шанс, нахмурится Бог и разобьёт кривой горшок. Примите это со смирением, не молитесь о пощаде.

— Я не буду вам говорить — «Бог любит вас!». Я не буду вам говорить — «Бог думает о вас!» Я не буду вам врать. Как это делают проповедники всех религий.

— Бог не любит вас, Бог не думает о вас. Бог творит великие дела в своей мастерской. А вы опилки под Его ногами, которые Он топчет.

— Я говорю вам о Боге, который ничего не обещает своим детям. «Вы — глина в моих руках. Из глины созданы, в глину вернётесь. Я не лгу вам, как придуманные вами боги, я не обещаю вам бессмертия, вечной жизни в каком-то раю. Из глины пришли, в глину уйдёте. Вы должны верить мне без надежды на выгоду для себя.»

— Вот какого Бога открываю я вам! Примите же Его в своё сердце, склоните перед ним свою голову! Проститесь со всеми страхами — не будет Страшного Суда! Проститесь со всеми надеждами — не будет райского сада! Из глины пришли, в глину уйдёте.

— Поймите, что, открывая вам истинного Бога, я дарю вам свободу. Нет страхов, нет надежд — вы свободны!

— Аминь.

Выходя из комнаты, Артур казался сбитым с толку.

— Зачем приходят его слушать? Это же какое-то дремучее сектантство.

— У всех свои мотивы. Кто-то находит в его речах подтверждение своих мыслей. Андрон невысокого мнения о человеке. Меня завораживает его энергия и мессианство. Сократ слушает со своей вечной иронической улыбкой. Он говорит: «каждый имеет право на своё мировоззрение».

— А потом... — Паскаль посмотрел на Артура с улыбкой. — Здесь так мало развлечений!..

— Я кстати понимаю исходный посыл этой проповеди, — продолжил он. — Мессию волнует простой вопрос: возможна ли вера, за которую ничего не обещано?

Они сели на скамейку во дворе.

— Я сам задавался подобным вопросом, — признался Паскаль, — когда в церкви слушал проповедь священника, который призывал возлюбить Господа всеблагого, всемогущего, вездесущего — в общем, супермена... Я думал: если спросить его — почему он любит Господа? — он прочтает ещё одну проповедь, где приведёт десятки причин, кроме одной, может быть, самой важной. Ему обещаны вечная жизнь, спасение души, райское блаженство — при условии, что он будет паинькой, и во всём будет слушаться Отца своего... Вот если бы ему не было это обещано, была бы его любовь к Господу столь пламенной? — вопрос не из лёгких...

— Мой тёзка, Блез Паскаль, — продолжил он, — предлагал верить в Бога, потому что это выгодно. Если Бог есть, ваша вера вам зачтётся, если же Его нет — вы ничего не теряете. Как говорит пословица: на «нет» и Страшного Суда нет. Вот против такой веры идёт Мессия.

Вечером Паскаль познакомил Артура с Поэтом.

Поэт выглядел так, как и должен выглядеть поэт — восторженный, с кудрявыми, взъерошенными волосами, с выразительной мимикой и не менее выразительными руками.

Он сходу взял Артура в оборот и, прижав его к стенке, стал изрекать:

— «Вначале было слово». Потом была рифма. Вселенная — это поэма, созданная Богом. Человечество в ней — отдельная глава. Каждый человек — одно слово в этой главе. Вот вы — какое слово? У каждого человека есть, определяющее его, слово. Есть люди — существительные, есть люди — прилагательные, есть люди — глаголы, есть люди — междометия. Вот я, например, — Поэт. В этом моя суть. Это моё высшее призвание. Определите своё призвание, и вы найдёте своё слово. Когда вы найдёте своё слово, вы сможете искать своё место в этом мире, в этой поэме. Вы сможете подобрать к себе рифму, связать себя с родственным вам, созвучным вам человеком. Понимаете, как всё это работает?

Артур, ошеломлённый столь неистовым напором, только моргал. Поэт продолжал.

— Нет в мире большего счастья, чем найти себе рифму. Вы сразу обретаете и счастье, и смысл. Вы вплетаетесь в неразрывную ткань столетий на полотне времени. Вы исполняете Божий замысел. Есть у вас любимый человек, нет? Значит, вы ещё не нашли себе рифму или даже не нашли своё слово. Поторопитесь, поторопитесь, молодой человек! Жизнь коротка и надо успеть вписать своё имя в поэму Отца нашего. Иначе ваша жизнь пропадёт зря, и вы останетесь на страницах поэмы какой-то маленькой запятой или знаком вопроса.

— Прочитайте что-нибудь своё, — смог выдать из себя Артур, подумав, что поэты обычно любят декламировать свои стихи.

Поэт вперил в него свой взгляд и отошёл, чтобы получше разглядеть нахала.

— Прочитать своё?! — провозгласил он и внезапно остыл.

— Я не читаю стихи... Читать можно прозу, мемуары, доклады, лекции. Стихами надо жить! Они должны изливаться из твоей души естественно и непреодолимо, как Ниагарский водопад.

Он ещё раз уставился на Артура, словно увидев его в первый раз.

— Кто вы такой, молодой человек?

— Его зовут Артур. Он недавно прибыл, — помог Паскаль.

— А чем вы занимаетесь по жизни?

Артур пожал плечами.

— Пытаюсь понять — кто я, где и зачем?

— Так вы на правильном пути! — снова оживился Поэт. — Большинство людей уверены, что они знают — кто они. Но они ошибаются! Всё, что они якобы знают, им внушено. С рождения люди слышат: ты должен быть таким, ты должен делать то и не делать это, ты должен стать тем, и ни в коем случае не этим. Всё это внушение и создаёт у человека уверенность, что он всё о себе знает, и судьба его лежит перед ним прямой дорогой. Какое заблуждение! Никто не знает своего предназначения, а большинство даже не пытается его понять. Большинство плывёт по течению.

Он на мгновение задумался.

— Нет, конечно и запятые, и знаки вопроса тоже нужны в поэме. Но как-то в них мало смысла — вы не находите? Они являются оформлением, а не содержанием. А человек всё-таки должен как-то наполниться смыслом.

Паскаль решил прервать монолог и спросил.

— Я слышал, что вы пишете новую трагедию в стихах.

— Это вам Сократ сказал? Вот старый болтун! Уже всё растрепал. Я попросил его помочь мне, зная, что он хороший знаток античной трагедии. Да, я пишу трагедию. Это будет новое слово, поверьте мне. Сам Софокл мне позавидует. Но пока она не рождена, её нельзя предъявлять человечеству. Всё имеет свой срок. Я знал художника, который рисовал каждую свою картину девять месяцев. Он был убеждён, что рождение картины требует не меньше времени, чем рождение человека.

— И всё-таки прочитайте что-нибудь, — присоединился к просьбе Артура Паскаль. — Хотя бы из Поэмы Грусти. Вы в прошлый раз читали, мне понравилось.

Поэт, с явным удовлетворением, склонил голову.

— У вас хороший вкус. Ну так и быть, прочитаю отрывок.

Он гордо выпрямился и, глядя поверх голов, стал декламировать с выразительной мимикой:

«Сегодня холодно и надобно жалеть
тех, кто идёт по тонкому канату
и ловит птиц в сиреневую сеть.
Мой милый друг, я не хочу стареть!
Сыграйте мне печальную сонату.

Вот так живёшь — как будто бы давно,
но каждый раз, когда приходит это,
замороженный, смотришь за окно —
как умирает раненное лето.

Приходит осень в шорохе листвы...»

В этот момент открылась дверь, и вместо осени пришёл Андрон.

Поэт осёкся и закапризничал.

— Нет, я так не могу! Меня отвлекают! И вообще я не в настроении.

Андрон засмутился, а Паскаль сказал:

— Почитайте свои короткие стихотворения.

Поэт откашлялся, встал в прежнюю позу и прочитал:

«И этот жёлтый лист,
что медленно парит
с небесной высоты
или соседской крыши —
то он не говорит
иль мы его не слышим? —
о чём он нам печально говорит...»

Дверь опять отворилась и вошёл Сократ.

Поэт воскликнул:

— А! Вот он ты, старый болтун! Всем проговорился про мою трагедию?!

С лица Сократа сползла ироничная улыбка, но через мгновение вернулась обратно.

— Если ты не в духе, так я позже зайду.

— Нет, нет! — засуетился Поэт. — Друзья! Извините, нам надо поработать.

Все, кроме Сократа, пошли на выход.

За дверью Паскаль, посмеиваясь, спросил Артура:

— Ну как тебе наш Поэт?

— Интересный человек. Хотелось бы ещё его послушать.

— Подожди, он тебе ещё свои сборники стихов подарит. Поэты они такие — капризничает, капризничает, а без внимания к себе погибает. Ему нужны слушатели и читатели, хоть он всячески от этого будет отнекиваться.

Поговорив ещё недолго с Паскалем, Артур отправился в комнату, поужинал, взял книгу и лёг на кровать.

«Помимо, окружающего нас, материального мира, несомненно существование иной Вселенной, Вселенной, которую строит само человечество. Для неё придумали слово — ноосфера. Внешний мир не подозревает о существовании в нём второго мира — человеческого. Но для человека — он очевиден и реален не меньше, чем первый. Это Вселенная, построенная человеческим разумом. Это Вселенная культуры, искусства, музыки, поэзии, литературы, живописи, науки, философии, религии. Это духовная Вселенная строится человечеством на протяжении веков, из кирпичиков миллионов человеческих жизней. Гомер заложил два краеугольных камня новой Вселенной, которая растёт, и расширяется быстрее, чем материальная Вселенная. Чтобы послушать всю хорошую музыку, прочитать все хорошие книги, посмотреть все хорошие фильмы и картины уже нужно десять жизней.

Старина Эйнштейн плотно увязал понятия массы и энергии. И хотя вторая Вселенная обладает только духовной энергией, по известной формуле можно вычислить её духовную массу. Результаты уже потрясают воображение. В этом мире разбросаны тысячи ярких звёзд

и загадочных планет, быстрые метеоры и кометы пронзают его пространство, как молнии вспыхивают сверхновые, солнечный ветер развеивает волосы, проливным дождём льётся космическая радиация, в коварной засаде притаились чёрные дыры. Духовная Вселенная человечества не только обладает несомненной реальностью, но пределы её расширяются с космическими скоростями. Это не что-то абстрактное, это часть общей реальности, которую создаём мы. Человек достойный сын своего Отца. Он продолжает Его дело, он творит Вселенную.»

Закрыв книгу, Артур вышел погулять перед сном.

Он гулял по дорожкам, обдумывая всё, что узнал сегодня.

От мыслей Артура отвлекло прикосновение. Он оглянулся. Рядом стоял человек в чёрном плаще.

Артур вздохнул.

— Я вас не вижу! — и отвернулся.

Никто был настойчив, он ещё раз похлопал его по плечу.

Артур уже с досадой обернулся к нему вновь. Никто наклонился к нему и тихо заговорил.

— Вы думаете, что второй этаж пуст. Это не так. Там действительно нет людей, но там есть тайные комнаты.

Он оглянулся — убедиться, что никто не подслушивает.

— В одной из комнат есть телефон, по которому можно поговорить с Богом.

Увидев недоумение в глазах Артура, кивнул.

— Не сомневайтесь, мне это доподлинно известно. Пустая комната, посередине стоит стол, а на нём — телефон. Обычный домашний телефон, но без диска, без кнопок, и даже без проводов. Поднимаешь трубку, и говоришь с Богом.

Артур недоверчиво хмыкнул.

— И вы уже говорили?

— Нет... Я пока думаю, — что у него спросить? Это ведь непросто — отрывать от работы такого... нечеловека. Надо обязательно спросить что-то важное. А что бы вы спросили у Него?

Артур задумался.

— Я бы спросил: есть ли во всём хоть какой-то смысл, и если есть, то — какой?

— Это абстрактный вопрос. Так не годится. Это всё слишком субъективно. То, что вы назовёте смыслом, другой назовёт бредом. Надо что-то более конкретное.

— Конкретное? Тогда я бы спросил: что мне делать, как мне жить?

— Это тоже неправильно. Бог нам дал свободу выбора. А вы хотите свой выбор переложить на Него. Что вам делать и как вам жить — решать вам придётся самому.

— Тогда не знаю. Просто сказал бы: «Здравствуйте. Спасибо, что подарили мне жизнь. С которой я, правда, не знаю, что мне делать. Спасибо, что создали этот удивительный мир. Где я не нашёл себе места. Спасибо за всё, что так здорово, и так глупо. Здорово — это конечно Ваша заслуга, а глупо — наверно моя.»

Никто помолчал и вздохнул.

— Не стоит беспокоить Его ради «спасибо». Вам нечего у Него спросить.

Он повернулся и пропал в ночной темноте.

Пятый день

Две стороны одной монеты.

Утром Артур вышел во двор. Было солнечно и свежо после недавно прошедшего короткого дождя. Умытые травы и цветы казались ещё ярче, красочней и ароматней, словно дождь выделил их курсивом.

Во дворе за столом сидел человек в лёгкой ветровке, разглядывая стоящую перед ним шахматную доску. Видимо он разгадывал какую-то шахматную задачу.

Коротко стриженные пепельные волосы, ровная спина, крепкие руки, обветренное лицо. Артур почему-то сразу понял, что это Адам, о котором ему говорил Паскаль. Артур подошёл к нему. Человек был увлечён и не сразу заметил его.

Рядом с шахматной доской лежала Библия. Артур спросил, указывая на неё:

— Вы читаете Библию?

Адам бросил на него быстрый взгляд.

— Да, и вам советую. Независимо от того — верующий вы человек или нет. Бог может быть, может не быть. А вот Библия точно есть. И это великая книга, написанная человечеством. Заметьте — не человеком, а человечеством. Если чувствуешь свою причастность к человечеству, ты не можешь обойти эту книгу.

— Вы сказали: «Бог может быть, может не быть.» Но каждый для себя должен точно определиться в этом вопросе.

— Безусловно! А вам не приходило в голову, что если Бог всемогущ и всемогущ, то нет ничего невозможного для него. Нет ничего, про что вы могли бы сказать: Бог этого не может. Согласны?

— Чувствую, что вы меня ловите на каком-то софизме.

Адам улыбнулся.

— Правильно чувствуете. И тем не менее... Если Бог может всё, Он может и не быть.

Артур засмеялся. Адам, глядя на него, не удержался тоже. Посмеявшись вместе, глядя друг другу в глаза, они как-то сблизились.

— А, впрочем, давайте спросим у знатока всяких дел.

Адам обратился к проходившему мимо Судье.

— Доброе утро, ваша честь. Разрешите наш вопрос. Вот, молодой человек меня спрашивает — есть ли Бог?

Судья остановился, посмотрел на Адама, потом на Артура и внушительно сказал:

— Бог есть, потому что он нужен... Иначе и спросить не с кого.

— Вот ответ мудрого человека, — в словах Адама проскользнула лёгкая ирония. — Как идёт процесс против Господа нашего?

— Я жду свои книги, чтобы собрать обвинительный материал.

— Я могу вам дать Библию. Откройте Ветхий Завет — там этого материала более чем достаточно. Но меня смущает другое, ваша честь. Можно ли судить Господа нашего по человеческим законам? Другими словами, «что позволено Юпитеру, не позволено быку.»

— Даже если так, каждого можно судить по его законам. Он дал Моисею десять заповедей, десять законов. Но как Он может требовать их исполнения от людей, если сам нарушает собственные законы?!

— Хм, в этом есть логика.

— Логика — главное оружие стороны обвинения.

Судья слегка поклонился и продолжил свою прогулку.

Артур сел за стол напротив Адама.

— Это вас зовут Адам? Мне Паскаль рассказывал о вас.

— Ну и что он вам рассказал?

— Что вы прибыли из будущего, и что вы называете себя «Последний человек».

— Всё так.

— Почему последний? Ведь Адам был первым человеком?

— Забавно, да? Какая ирония! Первого и последнего человека звали Адам. Впрочем, подобное уже было. Вспомните, первого и последнего властителя Древнего Рима звали Ромул. История умеет шутить.

— Мне хочется вам верить, — сказал Артур. — Вы не похожи на сумасшедшего. Что привело вас сюда?

Адам вздохнул и задумался, словно заглядывая в своё прошлое.

— Признаюсь, я был слишком доверчив и наивен. Мне казалось, что меня поймут. Но мне не поверили. Меня назвали сумасшедшим.

Он помолчал и продолжил.

— Впрочем, и в этом есть свои плюсы. Сумасшедшего лишают физической свободы. Но взамен он обретает свободу духовную. Отныне, получив статус сумасшедшего, он может говорить и думать что угодно без каких-либо последствий. Такой свободы нет у нормальных людей.

Артур улыбнулся.

— Это горькая свобода.

— Свобода всегда имеет привкус горечи. Мне это хорошо известно. Сотни лет я был абсолютно свободен.

Артур удивился, подняв брови и наклонив голову.

— А сколько же вам лет?

— Да без малого полторы тысячи.

Посмотрел на Артура и, видя его недоверие, улыбнулся.

— Ну вот, видите! И вы уже близки к тому, чтобы назвать меня сумасшедшим!

Артур замялся, подбирая слова.

— Мне трудно поверить в то, что вы рассказываете. На мой взгляд вам лет сорок — сорок пять. Вы очень хорошо сохранились, — попробовал он пошутить.

Адам как-то равнодушно кивнул.

— А вы знаете, мне уже всё равно — поверите вы мне или нет. Я устал кому-то что-то доказывать.

— А что вы хотели в нашем времени? Или вы просто путешественник?

— Пожалуй, путешественник. В ваше время я и не собирался, здесь я оказался случайно. Небольшая поломка.

— Сломалась машина времени?

Адам улыбнулся. Улыбка у него была тёплая, но ироничная.

— Что-то вроде этого... А как вы здесь оказались? — перевёл он тему разговора.

Артур опустил взгляд и потёр рукой подбородок.

— Хозяин говорит, что меня вынесло на берег во время шторма. Сам я ничего не

ПОМНЮ.

— Ну так вы ещё в более сложном положении. Про себя я, по крайней мере, всё помню. Артур удручённо вздохнул. Он взял в руки Библию.

— Вот странно. Я прекрасно помню, что читал эту книгу. Могу перечислить десять заповедей, могу вспомнить Нагорную проповедь... А про себя ничего не знаю.

Адам пристально посмотрел на Артура и покачал головой.

— Да вы ценный экземпляр в коллекции нашего Хозяина. Нет, без шуток, если вы так ничего и не вспомните, он вас не отпустит.

— Как он может меня удержать здесь? Ведь я не числюсь в списке его больных.

— Ну так добавит. Долго ли исправить список?.. Я вполне серьёзно, вы уж что-нибудь придумайте. А то застрянете здесь надолго, если не навсегда.

Артура испугала такая перспектива. Он положил Библию и с тоской посмотрел вокруг.

— Неужели здесь можно прожить всю жизнь?

Адам посмотрел куда-то вдаль, сквозь стены Замка.

— Это ещё не самое худшее место во Вселенной.

Он сгрёб шахматные фигуры, захлопнул доску и сказал:

— Мне пора работать. Приятно было познакомиться! — и пошёл по дорожке к лестнице.

— Можно я с вами? — крикнул вдогонку Артур.

Адам обернулся на ходу.

— Без разрешения Хозяина вы не можете выйти из Замка. С этим тут строго.

Адам ушёл, а Артур отодвинув скамейку, улёгся на неё и закрыл глаза, греясь на солнышке. Когда через пять минут открыл глаза, увидел возле себя странного маленького человечка с оттопыренными ушами. Человечек смотрел на него в упор, с явным сомнением во взгляде.

— Здравствуйте! — от неожиданности вскочил Артур.

Человечек отпрянул, испугавшись, но потом приблизился и осторожно ткнул Артура пальцем в грудь.

— Вы действительно существуете? — спросил он.

— А почему вы сомневаетесь? — удивился Артур.

— Я не уверен в вашем существовании. Может быть, вы голограмма или мой сон.

— Зато я уверен в своём существовании — это вас устроит?

— Нет... Это ничего не доказывает. Всякое привидение уверено в своём существовании.

Губы Артура тронула улыбка. Разговор начал его забавлять.

— У меня есть имя. Меня зовут Артур. Это уже кое-что — правда?

— Имя? Имя — это ярлык на человека. Ярлык на что-то указывает. Но нет гарантии, что то, на что он указывает, ещё существует. Человек умирает, а имя остаётся — пустым ярлыком... У меня нет имени, я меняю их каждый день, раз уж так принято, что должно быть имя... Сегодня меня зовут Кантемир, завтра будут звать Богуслав или Мирмидон — я ещё не решил. Можете называть меня Имярек, или Маркус — как называли меня родители.

— Маркус? Какое интересное имя. Чем оно вас не устраивает?

— С этим именем целая история. Если хотите, я вам расскажу... Мои родители долго думали — как назвать своего будущего ребёнка? — а всё решил случай. Когда мать положили в больницу на сохранение, в тумбочке у кровати она обнаружила книжку «Сто лет

одинокства». Она её прочитала, и так она ей понравилась, что решила своего сына (а уже было известно, что родится сын) назвать Аурелиано. Отец, когда услышал это, сказал категорическое «нет». Они долго спорили. Габриэль был отклонён, как исковерканный архангел Гавриил, Гарсия было слишком по-испански. Решили назвать ребёнка Маркес. Но тут в игру вступила моя добрая бабушка. «Это в честь Карла Маркса?» — спросила она и родители снова задумались. В итоге решили изменить одну букву, чтобы не портить ребёнку карму. Так я стал Маркусом. Ну разве это не смешно? Благодаря колумбийскому писателю, я получил древнеримское имя.

— Хорошее имя. Зачем же вы его меняете?

— Я уже сказал, имя — это ярлык, который повесили на нас при рождении. Знаете, на ножку младенца вешают такие бирочки, где указаны имя матери, дата рождения, вес и прочее. Вот и ваше имя такая же бирочка... В какой-то момент эта бирочка от меня оторвалась и затерялась. Я не очень переживал по этому поводу. Мне всегда было непонятно — как меня могут характеризовать несколько букв. Ваше имя существует для удобства других людей, а о вас оно ничего не говорит.

Он уже спокойнее посмотрел на Артура.

— Хорошо! Будем считать, что вы существуете!

— Ну, спасибо! — шутливо кивнул Артур.

— В конце концов, это ведь ничего не меняет. Существуете вы или нет, мир от этого не меняется. Это нам кажется, что мы центр Вселенной, и всё крутится вокруг нас. Но это милое заблуждение. Мир был до нас, будет после нас, и, скорее всего, даже не заметит нашего минутного существования.

Артур неопределённо пожал плечами.

— Главное, чтобы мы заметили существование друг друга.

— Да? Я и в своём существовании не уверен.

Он протянул к Артуру руку.

— Ну-ка, ущипните меня!

Артур легонько ущипнул его за локоть.

— Да посильнее! — рассердился Маркус.

Артур ущипнул уже посильней.

— Ой! — отдёргнул руку Маркус.

— Вот собственно это «ой», — обратился он к Артуру, — и является единственным свидетельством и вашего, и моего существования. Как-то мало, вы не находите?

— Я могу ущипнуть ещё сильнее, и вам мало не покажется, — убедительно возразил Артур.

Маркус неожиданно засмеялся.

— А вы мне нравитесь. Даже, если вы часть моего сна, я вам рад.

Он сел на скамейку, Артур присел рядом.

— Я не понимаю ваших сомнений, — сказал Артур. — Вы видите меня, вы меня слышите — вот ещё два доказательства моего существования.

— Что вы, что вы! — замахал руками Маркус. — Как можно верить глазам и ушам? Они только и делают, что обманывают нас. Не зря возникла поговорка: «не верь глазам своим!»

Артур растерялся.

— А чему ж тогда верить?

— Верить нельзя. Надо всё подозревать и всё проверять... Кругом обман... Вот Солнце

утром поднимается — обман! Никуда оно не поднимается, это Земля вертится... Вот ночью звёзды на небе видите — и тут обман! Они, может, уже сотни лет, как погасли... А уж если послушать, — что люди говорят? — то поймёшь, одно и то же слово у каждого своё особое значение имеет. И поэтому, даже когда они говорят об одном, говорят они о разном. Как им тогда понять друг друга? Что они могут дать друг другу, кроме невольных обманов?

— Как по-вашему, — обратился он к Артуру, — что реальнее — выдуманное Макондо или существующий Ванкувер?

— Может быть, это разные грани реальности?

— Но это размывает само понятие реальности. В таком случае будет реальным всё, что придумано и названо.

— В какой-то степени, да.

— Вот! Ловлю вас на слове. Любая реальность является таковой лишь в какой-то степени. И очень часто мы эту степень преувеличиваем.

Он наклонился поближе к Артуру, как бы собираясь открыть ему важную тайну.

— Я пришёл к убеждению, что у человека нет ничего, кроме иллюзий. Мы не можем доверять нашим органам чувств. То, что они могут обманывать нас, означает, что они обманывают нас всегда. Это не моё открытие. Ещё Ксенофан считал, что мир не таков, каким его воспринимают наши органы чувств. И Лукреций предупреждал: «если чувства будут не истинны, то наш разум окажется ложным». И Эпикур им вторил: «Разум не может опровергнуть ощущений, потому что сам целиком опирается на ощущения».

— Эпикур был неправ, — Артур пресёк этот ворох цитат, чувствуя, что им не будет конца. — Ощущения говорят нам, что Солнце вращается вокруг Земли, но разум сумел опровергнуть это заблуждение.

— Но ведь это произошло не сразу! Тысячи лет люди жили в заблуждении. Сколько тысяч лет они ещё будут жить в других подобных заблуждениях?.. Чувства обманывают наш разум. Люди просто боятся признать это, боятся очутиться в пустоте. В пустоте собственных заблуждений.

Он говорил с убеждением, подчёркивая мысли пальцем в воздухе.

— Есть глубокая ирония в том, что единственной реальностью для человека являются его иллюзии. Реальность нам недоступна. Всё, что мы называем реальностью, есть её малая часть, искажённая нашим сознанием. Человеческий мир — это тонкая плёнка пены на поверхности океана. Внизу бездна, наверху бездна, но человек не любит туда заглядывать, он увлечён своей жизнью бактерии в тонкой плёнке комфортного мира... Это тяжёлая участь — видеть бездны и сознавать ничтожность человеческого мира. Всё, что человек пишет с большой буквы, является его иллюзиями: Истина, Бог, Родина. Но он не готов нырнуть в бездны. Он обречён жить в мире своих иллюзий... Всё мыслимое человеком, все его истины, законы, убеждения, теории и религии, всё это несёт печать его ограниченности.

— Но как с таким убеждением можно жить? — Артур искренне не понимал этого. — Где найти точку опоры?

Маркус настороженно посмотрел на Артура.

— Нету опоры... Разве вы не чувствуете, что мы висим в пустоте?

Артура стал напрягать этот разговор.

— Нет. Я нормальный человек и стою на земле.

— Нормальный человек — это тот, кто верит в устоявшийся набор человеческих иллюзий, и готов жить в согласии с ними.

Сказано было с убеждением и строго. Так говорят про давно обретенную истину, которую кто-то почему-то не знает.

— Вот материя, — он топнул ногой, — вроде прочная, а мне учёный наш, Ньютон, рассказал, что атом состоит из пустоты. Маленькое ядро и эфемерное электронное облачко на большом расстоянии от ядра, а всё остальное — пустота, — он поднял палец вверх и продолжил. — Учёные выяснили, что вакуум сам порождает материю. Вот я считаю, что мир состоит из пустоты. Пустота — основное свойство этого мира, нулевой элемент в таблице Менделеева. Посмотрите на небо ночью — вы увидите вселенскую пустыню с крошками звёзд. Мир — большая пустыня. Галактики разлетаются друг от друга, и в конце времён не останется ничего, кроме пустоты.

Он грустно махнул рукой.

— Вы знаете — чего я больше всего боюсь? — он с тревогой посмотрел на Артура. — Больше всего я боюсь сойти с ума. Вы не представляете — больше всего я боюсь сойти с ума.

Встал и пошёл шаркающей походкой, осторожно ступая на землю, словно опасаясь, что она провалится у него под ногами.

Станный человек, оглядываясь по сторонам, ушёл. Артур посидел ещё недолго и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, пошёл прогуляться в сад.

В саду пели птицы, лёгкий ветер шелестел листвой. Прогуливаясь задумчиво, Артур наткнулся на Поэта. Он сидел под дубом у небольшой поляны. Это был примечательный дуб. Во-первых, он был единственный, все остальные деревья были фруктовые. Во-вторых, он был самый высокий в саду и, похоже, самый старый. Узловатые корни цеплялись за землю. Вот среди этих корней, положив на них руки, сидел Поэт.

Артур присел рядом. Поэт посмотрел на него и сказал:

— Хотите, прочитаю — что я сейчас сочинил? Это не стихи, а так — настроение, белый стих.

Артур кивнул.

Поэт, задумчиво глядя вдаль, неторопливо, с паузами, проговорил:

«Деревья думают о нас. Они имеют время. Им некуда бежать, им не о чём просить. Им всё дано — и небо, и земля, и воздух, и вода.

Деревья думают о нас. Мы непонятны. Движение — это смерть, живое неподвижно. Так думают они.

Куда же мы бежим, смешные люди? Чего мы ищем, потеряв себя? Кто ищет — потерял. Имеющий не ищет. Имеющий стоит и смотрит в небо. А с неба смотрит Бог. И больше — ничего. Лишь ты и Бог — всё остальное мимо. Всё остальное — суета сует.

Деревья думают о нас. Не понимают. Как можно жить под небом без корней? Как можно верить в то, что где-то лучше? Нет расстояний — только высота.»

Они помолчали. Потом Поэт обернулся к Артуру.

— Человек умирает без воздуха, воды и пищи, но никто ещё не умер без поэзии, без живописи, без музыки. Человек — это тело тёплое. Душа его ребёнок неразумный. Она только учиться ходить и говорить.

Он встал и пошёл в Замок. Артур сел на его место и, закрыв глаза, долго слушал пение птиц и ветра.

Вернувшись в Замок, Артур спросил проходящего мимо Андрона:

— Вы не знаете, где Паскаль?

— Идёмте, идёмте! Все уже собрались на проповедь Мессии.

Артур пошёл за Андроном.

В комнате Мессии, Артур сел на скамью рядом с Паскалем. Мессия стоял к ним спиной перед буфетом-иконостасом и тихонько молился. Артур покрутил головой — а где голубь? — и увидел его на плече статуи Богоматери, откуда он наблюдал за происходящим. Как только Мессия закончил молитву и повернулся к своей пастве, голубь вспорхнул и уселся ему на плечо. «Дрессирует он его что ли?» — подумал Артур.

Мессия на этот раз не стал залезать на стул. Оглядев собрание, он произнёс:

— Сегодня, дети мои, я расскажу вам о равновесии добра и зла. Добро и зло — это человеческие понятия. Если Бог пребольше всего, то и добро, и зло принадлежат Ему, и свет и тьма принадлежат Ему, и известны Ему как нечто единое, что мы в слепоте своей разделяем.

— Ормузд и Ариман, Авель и Каин, были братьями. Добро и зло не противоположны друг другу, добро и зло изначально связывают братские узы.

— Но людям понятнее добро и зло, как противоположные друг другу начала. Об этом говорил Мани, об этом заговорило и христианство. Катары, павликиане и богомилы придерживались манихейских взглядов на два начала мира: добро и зло. Злой бог Иегова подарил людям видимый мир и Ветхий Завет. Добрый бог создал мир невидимый и подарил людям Новый Завет. Так верили они, и так заблуждались. Нет двух Богов — доброго и злого. Бог един, и всё сущее в мире в его воле.

— Не нужен второй Бог, не нужен Дьявол — падший Ангел, чтобы объяснить существование зла.

— Справедливость, совесть, добро и зло, красота и уродство, честность и подлость, обман и истина, — ничего этого нет в мире, всё это принёс с собой человек.

— Может ли один камень быть несправедлив к другому?

— Добро — это всё, что ласково к человеку. Зло — это всё, что его угнетает.

— Солнце — добро. Но подойдите к нему поближе, и оно испепелит вас. Солнце — зло?

— Нет! Добро и зло — это не свойства вещей, а наше отношение к ним. Мир не добрый и не злой. Но мы называем его добрым, когда он греет и радует нас, и называем его злым, когда он убивает и мучает нас.

— Я не зову вас, как танцующий философ, по ту сторону добра и зла, я призываю вас просто забыть эти пустые, ничего не значащие слова. Всё придуманное человеком, существует только в его голове, в мире нет этого.

— В мире нет света и нет тьмы, но есть свет во тьме. Не отделить тьмы от света, не существуют они поодиночке. Нужны они друг другу. Что был бы свет, если б не было тьмы? Что была бы тьма, если б не было света?

— Так и добро, и зло — это две стороны одной монеты. Бог не знает этих слов. И когда слышит их от людей, вздыхает.

— Даже среди людей нет единого понимания — что есть добро и зло? Государства говорят о приверженности добру, а созданы они веками войн, убийств, грабежей. Человеческая история — длинный перечень преступлений. И нет ни одного царственного

преступника, кто бы не говорил о добре. И нет ни одного революционера, кто ради грядущего царства добра, не совершил страшных преступлений.

— Довольно лицемерия — забудьте эти слова: добро и зло. Это то, что придумали люди. Если не единый волос не упадёт с головы человека без воли Божьей, то принимайте то, что вы называете злом, как испытание.

— Аминь!

— Я согласен с Мессией, — сказал, выходя с проповеди, Паскаль. — Зло и добро — это человеческие понятия. Положи их в свой карман и не навязывай миру... «Все вещи происходят из необходимости: в природе нет ни добра, ни зла,» — утверждал Спиноза. И Руссо был бесхитростен, когда говорил: «В чём вижу добро — то и есть добро, в чём вижу зло — то и есть зло». То есть в мире нет ни добра, ни зла. Появляется человек, появляется добро и зло. Это как эффект наблюдателя в квантовой физике. Пока за ним не следят, фотон ведёт себя, как волна. Как только подойдёт человек, фотон становится частицей... Это всё от гордыни человеческой. Ну как же! — мы созданы Богом, для нас создан весь этот мир со всеми животными и растениями в нём. Человек уверен, что мир обязан ему угождать. А если что-то не так, это немедленно называется злом...

— Христиане объясняют существование зла неизбежным следствием свободы воли, которой Бог наделил человека, — взяв Артура под локоть, рассуждал Судья. — Но как свобода воли вяжется с утверждением «не единый волос не упадёт с головы человека без воли Божьей»?

— Надо запретить средства от облысения, — пошутил Артур. — Они явным образом нарушают Божью волю.

Судья не понял юмора и посмотрел на Артура недоумённо, а потом продолжил свою мысль.

— Даже если это так, как говорят христиане, как расценивать моровые болезни, которые периодически прокатываются по миру, и кладут и святых, и грешников рядом без разбора? По чьей злой воле они происходят? Неужели тоже по воле Божьей?

— Вот Мессия и говорит, что это не зло, это испытание, — попробовал пояснить Артур.

— Кому испытание? Тем, кого в могилу положили? Или тем, кого оставили без родных, без детей? Такие испытания называются геноцидом и являются преступлением против человечества.

— Это он к процессу готовится, — шепнул на ухо Артуру Паскаль и увлёк его за собой.

— Ну как тебе в нашем безумном раю? — спросил Паскаль. — Осваиваешься потихоньку?

— Я вообще не знал, что бывают частные психиатрические больницы. Про частные тюрьмы слышал, а про больницы — нет.

— Ты отстал от жизни, — улыбнулся Паскаль. — Сразу видно, что ты из страны, ещё недавно строившей рай на Земле по версии Маркса и Ленина. В мире частных медицинских клиник больше, чем государственных. Да, в психиатрии это не так заметно, но тенденция такова.

— Но частные больницы должны зарабатывать, должны приносить доход. А какой доход принесёт нашему Хозяину его Замок? По-моему, одни убытки.

— Согласен. Этот Замок не рядовая больница. Для Хозяина, формально, — это

благотворительность, а фактически, — это его маленький мир, где он всевластный божок. Он мне говорил, что продолжает доброе дело своего рода, это, так сказать, семейная традиция. Но я знаю, что он наслаждается властью и своей страстью коллекционера.

Паскаль с иронией посмотрел на Артура.

— Мы его коллекция. Такая же, как те картины, что висят в его комнатах. Кто-то собирает редкие марки, а Хозяин собирает редких психов. Он намеренно перевёл в другие больницы всех, кто ему не интересен, как он говорит, — с медицинской точки зрения.

— И что же — никто его не контролирует?

— Ну почему же... В прошлом году к нам приплывала комиссия с проверкой. Солидный профессор в очках, как я понял, давнишний знакомый нашего Хозяина ещё по медицинскому институту, ходил с врачами по комнатам, осматривал, как мы живём, спрашивал: есть ли какие-то претензии к персоналу больницы? Я сказал:

— У меня нет претензий к персоналу, у меня есть претензия к Богу. Как-то он невнятно объяснил нам цель нашего пребывания на Земле, и хотелось бы у Него уточнить: в чём смысл жизни?

Профессор посмотрел на меня оценивающе и сказал:

— Это вы у Него спросите сами, — и, повернувшись к своим коллегам, лукаво добавил: — Где же ещё искать смысл жизни, как не в сумасшедшем доме?

Вечером друзья пили горячий чай с сушёной вишней во дворе, болтали о разном.

— Как-то не хватает женского общества в Замке, — несколько разочаровано сказал Артур. — Ты говорил, что общался с медсестрой. Красивая была женщина?

— Она была индианкой. Красивой я бы её не назвал, но она была добрая и всем улыбалась. Она рассказывала мне, что в Калькутте у неё есть парень и, когда он закончит институт и устроится на работу, они поженятся... Вот вторая медсестра была фигуристая женщина бальзаковского возраста. «Есть что потрогать глазами», — говорил Писака и пытался за ней приударить, читал ей сонеты Шекспира в оригинале. Но она была женщина приземлённая и не оценила его образованность, подсунула ему вместо лекарства слабительное. Ох он её костерил потом! — засмеялся Паскаль, хлебнул чаю и продолжил. — Когда я сюда поступил, на втором этаже были две женщины. Одна совсем старая, почти не выходила из комнаты, а вторая была молодая, жуть как красивая. Вот бывает такое — красивая и страшная, демоническая красота. Смотришь на неё, глаз не можешь оторвать, а она только посмеивается. Волосы чёрные, как уголь, и глаза такие же, прожигают тебя насквозь. Цыганка была. Её сам Хозяин побаивался, и при первой возможности избавился от неё.

— Она мне нагадала долгую жизнь в далёких краях, — поделился Паскаль. — Жаль только не сказала — в каких?.. А потом вообще меня озадачила. Вижу, говорит, женишься ты и будет у тебя двое детей, девочка и мальчик. А жена твоя, говорит, ближе, чем ты думаешь... Уж не ты ли? — спрашиваю, — только смеётся.

— А как она сюда попала?

— Слухи ходили, что любовника своего убила, а потом откопала его могилу и оживить пыталась колдовством. Но это слухи, толком не знаю.

Вернувшись к себе, Артур улёгся на кровать и открыл книгу.

«Любая религия, утверждая всемогущего Бога, упирается, как в глухую стену, в вопрос — почему на свете существует зло? Приходится делать неприятный выбор: либо Бог желает зла, и тогда Он не всеблаг; либо Бог не желает зла, и тогда Он не всемогущ. Правда есть ещё третий путь — этот мир покинут Богом, он оставлен Им человеку. Но тогда появляются: Бог и мир. Значит, Бог меньше сущего. Что опять унижает Бога.

Если, как утверждает Библия, ни единый волос не упадёт с головы человека без воли Божьей, значит, есть Его воля во всяком зле. Впрочем, религия непоследовательна в этом вопросе. Она утверждает, что Бог наделил человека свободной волей. Тем самым сняв с Бога обвинения во зле опять же за счёт ограничения Его всемогущества. Ведь «свободная» от кого? — да от Бога конечно.

Единственным разумным выходом, на который пока не отважилась религия, было бы признать, что Богу не ведомы добро и зло. И если Он ниспослал Моисею десять заповедей, то вовсе не из моральных, а из практических соображений.

Бог наверно прагматик. Он ведаёт свою пользу. И вряд ли в его лексиконе есть это смешное слово — справедливость.»

Послышался тихий, странный стук в дверь. Сначала один, через паузу — два. Он с любопытством посмотрел на дверь. Дверь открылась и в комнату вошёл Никто. Он приложил палец к губам и тихонько прикрыл дверь.

Он медленно прошёлся по комнате, осмотрев её. Привстав с кровати, Артур с удивлением продолжал за ним наблюдать.

Осмотрев всё, Никто подошёл к Артуру, откинул капюшон и присел на кровать.

Это оказался человек около тридцати лет с длинными волосами, и с острым испытующим взглядом. В лице его, вроде простом и неброском, было что-то неуловимое, что постоянно менялось и не давало описать его. Он внимательно посмотрел Артуру в глаза и негромко сказал:

— Всё, что я вам скажу, должно остаться между нами.

Он ещё раз подозрительно оглядел комнату, как будто предполагал в ней спрятавшихся врагов.

Наклонившись к Артуру, продолжил:

— Я предлагаю вам вступить в тайный союз. Точнее, в два тайных союза. Я являюсь их основателем и предлагаю вам присоединиться к моей борьбе.

— И что это за тайные союзы, в которые вы предлагаете мне вступить?

— Союз за освобождение человечества и Союз за освобождение от человечества. Вы можете вступить в любой из них, или сразу в оба.

Артур задумался.

— По-моему, тут какое-то противоречие. Как можно одновременно бороться за и против человечества?

— Никакого противоречия. Всё укладывается в начальную установку.

— И какова эта установка?

— Человечество должно либо измениться, либо погибнуть. Первый Союз выполняет первую часть установки, второй, соответственно, вторую.

— И как должно измениться человечество?

Никто помолчал и потом убеждённо произнёс.

— Человечество пошло по тупиковому цивилизационному пути. Надо вернуться к

истокам, к естественному существованию.

— А цивилизация, по-вашему, неестественный путь?

— Да. Вся суть цивилизации в подчинении человека человечеству. Чем дальше, тем больше человек теряет свою индивидуальность, свои права, своё божественное происхождение. Человечество становится похоже на разваренную рисовую кашу, где ни одна рисинка не отличается от другой. Я не хочу оказаться в этой кастрюле, я не хочу становиться кашей, которую кто-то готовит себе на обед. Я возглавляю бунт человека против человечества.

— Вы анархист! — догадался Артур.

— Ну, это очень поверхностное толкование. Я против государства, подавляющего личность. Но анархическая вольница — источник хаоса и нестабильности. Нужен срединный путь.

— Что он из себя представляет?

— Поговорим об этом после. В какой Союз вы хотите вступить?

Артур задумался — как бы повежливей отказаться?

— А много людей в ваших Союзах?

— В Союзе освобождения от человечества нас пока двое. Я займусь руководством, а вы привлечением новых членов.

— А в Союзе освобождения человечества?

— Там пока вы один. Но это позволяет вам возглавить его.

— А почему вы не вступили в него?

Никто помолчал, пытливо взглядываясь в глаза Артура, потом отвёл свой взгляд и нехотя пояснил:

— Честно говоря, я не верю в возможность исправления человечества. Но даже Бог, разгневавшись на человечество, дал ему второй шанс. Я просто последовал Его примеру.

Артур вздохнул и предложил собеседнику:

— Давайте, я немного подумаю. Мне надо осмыслить ваши предложения.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Никто. — Если надумаете, дайте мне знать.

Никто поднялся, накиннул капюшон. Посмотрел на Артура, приложил палец к губам. Артур согласно кивнул. Поздний гость, приоткрыв дверь, внимательно оглядел двор и вышел.

¶

Шестой день

Бунт на корабле.

На следующее утро Артур проснулся рано. Поэтому, выйдя во двор, он никого не увидел, кроме Сократа, совершавшего свою круговую прогулку.

На столе лежала газета, на газете — большое, красивое яблоко. Артур взял яблоко, придиричиво осмотрел — чистое ли? — и с удовольствием захрустел. Яблоко оказалось не только красивым, но и сочным, и вкусным. Он поднял газетный листок и прочитал название: «Новый Эдем». И ниже: еженедельная газета ЧПБ «Новый Эдем» номер 13, 360-го дня 200-го года.

Газета была напечатана, но как-то неаккуратно, буквы танцевали и накренились в разные стороны. Он присмотрелся — это была не типографская печать, а похоже на чёрную тушь. Тем не менее, это была печать, а не рукописный текст.

На первом листе были статьи: «Планета Нибиру приближается», «Глобальное потепление или глобальное похолодание?», «В поисках братьев по разуму».

Он перевернул листок. На обратной стороне были: колонка поэзии, загадки, прогноз погоды, курс валют и кроссворд. Поэзия явно была навеяна классикой.

«Земную жизнь пройдя до половины,

Я список кораблей прочёл до середины...»

Под виршами стояла скромная подпись: Ф. Достоевский.

Он решил почитать загадки, но на первой же завис. Загадка была такая:

«Решите культурно-математическую задачу: два Шиллера — это больше чем полтора Шекспира?»

Начал читать прогноз погоды.

«В редакцию поступают рассерженные заявления читателей, что наши прогнозы погоды не оправдываются. На что редакция ответственно заявляет: всё прогнозы основаны на показаниях компаса, а если он врёт, и вместо севера показывает восток, это техническая погрешность, и редакция за это ответственности не несёт.

Прогноз погоды до конца года: ветер устойчиво переменный, температура умеренно тёплая, давление экстремально нормальное, землетрясения и цунами не ожидаются.»

Посмеявшись, он обратил внимание на курс валют.

1 доллар = 1 доллар

1 евро = 1 евро

1 рубль = 1 рубль

— Однако валюты стабильные. — подумал он и положил газету.

Подняв глаза, он увидел стоящего рядом довольного человека. Человек был пухленький, как его портфель, который он сжимал в руках.

— Читаете прессу? — осведомился он и представился — Главный редактор и издатель газеты Фёдор Достоевский.

Увидев удивление в глазах собеседника, уточнил:

— Это мой литературный псевдоним. Можете называть меня — Писатель. Это моё призвание, моё Слово, как говорит Поэт.

Он повертел в руке газетный листок.

— Газета — это так, баловство, хобби. Я пишу большой роман. Хочу переплюнуть Пруста. Роман должен содержать десять тысяч страниц, чтобы на его прочтение понадобилось не менее года жизни. Только тот, кто осмелится потратить год своей жизни на чтение моего романа, достоин его. Ещё я пишу эссе «Исчерпанность слов». Изюминка эссе в том, что в нём должны быть использованы все слова из словаря без единого повтора. Это большая трудность и настоящий профессиональный вызов.

Артур изобразил почтительное удивление.

Писатель уселся за стол и, открыв портфель, вытащил оттуда толстую рукопись.

— Я вижу в вас тонкого ценителя изящной словесности. Только вам я могу доверить прочесть первую главу моего романа.

Он протянул рукопись Артуру.

Артур тоскливо посмотрел на неё, взвесил в руке и вернул автору.

— Я обязательно прочитаю её... потом. Когда у меня будет больше свободного времени.

Писатель видимо обиделся, хотя постарался это скрыть. Заметив вдали Сократа, он, бросив Артуру «извините», побежал к Сократу. Тот, заметив это, прибавил ходу и скрылся в своей комнате.

Часом позже, во дворе Паскаль с Адамом играли в шахматы Crazyhouse. Артур наблюдал, пытаясь понять правила игры. Паскаль всё время проигрывал, но это его только заводило, и он тут же предлагал ещё одну партию. Наконец, когда Адаму надоела игра, он незаметно сделал слабый ход и торжествующий Паскаль наконец праздновал победу.

Артур поинтересовался у Паскаля:

— А что это за Писатель, который издаёт газету?

— Увы, это не Достоевский, хоть он и прикрывается его именем. По-моему, он профессиональный графоман. Да и человек нехороший. Он тут вздумал «Лолиту» разыгрывать, начал Еве двусмысленные комплименты отпускать, но я ему дал по морде. С тех пор он меня избегает.

— Он сумел поставить в тупик даже нашего Судью, — усмехнулся Адам. — Однажды принёс ему проект закона о всеобщей любви. Просил оформить юридически. Цитировал Пушкина: «Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны». Ссылался на то, что Джульетте было четырнадцать лет, когда она полюбила Ромео. Говорил: «Цифры вздор! Почему в восемнадцать можно, а в четырнадцать нельзя? Это нарушение прав ребёнка.»

— В общем, тот ещё гусь! — добавил он.

Чуть позже Адам ушёл, а к Паскалю подошёл озабоченный Поэт.

— Нам надо решить — отрывок из какой пьесы будем ставить?

— Я предлагаю монолог Гамлета, — бросил Паскаль и продекламировал: «to be or not to be — that is a question!»

— Фу, как банально! — поморщился Поэт. — Давайте что-то оригинальнее.

— Шекспир не может быть банальным! — возразил Паскаль. — И проблема смерти никогда не будет банальной. Всё равно каждый человек для себя этот вопрос решает сам.

— Любая мысль, даже гениальная, будучи повторенной тысячи раз, становится банальностью. Я предлагаю поставить отрывок из Еврипида.

Теперь поморщился Паскаль.

— Поэт, вы застряли в античности, вас надо спасать. Это Сократ на вас так влияет... Не

хотите Шекспира, давайте поставим Беккета. «В ожидании Годо» — вас устроит? Очень созвучно нашей действительности.

— Это могут неправильно понять, — произнёс Поэт, бросив беглый взгляд на верхние окна.

— Ага-а! Вот и цензура, — с иронией сказал Паскаль. — Тогда надо ставить мистерию «Новый рай» — воспеть наш остров и его Хозяина. Я набросаю сценарий, вы зарифмуете, Хозяин будет доволен.

— Вы всё шутите, а я серьёзно. Через четыре дня представление, а мы даже с пьесой не определились.

К собравшимся подошёл Сократ. Артур предложил свой вариант:

— Поставьте библейскую сцену, например, грехопадение Адама и Евы.

Сократ задумался.

— У нас нет Евы... Нет, Ева у нас есть, но она не в том возрасте. Она слишком молода.

— И Адам у нас есть, — добавил Паскаль — но он как раз староват — полторы тысячи лет всё-таки!

— Адама можешь сыграть ты, — предложил Паскалю Артур.

— Ага! — буркнул Паскаль. — А Демон сыграет змея-искусителя.

— Нет, в этом что-то есть... — размышлял Сократ. — Я мог бы сыграть роль Бога-Отца. Прекрасно себе представляю, как он ходит по райскому саду и зовёт: «Адам, где ты?»

— Он же всеведущий! — съязвил Паскаль. — А у вас он в трёх соснах заблудился.

— В трёх яблонях, — поправил Артур.

— Нет у нас Евы, — срезюмировал Паскаль. — значит это отпадает.

— Если что-то античное, — генерировал Артур — можно визуализировать один из подвигов Геракла.

— Очистка авгиевых конюшен, — сходу подтрунил Паскаль. — Запашок будет — невероятный!

Тут появился Андрон и позвал всех на проповедь.

В этот раз Мессия сидел на стуле перед собранием. Белый голубь, посидев на его плече, видимо решил, что это слишком низко и уселся на голову. Мессия взял его на ладонь и подбросил вверх. Голубь взлетел и уселся на освещённый солнцем подоконник, откуда и наблюдал сверху вниз за происходящим. Дождавшись тишины, Мессия заговорил: негромко, но убедительно. Говорил он тезисами, сопровождая мысль движением руки. Мысль его, порой неровная, была пронизана крепким шнуром внутреннего убеждения.

— Я хочу рассказать вам об истинном счастье и об истинном смысле.

— Сколько видов счастья ведомо человеку! Хорошее здоровье, любимые люди, просторный дом, вкусная еда... От любви к сладкому до любви к Богу — огромное расстояние, но что-то общее всё-таки есть. Любовь к Богу обещает сладость блаженства.

— Все религии обещают человеку счастье. Буддизм учит человека быть счастливым. Иудаизм, христианство, ислам учат человека спасению души для вечной жизни в раю, то есть найти себе вечное счастье...

— Единственной серьёзной движущей силой в душе человека является желание счастья. Человеку не нужен смысл жизни, человеку нужно счастье; и, если он ищет смысл жизни, значит он глубоко несчастлив.

— Это наводит на две мысли: пессимистическую и оптимистическую. Во-первых,

человек видимо изначально несчастлив, по самой природе своей, по факту своего рождения. Во-вторых, это предполагает огромное море счастья, доступного человеку. Ведь только несчастный может надеяться на счастье. Счастливому надеяться уже не на что.

— Человек стремится создать вокруг себя уютный мир, добыть предельно возможное счастье. Единственное, чего он хочет, — это долгой (в идеале — вечной) счастливой жизни.

— Счастье может быть целью, но не может быть смыслом. Смысл человеческой жизни выше. Человек — единственное существо, нуждающееся в смысле.

— Что меня не удовлетворяет в человеке? — желание счастья. Но ведь это естественно любому существу. Разве человек должен желать несчастья? Нет. Было бы хорошо, чтобы он желал чего-то большего. Чего, например? Человек оправдан, если он служит Богу.

— Не хочу выглядеть проповедником несчастья, это вздор. Но хочу поменять приоритеты. Для меня счастье — как удобная обувь. Она радует глаз, она впору по ноге, она повышает настроение. Но главное ведь не удобная обувь, а куда мы в этой обуви идём.

— В счастье нет бесконечности, нет тайны. Счастье — это тупик, это отсутствие желаний. Желание есть несчастье.

— Вы скажете — счастье окрыляет человека, раскрывает все его возможности. Не-ет! Самое плодотворное для человека — «счастье-страданье».

— «Я имею великое несчастье», — говорил Лао-Цзы — «потому что я дорожу самим собой. Когда я не буду дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья».

— Я призываю вас не дорожить собой, я призываю вас забыть о райских мечтах, забыть о спасении души, устремить свою жизнь к делу, которое нам доверено Господом. Человек зашёл в мир не за счастьем, а по делу. Что же это за дело, ради которого можно и нужно пожертвовать всем? Об этом я расскажу вам в следующий раз.

— Аминь.

Выходя во двор, Артур недоуменно говорил:

— По-моему, и счастье, и смысл одинаково нужны человеку. И я не понимаю — зачем их противопоставлять?

Паскаль возразил:

— А я его понимаю. Он глубоко несчастен, как и я. Вопрос о смысле жизни никогда не придёт в голову человеку счастливому. А несчастный задумается о нём, потому что хочет быть счастливым. То есть человек ищет не смысла, а счастья. Даже тогда, когда он ищет смысл. Такова природа человека, её не переделаешь.

— Рецепт счастья даёт биохимия, — заявил пожилой человек, которого Артур уже однажды видел во дворе. — Это гормоны — серотонин и дофамин. Научитесь регулировать в организме человека эти вещества, и счастлив будет последний нищий.

— Это наш учёный — Ньютон, — шепнул Паскаль Артуру.

— Некоторые психотропные препараты, — продолжал развивать свою теорию учёный, — увеличивают производство серотонина в мозгу и тем вызывают ощущение эйфории. Конечно они имеют побочные эффекты. Но не исключено, что будут синтезированы подобные препараты без привыкания и побочных эффектов, и тогда в любой аптеке вы сможете купить «таблетки счастья».

— Если бы всё было так просто, — не согласился Паскаль, — на Земле уже был бы рай. По-моему, подобные опыты уже делали на крысах. В результате они все сдохли — наверно от счастья.

Артур спросил у Андрона:

— Андрон, а вы что думаете об этом?

Андрон остановился и слегка смущённо сказал:

— Когда человек счастлив, ему больше ничего не нужно... Мне приснился сон про круговорот веществ в природе. Мне приснился прекрасный утопический мир. В сущности, он состоит из небольшого клочка земли, покрытой травой, на которой пасутся мирные травоядные животные. Какой-нибудь бычок щиплет травку, нежась под тёплым солнцем, обдуваемый нежным ветерком. Земли достаточно, чтобы прокормить его. Ведь пока он дойдёт до края поля, на другом краю уже поднялась новая трава. И это может быть бесконечным, пока не погаснет солнце, пока дует тёплый ветерок, навоз будет превращаться в траву, и у бычка не будет проблем с едой... Дивный прекрасный мир! Какая пасторальная картина! Что ещё надо бычку? Ведь он участвует в великом круговороте веществ, и пока ничто не мешает ему, нет необходимости в разуме, в смысле жизни, в вопросах, остающихся без ответа. Всего этого не нужно. Нужно тёплое солнышко, нежный ветерок, ручей и травка — и счастье, не требующее смысла, будет вечным.

Паскаль с Андроном отправились в сад — собирать яблоки на компот. Артур сел за стол во дворе и рассеянно стал читать газету.

— Не читай эту муру! — услышал он за спиной.

Он обернулся. К нему подходил улыбающийся Адам. В одной руке он держал рыболовный сачок, в другой — пластмассовое ведро с водой. В воде плавало несколько разноцветных рыбёшек — клоунов.

— Ой, какие красивые! — воскликнул Артур, заглянув в ведро. — Жалко их будет жарить.

— Да бог с тобой! Это для аквариума. У Евы стоит большой аквариум, Хозяин просил добавить несколько клоунов. Не для себя, для Евы развлечение.

Адам поставил ведро, положил сачок и сел за стол.

— Что там наш Мессия сегодня вам проповедовал?

— Человеку не нужен смысл жизни, человеку нужно счастье. — процитировал Артур.

— Ну с этим я отчасти соглашусь. Человек счастливый не нуждается в смысле жизни, не занимается поиском оного и даже не вспоминает о его существовании (или не существовании). Счастье самодостаточно, его единственный недостаток — недолговечность. Оно редко длится годами, чаще всего это минуты, мгновения; но даже если тебе повезло, и ты прожил долгую счастливую жизнь, наполненную любимой работой и любимыми людьми, однажды приходит конец, всё рушится, оставляя только воспоминания. Нет вечной жизни и неизбежны болезни, потери, страдания, разочарования. Вот тогда, в минуту испытаний, когда теряется почва под ногами, и встаёт вопрос о смысле жизни... Осмысляет жизнь только вера. Никакого заданного смысла жизни нет. Ты должен придумать себе смысл жизни и поверить в него, крепко поверить — так, чтобы на придуманное можно было встать, обрести опору и продолжить жизнь... Смысл даёт опору и направление. Смысл уважает жизнь. Смысл способен сделать несчастного счастливым. Вот Паскаль идёт по этому пути.

— Но я так полагаю, — добавил Адам — это было не всё послание?

— Человек зашёл в мир не за счастьем, а по делу, — вспомнил Артур.

— Ага! И какое же это дело?

— Обещал рассказать в следующий раз.

— Ну, впрочем, я догадываюсь. Ладно! Что ещё нового?

— Надо выбрать пьесу для представления.

— Ах, да! Скоро же праздник!.. — припомнил Адам и махнул рукой. — Это пусть Поэт с Сократом голову ломают. Я могу им только декорации сделать, если попросят.

Артур заметил на столе знакомое блюдо с узорами. Он приподнял его — под ним ничего не было.

— Это Мерлин забыл, — сказал Адам. — Это его «чаша Грааля».

— Чаша Грааля? Это же кубок, из которого пили вино на Тайной Вечере.

— Я так в шутку называю его блюдо. Он всех уверял, что блюдо волшебное. Стоит написать своё желание и положить записку под блюдо, — оно сбывается. Когда Ева потеряла своего кота, — она часто его теряет — попросила Мерлина написать желание. И на следующий день кот объявился. Так что Ева точно верит в волшебное блюдо Мерлина.

— Почему же он не попросит что-нибудь важное? К примеру, мир во всём мире?

Адам посмотрел на Артура серьёзно.

— Сбываются только возможные желания...

— А почему он не попросит что-нибудь для себя?

— По той же причине, — рассеянно сказал Адам.

— Счастье или смысл? — задумчиво взвесил он. — Счастье человека похоже на кардиограмму — пики, спады, пики, спады. Но у кардиограммы счастья есть среднее значение, отличное от нуля. Его определяют не пики и спады, а некая константа — фоновый уровень счастья. Одним из элементов, образующем этот уровень является смысл. Осмысленность твоего существования образует неизменную долю счастья, которая всегда с тобой. Смысл жизни является не альтернативой счастью, а его составляющей. Человек хочет счастья, а смысл добавляет к его переменному счастью постоянную величину. Поэтому люди, имеющие смысл жизни, более счастливы, их фоновый уровень счастья велик.

— А что ещё влияет на фоновый уровень счастья?

— Свойства характера и здоровый образ жизни. Человек оптимистичный имеет постоянно повышенный уровень счастья. То же самое — человек здоровый и спортивный.

— А уровень жизни?

— Уровень жизни не влияет на уровень счастья. Процент самоубийств в, так называемых, благополучных странах выше, чем в бедных странах.

— Значит, осмысленность, — размышлял вслух Артур, — оптимизм и здоровье — главные составляющие счастья?

— Совершенно верно. Другие виды счастья временны, а эти постоянны.

— Так ли постоянны? — усомнился Артур. — Сомнения могут украсть твой смысл, несчастья не способствуют оптимизму и здоровью.

— Всякое бывает... Главное — внутренний настрой на смысл, оптимизм и здоровье... Оптимизм можно в себе воспитать, если ты не тряпка. Можешь посмотреть на меня, как подтверждение этого. В моей жизни было мало поводов для оптимизма. Я родился в маленькой колонии последних людей, среди изгоев, утративших мечты о будущем. Но никогда не позволял себе впасть в пессимизм. Всегда можно найти светлые мысли, всегда можно найти повод для радости... Даже если весь мир убеждает тебя в обратном — стой на своём... Потерял смысл жизни? — ничего страшного, выдумай новый.

— Выдумать себе новый смысл... — медленно повторил Артур. — Я не могу это

понять... Как поверить в придуманный смысл?

Адам посмотрел на него с вниманием.

— Какой же ты ещё зелёный... Нет никаких смыслов, кроме придуманных. Разница лишь в том — берёшь ты готовый, придуманный до тебя, или придумываешь свой. Но второй путь труднее. А люди любят лёгкие пути. Поэтому берут то, что лежит под рукой... Родился в христианской семье — прекрасно! — готовый смысл. Уже сварили, пережевали и в рот тебе положили. Осталось только проглотить. Родился в мусульманской семье — то же самое... Трудно выдумать свой смысл. Но... Трудное счастье самое дорогое и подлинное.

— И какой смысл придумали себе вы?

Адам помолчал.

— Есть вещи, которые нельзя объяснить на словах. Точнее, можно, но это будет неубедительно. Понять что-то важное про мир и про себя нельзя с чужих слов. К важным мыслям не ведут слова. К важным мыслям ведёт дорога. Если думаешь, что, прочитав Дао-Дэ-Цзин, ты постиг Дао, — ошибаешься. Книга может дать тебе направление, но путь ты должен пройти сам.

Со стороны Замка раздался какой-то шум. Кто-то спорил и кричал.

Удивлённые Артур с Адамом наблюдали как из комнаты Мессии вышел разгорячённый сам пророк, размахивая руками и что-то крича. За ним следовали Писатель, Судья, Поэт, Сократ, Никто, Паскаль и, несколько в стороне, Андрон. Мессия кричал:

— Пусть он выйдет к нам! Пусть поговорит с нами!

Он грозил рукой третьему уровню башни, где была комната Хозяина.

— Демон не смеет над нами издеваться!

Писатель и Сократ тоже что-то кричали и махали руками. Никто стоял мрачный, укрытый капюшоном, и тоже смотрел на окна Хозяина.

Адам поманил рукой Андрона.

— Что там стряслось?

— Мессия обнаружил в обеденном супе червей. Хотят видеть Хозяина и потребуют у него наказать Демона.

— Да-а, история! Сцена из фильма «Броненосец Потёмкин». Вот только пушек у нас нет и восстание будет подавлено быстро.

Внезапно громыхнула железная дверь и послышались чьи-то тяжёлые шаги.

— Демон!.. Демон!.. Демон!.. — зашептались внезапно притихшие и напуганные больные.

Надвигаясь неторопливо и неуклонно, вышел крепкий, коренастый человек с суровым лицом.

— Это что — бунт?! — вскрикнул он.

Все попятились, невольно выдвинув вперёд зачинщика.

— Да, это бунт! — надломленным голосом выкрикнул Мессия.

Демон подошёл к нему, поднял кулак и занёс его для удара. Мессия, побледнев, стоял и ждал, не глядя на Демона.

В этот момент сверху ударил колокол. Звук падал, медленно затухая. Демон посмотрел вверх, как будто пытаясь увидеть откуда донёсся звук, и медленно опустил занесённую для удара руку.

— Десять дней Ада! — приказал он. — Андрон! Отвести его в подвал!

Он презрительно оглядел всех собравшихся и гаркнул:

— Чего встали? Все по комнатам!

Все разбежались. Остались только сидящие за столом Адам и Артур. Андрон подошёл к Мессии и тронул его за рукав.

— Надо идти. Был приказ.

Мессия понуро побрёл к лестнице, Андрон следовал за ним.

Демон оглядел двор, остановил свой взгляд на Артуре, повернулся и пошёл вслед за Андроном.

— Что такое «Ад»? — спросил Артур.

— Подвальный карцер для провинившихся больных. Маленькая тесная конура без света, без окон, где нельзя даже лечь на полу, вытянув ноги. Приходится спать сидя, прислонившись к стене.

— Вы там были?

— Все там были. Хозяин умеет ломать непокорных.

Адам замолчал, видимо не желая говорить о неприятном.

— Почему Андрон подчиняется Демону?

Адам нахмурился и неохотно произнёс:

— Он же «механизм»... У него нет человеческих предрассудков вроде морали, чести, справедливости... Удобно быть роботом, не человеком. Какие могут быть грехи у робота?

Адам задумался. Артуру хотелось его ещё расспросить о Демоне, но он не решился.

— Жалко Мессию. Может, сходить к Хозяину и попросить за него? — спросил Артур.

— А у тебя есть электронный ключ от дверей?

— Нет. Но у вас есть.

Адам посмотрел на Артура.

— Никогда, никого, ни о чём не проси. Особенно у тех, кто сильнее тебя... Похоже на цитату. Где-то я это слышал... К тому же скоро праздник. Хозяин не станет его портить, отпустит провинившегося.

Артур опустил голову, перекатывая камешек ногой. Потом спросил:

— Почему не вышел Хозяин?

— Он не пойдёт против Демона, слишком зависит от него. Может быть, он и потребует от него объяснения, но не прилюдно, наедине... Мессия ненавидит Демона. А тот ему отвечает презрением. К тому же такие натуры, как Мессия, очень впечатлительны. Он умеет зажигать других, потому что сам горит внутри.

Помолчав немного, добавил:

— Сумасшедшие люди ранимы. У многих развиваются мания преследования и мнительность. Это можно понять. Любой человек для них — потенциальная опасность. Они даже если не поняли, то ощутили, что люди их не любят, боятся, поступают с ними грубо, лишают их свободы... Поэтому на любого человека они всегда смотрят подозрительно и с опаской. Поэтому они озираются вокруг, посмотреть — не подкрадывается ли очередной враг? Что же до мнительности, то отчасти она свойственна любому человеку, но больные находятся в ином состоянии духа. Нормальные, социализированные люди живут в обществе, они заняты многими делами, у них мало времени погружаться в рефлексию, задумчивость, копаться в собственных придуманных или непридуманных проблемах. Больные же находятся в иных условиях и в ином состоянии духа. Основная проблема таких людей — тотальное одиночество. Они брошены не в мир, они брошены сами в себя. И это одиночество

подпитывает их болезнь, их мнительность и тревожное состояние духа.

— Врачи с этим борются, прежде всего медикаментозными средствами, но борются они со следствием, а не с причиной. Больного всякими успокоительными просто вводят в полурастительное существование. Больной становится не опасен, но можно ли, положив руку на сердце, назвать это жизнью?

— Я рад, что в Замке больных сейчас уже не пичкают лекарствами. Это не всегда было так. Ещё год назад, здесь были и санитары, и врачи, и процедуры, и лекарства. Но потом Хозяин уверил себя, что толку от этого мало и всех уволил. Это произошло после того, как тут появился Демон. Хозяин как-то очень быстро сошёлся с ним, и понял, что этот человек может заменить ему весь персонал. Демон был не против. Он получил свободу в пределах острова, получил огромный подвал в своё владение и власть над больными. А власть — это то, что он любит больше всего.

Они помолчали.

Артуру очень хотелось что-то рассказать, и он решился.

— Сегодня ночью мне приснился сон... Мне снилось, что я иду по узкой тропе, долго иду, поднимаясь в гору. Потом на верёвке карабкаюсь вверх по какой-то скале. Камни из-под ног летят вниз. Солнце светит ярко, на лбу у меня пот, спина мокрая. А я всё лезу и лезу, а верёвка всё не кончается, и вершина всё далеко... Я проснулся и понял, что это был не сон, а воспоминание. То есть во сне я вспомнил что-то из прошлой жизни.

Адам пристально посмотрел на него.

— Ну вообще-то руки у тебя крепкие. Может, ты и прав.

Помолчав, посмотрел куда-то вверх, сказал:

— Если хочешь, сегодня ночью можем это проверить.

— Как?

— Предлагаю забраться на вершину Замка.

— Каким образом?

— А вот посмотри туда, — он указал пальцем. — Видишь там в стене между уровнями железную скобу? А выше ещё одну.

— Да, я и раньше их замечал, и гадал — для чего они?

— Это всё, что осталось от подъёмника, который здесь когда-то был. На скобах висели блоки, через которые проходил металлический трос.

— А для чего был нужен подъёмник?

— Наверно Хозяин тебе рассказывал про первого сидельца этого Замка. Когда его пра-пра-пра, как он говорит, совсем состарился, он не мог подниматься по лестнице, и потребовал, чтобы ему сделали подъёмник. После его смерти, когда здесь устроили больницу, подъёмник разобрали, но скобы в стене остались.

Так вот, несколько месяцев назад, когда я ещё был взаперти на первом уровне, мне пришла в голову идея — залезть на верх замка. Я не собирался бежать. Я прекрасно понимал, что с острова бежать некуда. Я хотел сверху осмотреть остров. В те дни я сблизился с Демоном. Точнее, он сблизился со мной, чтобы выведать, — что я за человек? Однажды он провёл меня в своё логово, в подвал Замка. Там находятся продовольственные склады, кухня, карцер, электрогенератор — в общем большое хозяйство. И есть там одна комната, которую Хозяин называет «комната ненужных вещей». Вот туда я с Демоном и зашёл. Там действительно много ерунды, но есть и полезные вещи.

— Почему же полезные вещи оказались в комнате ненужных вещей?

— Так ведь, «ненужных» — по мнению Хозяина. А у меня может быть иное мнение. Я там подобрал моток верёвки с крюком и тайком сунул за пазуху. А в карман сунул вот эти часы, — он задрал рукав на левой руке. — Только Мерлину не говори. А то он меня прибьёт... На следующую ночь я закинул крюк на нижнюю скобу, поднялся по верёвке до неё. Держась за неё, я закинул крюк на верхнюю скобу. Поднялся ещё выше. Потом уже закинул крюк на «крышу» и через минуту был там. С вершины Замка я впервые увидел остров как на ладони.

— Я хочу попасть туда! — загорелся Артур.

Адам с улыбкой посмотрел на него.

— Тогда сегодня в полночь я зайду за тобой.

Когда ночью раздался тихий стук в дверь, Артур был уже готов. Он вышел во двор. Адам приложил палец к губам и махнул рукой, приглашая за собой. Они подошли к стене под скобой и Адам ловко, с первого раза забросил крюк. Подёргав верёвку, он наклонился к Артуру и тихо сказал:

— Я полезу первым. Смотри, как я это делаю, потом повторишь. Главное, ничего не бойся.

Он ловко полез вверх, и уже через пять минут был на «крыше». Оттуда он сбросил верёвку с крюком под ноги Артуру. Артур поднял её, прицелился и бросил. Как не странно он с первого раза попал. Он даже улыбнулся.

Взявшись двумя руками за верёвку, полез наверх. Подниматься было удобно, Адам предусмотрительно сделал на верёвке узлы. Добравшись до скобы, Артур отдышался и снял крюк. Отсюда бросать было труднее, чем с земли. Поэтому дважды он промазал. В тишине было слышно, как крюк стучит по стене, и Артур подумал, что, если Хозяин не спит, он может услышать. Прицелившись ещё раз, он всё же попал и полез дальше. Добравшись до второй скобы, глянул вниз. «Ого! Высоковато.» Глянул вверх и закинул крюк, который зацепился за металлический водосток. Подёргав верёвку, полез дальше. Почти добравшись до водостока, увидел протянутую руку, схватился за неё и Адам вытащил его наверх.

Отдышавшись, Артур встал на ноги.

— Ну что, неплохо для первого раза! — смеясь, сказал Адам. — Проверку на скалолаза ты прошёл.

— Я боялся, что водосток меня не выдержит.

— Нет, он сделан основательно. Дождевая вода с крыш и башен стекает по нему в подвальный резервуар. Это наш стратегический запас. Здесь, среди океана, на голом острове, дождевая вода ценится дорого. Именно её мы и пьём. Когда воды было мало, даже душевую комнату запирали, сэкономили.

Они стояли на верхней площадке северной башни. Артур подошёл к краю внешней стены, сел между двух зубцов башни и свесил ноги. Бескрайний океан омывал остров. Куда не бросал он взгляд, видел только линию горизонта. Переведя взгляд вниз, осмотрел остров. Он действительно был маленький. Собственно, Замок занимал треть его суши. Замок стоял на небольшом холме. Вниз от Замка располагался монастырский сад. Вдали, за монастырским садом, среди деревьев, виднелись какие-то строения.

— А что там? — обернувшись, спросил он Адама и показал пальцем.

Адам посмотрел в том направлении.

— Там кузница и мастерская — моё рабочее место.

— А что вы там делаете?

— Так... мебель чиню, второй дизель восстанавливаю, ну и разное по мелочам.

Адам явно не хотел распространяться на эту тему.

Артур ещё раз посмотрел сверху на сад. Деревья в лунном свете казались серебряным покрывалом, наброшенным на землю.

— Может, ты не заметил, — сказал Адам, — но деревья в саду монахи сажали особым образом. Так, что сверху, где мы стоим, открывалась весной прекрасная картина. Цветущие деревья создавали подобие живой иконы. Сейчас уже трудно представить — что на ней было изначально изображено? — деревья разрослись и всё смешалось. Но до сих пор весной виден бело-розовый крест из цветущих вишен.

Артур перешёл на другую сторону и посмотрел сверху на дворик. Отсюда он казался маленьким.

Потом посмотрел на окна Замка. Везде было темно. Ему показалось, что занавес на окне третьего уровня башни шевельнулся. «Наверно, это спальня Хозяина» — подумал он. Артур отошёл от края и лёг, глядя в звёздное небо. Адам присел рядом.

Разглядывая звёзды, Артур сказал:

— Адам, вы называете себя — «последний человек». Вы говорите, что прибыли из будущего. Расскажите мне о себе.

Адам помолчал, посмотрел на Артура, потом тоже взглянул в небо и начал говорить.

— Всё так. Я действительно прибыл из будущего. Хотя в этом времени я оказался случайно. Я должен был попасть в точку отсчёта, но машина меня подвела...

— Машина времени?

— Да, вы это называете так.

Они помолчали и Артур сказал:

— Расскажите мне о будущем. Хочется знать — что ждёт человечество?

— Человечество?.. У него впереди ещё пара веков весьма бурной жизни. Будут и катаклизмы, и катастрофы, и войны, но человечество проявит чудеса выживания. Так что — «и на Марсе будут яблони цвести» — как поётся в одной вашей песне... Правда, «хэппи-энда» не будет. Но его никогда в жизни не бывает, только в кино... Цивилизации также, как и люди, имеют срок своей жизни.

Он задумался на несколько секунд и продолжил.

— У меня было время, я ознакомился с вашей фантастикой. Одна из тем — восстание машин, война роботов с человеком, битва между человечеством и, созданным им, искусственным интеллектом. Читая про это, я не мог сдержать улыбки. Люди часто боятся не того, чего им стоит бояться. Ничего подобного не было... Да, человечество исчезло, осталось в истории. Но сделал это не коварный искусственный разум, и не космические пришельцы, а сам человек... Всё произошло естественным путём, без войн и восстаний. Умные люди видели и понимали, что происходит, но изменить ничего не могли... Два процесса определили закат человечества — искусственный интеллект и генетическая инженерия. На обоих фронтах человек победил... сам себя. Сначала люди начали улучшать свои гены и превратили себя в эмэнов. Так теперь назывались те, кто пришёл на смену людям. Они по всем параметрам превосходили людей... но людьми уже не были.

— Как же это произошло?

— «Эмэн» происходит от выражения «enhanced man». Изначально эмэнами назвали себя люди, поставившие себе целью генетическую революцию. Они хотели усовершенствовать

человека, они воплощали мечту Ницше о сверхчеловеке. Если бы Ницше видел, к чему приведёт его мечта, он бы сжёг свои книги... Ведь даже в названии «сверхчеловек» скрывается обман. В «сверхчеловеке» нет человека. «Чужого» не надо ждать из Космоса. «Чужой» родится на Земле. «Чужим» станет сам человек.

— Они мутанты?

— Нет, это не то слово. Мутация — естественный процесс в природе. Они же планомерно и целенаправленно модифицировали геном человека, добиваясь улучшения рода. Эмэны обладали большей памятью, лучшей реакцией, увеличенной продолжительностью жизни. Их органы чувств были на порядок лучше человеческих. Они доработали свой организм при помощи генной инженерии. У них уже были иные сердце, почки, печень — гораздо надёжнее обычных. У них были иные глаза, способные видеть мир в гораздо большем волновом диапазоне. Они многое изменили в себе, и пропасть между людьми и эмэнами стремительно расширялась. «Апгрейд» человека был постепенным, и долго историки спорили — когда человек перестал быть человеком? Шаг за шагом, человек уходил от себя. Никто уже не заводил семью, не рожал детей. Люди стали бесполой. Сексуальная функция умерла и отвалилась, как ненужный хвостик. На заводах работали два конвейера. На одном шлёпали эмэнов, на другом — роботов... Эмэны не оставили обычным людям шанса на конкуренцию с ними, и на протяжении буквально двух поколений всё было кончено. Человеческую цивилизацию сменила цивилизация эмэнов. Так завершилась история человечества. Только в дальних уголках нашей Галактики сохранились немногочисленные колонии настоящих людей — трумэн. Их не трогали, потому что уже не боялись. К ним относились, как к сектантам, эдаким «староверам».

Адам усмехнулся.

— Я говорю о вашем будущем в прошедшем времени. Извини, я запутался во временах.

Артур пытался осмыслить услышанное.

— По-моему, если эмэнов делали на заводе, по стандартной технологии, — это уже биороботы.

— Я тоже так считаю, но эмэны считали себя высшей ступенью развития разума... С моим знакомым эмэном мы часто спорили об этом. Он говорил:

— «Смысл разума в познании и покорении Вселенной. С этим мы справляемся лучше людей.»

— На это мне нечего было возразить. Но я пытался убедить его, что разумное существо обладает автономностью и свободой, а с этим у эмэнов проблемы. Они не являлись самостоятельными личностями. Они давно уже были просто атомы единого тела цивилизации... Ведь как они «победили» искусственный интеллект? Они просто объединились с ним. Разработали интерфейс «роутер-мозг» и включили себя в межгалактический интернет. Теперь не нужен был компьютер, не нужно было стучать по клавиатуре и пялиться на монитор — всё происходило у них в голове. Каждому эмэну был выделен уникальный ip-адрес. Глаза его стали веб-камерами, уши микрофонами, язык мультимедиа плеером. Так завершилась вселенная интернета вещей, и эмэн стал разумной вещью мира.

— Мне не удалось его убедить, — продолжил Адам. — Он не понял — о чём я говорю? Для них понятие «свобода личности» — звук пустой. Личность у них была одна — сама цивилизация эмэн — прообраз будущего Единого Разума.

— Этот мой знакомый, — улыбнулся Адам, — в шутку так объяснял мне — почему они

победили людей? Он говорил:

— «Всё определяет технологический процесс. Людей делают по старинке — в кровати, а эмэнов — на заводе. На заводе технология лучше и есть контроль качества. А в кровати — технология примитивная и никакого контроля качества.»

Артур, не удержавшись, засмеялся.

— По крайней мере, у них осталось чувство юмора...

— Оставалось... Их уже нет. Я наблюдал, как закатывалась их цивилизация.

Он помолчал, но потом продолжил.

— Если рассказывать всё по порядку... Я родился на Земле. И помню депортацию, когда колонию трумэнов выселяли на далёкую планету в пяти тысячах световых лет от Земли. Я тогда был молод... На протяжении моей жизни сменилось две цивилизации. Сначала людей заменили эмэны. Потом им на смену пришли сэйны. Это название им дали ещё люди — силиконовый искусственный интеллект — «sain». Сами они себя называют по-другому.

— Несмотря на успехи генной инженерии и нейробиологии, искусственный разум всё же развивался куда быстрее и был гораздо способнее. Сэйны прекрасно чувствовали себя в открытом Космосе и на планетах, лишённых земной атмосферы. Им не нужны были ни воздух, ни вода, ни еда. Они обзавелись автономными источниками энергии, что позволяло им годами не испытывать никаких потребностей. Изначально они считались лишёнными разума, но со временем у них произошёл пресловутый переход количества в качество, и они доказали свой разум. Сэйны резонно заметили, что их с эмэнами делают на одном заводе, только по разным технологиям. Однажды был принят закон равноправия, сэйны уравнились в правах с эмэнами. Это выглядело, как победа искусственного разума, но на самом деле, это было последней соломинкой, за которую хваталась тонущая цивилизация эмэнов. Противостояние биологического и электронного разума временно разрешилось в их слиянии в единый разум. Великий Разум — это мозг цивилизации. Ему всё равно — из чего сделаны его слуги. Он использовал и тех, и других.

Какое-то время существовала двойная цивилизация биологического и электронного разума. Но эмэны также проиграли на поле эволюционного сражения, как раньше им проиграли люди. Великий Разум сделал ставку на более удобных и способных слуг. Конвейеры, где выращивали эмэнов остановились. Как у вас говорится: «ничего личного, просто бизнес». Так в очередной раз сменился вектор цивилизации. Цивилизация эмэнов канула в историю вслед за человечеством. Признаться, я испытываю при этой мысли некоторое злорадство, хоть это и нехорошо.

— А колонии эмэнов, подобно вашей не сохранились?

— Нет... Трумэнов никто не боится, нас считают за животных. Поэтому нам позволено существовать в небольших колониях.

— Но не может быть, чтобы эмэны покорно сдались, не пытаясь бороться за своё существование!

— Ты говоришь про эмэнов, как будто это люди. Это уже были не люди... Отдельные попытки сопротивления были, но они были подавлены. Эмэны не способны были сопротивляться Великому Разуму. Он уже контролировал всё их сознание... Бороться могут личности, биороботы просто отключаются.

— Но не сразу же эмэны стали биороботами? Ведь они постепенно удалялись от людей?

— Эмэны цеплялись за свою автономность, за свободу воли и право на личную жизнь. Но борьба их была обречена на поражение. Цивилизация эмэнов была цивилизацией коллективного разума. Объединённый межгалактическим интернетом, коллективный разум стал личностью, а эмэны превратились в отдельные атомы этой личности. Они утратили самостоятельный смысл, а вместе с ним и все свои права и свободы... Хотя я и зол на них за то, что они нас депортировали с Земли, но с ними была какая-то родственная связь. А те, что пришли им на смену!.. — он махнул рукой. — Эмэны помнили, что мы их предки, а эти... снимают документальные фильмы о нас — «В мире животных».

— Значит сэйны относятся к вам, как мы относимся к обезьянам? — спросил Артур.

— Именно так. Если один обзовёт другого человеком — значит, хочет его оскорбить. Это как, если тебя обзовут обезьяной... Дошло до того, что, когда они расселились по Галактике, Земля утратила для них особое значение, и кому-то пришла в электронную голову светлая мысль — сделать из планеты Земля музей. Как-никак колыбель их цивилизации. Идея понравилась, и мне, как одному из последних представителей рода трумэн, предложили возглавить этот музей. Признаться, я долго думал, но в конце концов отказался.

— Почему?

— Не знаю... Это как стать начальником кладбища, где похоронены все твои родные...

Артур тихо вздохнул:

— Как-то более радужно я представлял себе будущее. Может быть, человечество где-то допустило ошибку, свернуло не туда?

— Не думаю... — сказал Адам. — Всё случилось так, как должно было случиться... А то, что мечталось совсем иное... Мечтать не вредно... И потом — я не открыл тебе страшных тайн. То, что человек исчезнет в ближайшем для вас будущем, говорится открыто многими вашими учёными. Это ничего не изменит. Человека похоронят не его ошибки, а естественный путь эволюции. В этом смысле Ницше был прав: «человек есть мост, а не цель». Вот в другом он ошибался, идеализируя своего «сверхчеловека». Человека в будущем нет, ни в каком виде.

— Но вы же есть, — не удержался Артур.

— Я тусклый свет давно погасшей звезды под названием «человечество». Звезды уже нет, а свет её всё ещё летит в пустынях Вселенной.

Они помолчали, слушая дальний, тихий плеск волн и наблюдая развёрнутое над головою небо.

— Таким холодом веет из чёрного Космоса, — зябко поёживаясь, сказал Артур.

— Чёрного? — удивился Адам. — Ах, да! Я же забыл...

— Видишь ли, — пояснил он, — трумэны хотели сохранить свою человеческую идентичность, но они не отвергали с порога всех достижений науки. В частности, у нас улучшенные глаза. Для меня Космос не чёрный — он залит серебристым, пульсирующим светом. Можешь мне поверить, это более величественная картина, чем та, которую видишь ты. Даже если б сейчас не светила луна, я прекрасно бы видел тебя под звёздным светом.

— Значит, вы не такие уж трумэны, — лукаво заметил Артур. — А что ещё у себя вы поменяли?

— Не так много... Не удержались от искушения и прошли геномодификацию для увеличения срока жизни. Правда, это было ещё до разделения на эмэнов и трумэнов.

— И какой же теперь у вас средний срок жизни?

— Двести лет, не так уж и много. Эмэны потом дотянули свой срок жизни до пятисот лет.

— А как же, вы говорили, что вам полторы тысячи лет?

— Это другая история, — махнул рукой Адам. — Как-нибудь потом расскажу.

Помолчали, наслаждаясь тишиной и спокойствием ночи.

— Расскажите о машине времени, — попросил Артур.

— Называть мою машину «машиной времени» так же нелепо, как называть самолёт «машиной высоты». Любая машина перемещается во всех, доступных ей, измерениях. Просто самолёт перемещается в трёх измерениях, а эта машина — в четырёх. Вот и вся разница.

— Надо понимать, что перемещение всегда происходит во всех измерениях. Даже если ракету направить точно на Луну, она всё равно полетит по кривой. Стоя на Земле, она вращалась вместе с Землёй. Инерция этого вращения изменит её траекторию.

— Невозможно перемещение просто во времени, точно так же, как невозможно перемещение только по высоте, по длине, по ширине. То есть абстрактно, мыслительно, это возможно, но практически — нет. Непонимание этой, в общем-то простой, вещи привело к гибели первых испытателей «машины времени». Тогда её называли именно так.

— Почему?

— Попробую объяснить попроще. Представь себе, что ты изобрёл машину времени, но энергии для её питания у тебя маловато и ты можешь отправиться в прошлое только на одну минуту назад. Ты нажимаешь кнопку, и — вуаля! — ты уже в прошлом, хотя бы на одну минуту. Довольный, что эксперимент удался, открываешь дверь машины и... Что же ты видишь? если успеешь увидеть... Твоя машина заброшена в пустыню космоса. Нет Солнца, нет Земли, только холодный вакуум и далёкие звёзды. Что же произошло? Да, собственно, то, чего ты и хотел. Ты попал в ту же точку мира, откуда отправился в прошлое, не подумав о том, что в этой точке мира, минуту назад никакой Земли не было. Она появится здесь через минуту, но ты уже будешь от неё далеко. Человек знает, но не осознаёт, что он вместе со своей планетой, вместе со своей Солнечной системой, вместе со своей галактикой Млечный Путь несётся с огромными скоростями, кувыркаясь в трёх измерениях, как бабочка в эпицентре урагана.

Он немного помолчал, чтобы Артур обдумал услышанное, и продолжил.

— Впрочем, это не единственный подводный камень. Есть и другой... серьезнее.

Адам внимательно поглядел на Артура.

— Поясню на том же примере... Допустим, ты правильно настроил машину и переместился во времени и пространстве туда, куда хотел... Выходишь ты из машины и видишь себя, который ещё только собирается в машину залезть. Ты радостный, кричишь:

— «Привет, братишка! Я вернулся!»

— У второго Артура — глаза на лоб, рот открыт, как в немой сцене из «Ревизора». Он явно к этому был не готов. Но после радостных объятий отправляетесь вы на кухню, отметить удачный эксперимент чаем или чем покрепче. А когда эйфория проходит, второй Артур смотрит на тебя и говорит:

— «Слушай, а ведь я не залазил в машину, не нажимал кнопку, не отправлялся в прошлое... Тогда кто такой ты? И как ты здесь очутился?»

— Резонный вопрос? — Адам хитро посмотрел на Артура.

— И какой на него может быть ответ? — Артур был в недоумении.

— А это ты мне ответь... Это тебе задачка на сообразительность.

Артур покачал головой.

— Даже не знаю, — что предположить? Это вроде «парадокса дедушки».

— Ну, подумаешь на досуге. Мне интересно — как ты решишь этот парадокс?

Адам помолчал.

— Это ведь человек придумал время. Даже часы не знают — что это такое? Умей они думать, возможно они решили бы, что их предназначение — размешивать стрелками воздух. Это и есть великий смысл существования часов.

Небо стало светлеть, звёзды стали тускнеть.

Адам поднялся на ноги, огляделся и сказал:

— Нам пора возвращаться, уже светает.

Артур тоже поднялся, потянулся, посмотрел вокруг и спросил:

— Вы говорили про точку отсчёта — куда вы собирались попасть. Что это за точка отсчёта?

Адам удивлённо посмотрел на него.

— Начало нашей эры... Христианской эры...

— И что вы хотели там делать?

Адам нахмурился.

— Давай об этом поговорим в другой раз.

Артур подобрал с пола верёвку с крюком.

— Кто пойдёт первым?

— Я пойду, — сказал Адам и, наклонившись, поднял деревянный щит, на котором они до этого сидели. Под щитом оказался люк и металлическая лестница, ведущая вниз.

— А можно было так? — удивился Артур. — Зачем же мы лезли по стене?

— Но это же интересно, — улыбнувшись, ответил Адам.¶

Седьмой день

Тёмная материя.

Во дворе Ева с Паскалем играли в бадминтон. Ева постоянно промахивалась, и Паскаль старался подавать ей точно на ракетку. Чёрный кот сидел сбоку и наблюдал за полётом волана.

— Филип! Принеси волан! Какой ты ленивый! — шутливо ругала своего любимца девочка.

Потом Ева устала, её заменил Андрон. Ева присела на скамейку рядом с Артуром. Артур угостил её яблоком. Надкусывая яблоко, Ева болтала:

— Вчера вечером Филипа два часа искала, а потом смотрю — идёт и мышку в зубах несёт. Я ему говорю: бессовестный, я тебе в обед целую котлету под стол кинула, а ты бедную мышку поймал, как будто голодный! Так он посмотрел на меня, повернулся и ушёл — обиделся.

Паскаль, отбив удар, улыбнулся и кивнул Еве. Та помахала ему рукой.

— Вчера на берег купаться ходила. Дядя Адам меня плавать учил. Я теперь и по собачьи могу, и на спинке умею. Сегодня он меня ещё по-лягушачьи научит.

— Как тебе здесь живётся — не скучно? — спросил Артур.

— Не-а! Отец меня математике учит и письму. Я уже дроби знаю и сказки все перечитала. Отец говорит, что корабль придёт и мне новые книжки привезёт, с картинками. Я люблю книжки с цветными картинками.

— Никто тебя не обижает?

— Не-ет. Отец ругает меня, что я слишком часто с больными общаюсь, а я говорю — а с кем мне общаться, с пальмами что ли? Он хочет меня с мамой отправить на большую землю, чтобы я в школу ходила.

— Паскаль будет скучать без тебя.

— Я тоже... Я уже ко всем привыкла. Дядя Сократ мне качели в саду сделал. Дядя Адам мне воздушного змея подарил. Мы его с башни запускали... Отец говорит: будь осторожней, они больные люди. А я думаю, они нормальные люди. Просто они живут каждый в своём мире. Они там заблудились и не могут найти дорогу назад. А мой отец пытается их вернуть.

Игроки в бадминтон устали. Ева с Паскалем пошли в сад, качаться на качелях.

Пришёл Адам, разговаривая о чём-то с Ньютоном.

— Вы уже знакомы? — спросил Адам. — Это Артур, а это наш уважаемый учёный, которого мы называем Ньютон, хотя он на это сердится.

— Да я уже привык, — махнул рукой Ньютон — что на вас обижаться!

— В общем, вы обдумайте, что я вам сказал. Потом обсудим, — обратился Адам к Ньютону.

Тот кивнул и пошёл в свою комнату.

— Он действительно большой учёный? — поинтересовался Артур.

— Ну, большой, не большой — не знаю. Лет двадцать назад был перспективным молодым учёным. Даже участвовал в разработке коллайдера в ЦЕРНе. Потом у него пошла чёрная полоса в личной жизни и, похоже, она до сих пор не закончилась.

— А как он здесь оказался? Он не похож на сумасшедшего.

— А ты специалист по психиатрии? — лукаво улыбнулся Адам.

— Нет, конечно. Но я не понимаю, например, — зачем здесь Поэт? Он совершенно нормальный человек.

— Поэт? Да что ты! Настоящий поэт хорошо знает — что такое безумие. Он всегда ходит по грани. А вот кстати и он, лёгок на помине. И в очень расстроенных чувствах. Кажется, сейчас тебя будут опровергать.

Поэт явно убежал от Андрона, который шёл за ним следом.

— Оставьте, оставьте меня!

Он остановился как вкопанный и, размахивая руками, стал вопрошать всех и никого.

— Зачем меня положили в этот гроб, обтянутый кожей? Зачем мне дали в родственники обезьяну? Я не хочу быть человекообразной обезьяной, я хочу быть человекообразной чайкой.

— Человекообразная обезьяна, по Дарвину, является дальним предком обезьянообразного человека, — рассудительно произнёс Судья.

— Я не хочу быть обезьянообразным человеком! — взвизгнул Поэт. — Зачем это унижение?! Зачем меня посадили на какой-то костяной скелет из анатомического атласа? Я не желаю быть субъектом анатомии! Вы не представляете, какая мука для меня моё тело! Как я желал бы избавиться от него! Я наделён душой, способной объять весь мир. Почему моя душа должна мучиться в этом кожаном гробу? Вытащите меня, вытащите меня из гроба! Я живой, я живу, я задыхаюсь в этом гробу, я стучу кулаками — откройте, откройте, вытащите меня наконец! Это невыносимо!

Адам обнял Поэта и начал его успокаивать, что-то тихо начал ему говорить. Плечи Поэта вздрагивали от рыданий. Он снова вскинул голову и продолжил горячо объяснять уже Адаму:

— Зачем он рассказывает мне, что я кусок мяса с костями? Зачем он объясняет мне — как работают моя печень и желудок? Я не желаю знать о процессах пищеварения и дефекации. Моя душа оскорблена своим телесным воплощением. Она мечтает вырваться из тела, как из тюрьмы. Заберите моё тело, оставьте мне душу! Больше я ничего не прошу.

Поэт снова зарыдал на плече Адама. Тот продолжал ему что-то тихо говорить, поглаживая его по спине, как ребёнка. Поэт наконец успокоился, кивнул головой на слова Адама, вытер рукой глаза и подошёл к Судье.

— Ваша честь! Я знаю, что вы ведёте процесс против главного обвиняемого. Прошу добавить в обвинительный акт мои обвинения.

— Я вас слушаю.

— Данную мне жизнь, в том виде, как она есть, считаю оскорблением, и прошу выплатить мне компенсацию за моральный ущерб.

— Какого рода компенсацию требуете?

— Я не требую многого, я требую личного публичного извинения.

— Так личного или публичного?

— Лично господин Бог должен публично передо мной извиниться.

— Хорошо, я добавлю пункт в обвинительное заключение. Но процесс пока поставлен на паузу. Я вызвал обвиняемого на допрос, обвиняемый на допрос не явился. Вчера я морской почтой отправил обращение в международный розыск.

— Морской почтой? — удивился Адам.

— Он бросил бутылку, с какой-то бумажкой внутри, в океан. Я видел, — с безмятежной улыбкой сказал Андрон.

— О-о-о! — протянул Адам. — Тогда процесс затянется. Морская почта нетороплива.

— Ваша честь, я вам советую полагаться на свои силы, — добавил он, обращаясь к Судье. — Ваш обвиняемый так хорошо научился прятаться от людей, что Интерпол вам не поможет.

— Это была формальность, которую я обязан был соблюсти.

Адам подошёл к Андрону.

— Андрон, опять вы довели нашего Поэта до нервного срыва!

— Я объяснял ему, как работает его биологический механизм.

— Да не должен он это знать! Пусть он верит, что его душа живёт в сердце. Не надо ему рассказывать, что это насос, который гонит по телу кровь. Это знание для него бесполезно и мучительно. Какой же вы не чуткий!

— Каждый должен знать свой биологический механизм!

— Тьфу ты!

Адам уже хотел отойти, но заметил что-то и указал пальцем на рукав рубашки Андрона.

— Держите своё подопытное животное, а то потеряете.

Андрон поймал муравья и присмотрелся.

— Снова Роберт шестой, — задумчиво сказал он и вздохнул. — Это уже склонность к побегу. Надо наказывать.

Когда все разошлись, Артур вернулся к «Мыслителю» и увидел Писателя. Писатель сидел за столом, закрыв глаза. Было похоже, что он слушает приёмник. К одному уху он приложил зелёную коробочку, в которой Артур с удивлением узнал мыльницу из душевой комнаты, другое ухо он прикрыл рукой, чтобы не мешали слушать.

Через некоторое время он оторвался от своего занятия, увидел Артура, засунул мыльницу в карман и, как ни в чём ни бывало, поделился новостями:

— Передавали по радио — фараон Рамзес тридцать четвёртый женился на герцогине Уэльсской. Как вам это нравится?! Всё смешалось в доме Уэльских. Зачем ей этот фараон? Только что титул древний, а ему уже лет шестьдесят, я слышал.

Артур удивился.

— Фараон? Разве есть ещё фараоны?

Писатель с недоумением посмотрел на него.

— А куда ж они денутся? Египет же есть, пирамиды есть? А почему фараонов нет?

Артур не знал, чем опровергнуть эту железную логику. Писатель же переключился на другую тему.

— Вы слышали, что в Антарктиде откопали озеро?

— Да, что-то слышал такое.

— Так вот там нашли древнюю рыбу, которой тысяча лет. И рыба эта разумная, говорящая. Только никто не может понять языка, на котором она говорит. Её привезли в Организацию Объединённых Наций и поместили в аквариум. Теперь все президенты, которые приезжают на заседания, смотрят эту рыбу, слушают, кивают головами — потому что видно, что что-то мудрое говорит, — но никто не понимает.

Артур изобразил сожаление.

Из душевой комнаты вышел сердитый Паскаль и закричал через двор:

— Писака! Мыло верни!

Писатель съёжился и его, как ветром, сдуло. К Артуру подошёл Паскаль, с полотенцем на плече.

— Опять этот Писака мыльницу унёс! Ну что ты с ним будешь делать! Я ему руки оторву.

— А чем он тогда роман будет писать? — засмеялся Артур.

— Пусть, как Гомер, заучивает своё сочинение и читает наизусть.

После обеда Андрон за столом разгадывал кроссворд из газеты, почёсывая карандашом затылок.

— Самое опасное животное, семь букв, — спросил он подошедших Артура с Паскалем.

— Леопард? — предположил Артур.

— Зная Писаку, убеждён, что это слово «человек», — заявил Паскаль.

— «Человек» подходит, — подтвердил Андрон. — А вот здесь ещё подскажите, а то я уже забыл геометрию. «Как называется биссектриса круга?»

— «Биссектриса круга»? — обалдел Паскаль. — Что за чушь? Ну-ка, покажи!

— Да вот! По вертикали, шесть букв. Начинается на «Р», кончается на «С», — протянул ему Андрон газетный листок.

— Это может быть только «радиус», — сказал Артур. — Но как он стал биссектрисой, я не понимаю.

Артур заметил Писателя, наблюдавшего за ними, выглядывая из-за Аполлона.

— Вон автор стоит, — указал Артур. — Надо у него спросить.

Паскаль нахмурился, но махнул рукой Писателю.

— Иди сюда, Писака! Да не бойся, не трону.

Писатель осторожно приблизился, бросая настороженные взгляды в сторону Паскаля.

— Что ты здесь написал? Какая «биссектриса круга»? Где ты это вычитал? — насел на него Паскаль.

— Ничего я не вычитал... Это моё открытие. Биссектриса есть в треугольнике, а круг состоит из треугольников.

— Это каким образом? — удивился Артур.

Писатель, осмелев, подошёл к столу.

— Если поворачивать треугольник вокруг одной из вершин, другая вершина опишет окружность. Круг состоит из множества треугольников.

— Это тянет на Нобелевскую премию, — пошутил Артур и постарался выручить Писателя. — Только надо уточнить, что круг состоит из множества равнобедренных треугольников, когда третья сторона стремится к нулю. Тогда действительно биссектриса станет радиусом.

— Писака открыл интегральное исчисление, — язвительно откомментировал Паскаль. — Не знаю, как Нобелевскую, но Шнобелевскую тебе точно дадут.

— Да ну вас! — надулся Писатель. — Художника может обидеть каждый.

Махнул рукой и пошёл прочь.

Кроссворд был разгадан. Андрон отложил газету и Артур спросил у него:

— Андрон, вы не знаете, кто нашёл меня в тот день, после шторма?

— Это я нашёл вас на берегу без сознания. Я тогда упросил Демона выпустить меня на берег, чтобы собрать на острове ещё муравьёв. Он конечно посмеялся надо мной, но выпустил. Я прошёлся по берегу и наткнулся на вас. Побежал обратно и сообщил о находке Демону. Вдвоём мы занесли вас в Замок. Пришёл Хозяин, осмотрел вас, чем-то обработал рану и приказал Демону отнести вас в свободную комнату. Вот что было.

— А не было у меня или рядом со мной каких-то вещей?

— Вещей? А! — сумка была. Валялась рядом — коричневая сумка. Такую носят младшие офицеры на боку.

— И где она?

— Не знаю... Наверно её забрал Демон. Это надо у него спросить.

Артур побарабанил пальцами по столу. Идти с вопросами к Демону ему совсем не хотелось.

— Послушайте, Андрон. Мне интересно, как вы пришли к мысли, что вы биологический механизм?

— Своим умом, — гордо сказал Андрон. — Размышлением, так сказать, о сущности мира... Думаете, мне легко было это признать? Я даже бросил курить, чтобы доказать себе, что я — не механизм. Это ему, моему механизму, не хватает никотина, чтобы продолжать своё привычное существование... Курить очень хотелось, но я мужественно перетерпел.

— Ну и как — доказали?

— Как видите, — нет, — он печально развёл руками. — Эти мысли меня не покинули.

— Я с нашим учёным разговаривал, — заговорщицки понизив голос, сказал Андрон. — Он говорит, что в мире законов Ньютона, мы действительно — механизмы, но квантовая физика оставляет нам надежду на свободу воли.

— Пытался я читать учебник по квантовой физике, — сокрушённо сказал он, — ни черта не понял.

Андрон безнадежно махнул рукой, встал из-за стола и пошёл в свою комнату.

Артур тоже поднялся и пошёл навестить Паскаля.

Сидя на кровати в его комнате, наблюдая как он стучит по клавиатуре, Артур задал ему вопрос:

— Как ты жил до того, как попал сюда?

Паскаль на минуту оторвался от своего занятия и задумался.

— Жил как все вокруг меня... Прогуливал лекции в универе, зубрил конспекты по ночам перед экзаменами. Ухаживал за девушкой с красивыми каштановыми волосами. Делал разные глупости, писал в блоге на злободневные темы с тегом #resistance, вступил в комьюнити «The Birds Aren't Real» — ради прикола. Хотел ещё вступить в сообщество плоскоземельщиков и организовать там фракцию плоской Вселенной, — Артур фыркнул, не удержавшись, и Паскаль улыбнулся. — В общем жил в той самой мутной пене житейского потока, в которой живут остальные люди.

— А сюда как попал?

Паскаль нахмурился и уже без улыбки посмотрел на Артура.

— Тебе обязательно это знать?.. Не хочу об этом вспоминать.

— Извини, — смутился Артур. — Я не должен был... — он замялся, не находя нужных слов.

— Проехали! — отмахнулся Паскаль. — Расскажи лучше о себе. Я не представляю, как себя чувствует человек, ничего о себе не помнящий.

Артур задумался, потирая рукой подбородок.

— Ощущения странные... Голова моя плотно набита знаниями о мире, как винчестер на десять терабайт, заполненный под завязку. Но кто-то удалил одну самую важную папку, где было всё обо мне... Хозяин назвал это ретроградной амнезией, последствие удара головой.

Он посмотрел на Паскаля и смущённо улыбнулся.

— Наверно так ощущают себя роботы, о которых мне рассказывал Адам, когда они выходят с конвейера. Их память загрузили знаниями, навыками, правилами, но у них нет биографии. Она начинается только сейчас — с чистого листа. Я как будто родился в Замке, в первый день, когда открыл глаза.

— Нашёл где родиться... — усмехнулся Паскаль. — Не мог выбрать место получше.

— Но я ведь не выбирал... — растерянно сказал Артур.

— Да шучу, шучу, — успокоил его Паскаль. — Может быть, это не так и плохо — то, что случилось с тобой. Я бы с радостью многое стёр из своей памяти, но — увы!

Паскаль снова вернулся к своей программе. Артур понаблюдал, как он ловко стучит по клавиатуре почти не глядя, и в конце концов спросил:

— Слушай, а ты не можешь плюнуть на всё это?.. Ну, на бесконечные поиски смысла жизни, и стать обыкновенным человеком, радоваться жизни, даже если у неё нет никакого смысла?

Паскаль повернулся к нему, задумался, помотал головой и сказал:

— Знаешь, когда я учился на первом курсе, мать участвовала в благотворительной акции — отправляли ненужные вещи в детский дом. Мать решила отдать мою школьную куртку, из которой я уже вырос. Она решила заштопать дырявые карманы, и в одном из карманов обнаружила завалившуюся в дыру записку. Она протянула её мне, я прочитал. Это был список дел на день. Как сейчас помню, там было написано:

— купить хлеба;

— починить велосипед;

— найти смысл жизни;

— вынести мусор.

Паскаль улыбнулся воспоминанию, но тут же стёр улыбку.

— Так что я всегда был такой и другим уже не буду... Достоевский писал про мальчиков, которым не надо миллионов, а надо мысль разрешить. Вот это проклятое и во мне сидит.

Выходя из комнаты Паскаля, Артур заметил Маркуса. Маркус стоял у стены, уперевшись в неё руками. Артур с любопытством подошёл к нему и увидел, что Маркус лижет камень стены. Он проводил языком снизу-вверх, потом облизывал губы, о чём-то задумавшись.

— Что вы делаете? — удивился Артур.

— Пробую камень на вкус, — ответил Маркус. — Не могу определиться с названием. Всё существующие названия не подходят.

— А разве у камня есть какой-то вкус? — недоумённо спросил Артур.

— У каждой вещи мира свой особый вкус, цвет и запах. Собственно, так мы и различаем вещи. Иначе они бы путались и сливались между собой... Вот попробуйте и скажите — на что это похоже?

Артур неуверенно подошёл к стене и легонько лизнул шершавый камень.

— Ничего не чувствую, — честно признался он.

— Значит, у вас не развиты вкусовые рецепторы. Я чувствую его вкус, но не могу его назвать... Вот у Аполлона, — он обернулся и посмотрел на статую, — совсем другой вкус. Вы попробуйте, сравните.

Артуру как-то не улыбалась мысль лизнуть Аполлона.

— Ну... — попробовал он понять Маркуса. — Я допускаю, что камень и мрамор могут иметь разный вкус. Мне это, к сожалению, не доступно.

— Да и не переживайте! — сказал Маркус, хотя Артур и не думал переживать. — Всё равно это только иллюзия.

Маркус отошёл от стены и повёл Артура по коридору.

— Мир человеческий и мир реальный — два совершенно разных мира. Сахар не знает, что он сладкий, соль не знает, что она солёная. В мире нет ничего солёного и сладкого. Это не свойства мира, а свойства рецепторов вашего языка. Сигнал от них идёт в мозг. Его можно перекоммутировать, и тогда вы с удовольствием будете есть сладкую селёдку и пить чай с солёными конфетами.

— За пределами моей головы, — продолжал Маркус, — вкус, аромат и цвет ничего не обозначают. Небо не знает, что оно голубое, снег не знает, что он белый. Если бы они могли разговаривать, они спросили бы нас — зачем мы даём им такие пустые, ничего не значащие, лишённые смысла определения?.. Мир, как мы его видим, как мы его представляем, — этот мир существует лишь в нашей голове. Один философ сказал: «человек — это паук, висящий на сотканной им самим паутине смыслов». И это действительно так. Стоит усомниться в прочности паутины, как она порвётся, и мы полетим в пропасть.

Вечером, сидя во дворе за столом, Артур разговаривал с Ньютоном. Приближалось полнолуние, и двор был хорошо освещён.

— Я слышал, что вы пишете книгу «Теория всего».

Ньютон посмотрел на Артура оценивающе, как бы сомневаясь, — стоит ли с ним об этом говорить?

— Был грех. Только я её выбросил. Порвал и выбросил.

— Почему?

Ньютон задумался, вздохнул и как-то отстранённо стал говорить.

— Обидно, прожив столько лет, понять, что я ничего не знаю. Ибо всё что я знаю, либо неважно, либо придумано... Я знаю много фактов, но всё это не важно, это пена на поверхности мирового океана... Я знаю какие-то законы, научно объясняющие мироустройство, но понимаю всю их ограниченность. Законы Ньютона не то, чтобы отрицают законы микромира — они не пересекаются, они существуют отдельно друг от друга, что подчёркивает их условность.

Он подпёр голову левой рукой.

— Посмотрите — что творится в теоретической физике! Груда элементарных частиц стандартной модели. Которые завтра же окажутся неэлементарными — мы это уже проходили. Достаточно вспомнить, что само слово «атом» означает «неделимый».

Атомы разбили на нуклоны и электроны. Нуклоны разбили на кварки. Те, в свою очередь, разобьют ещё на что-то, совсем уже эфемерное.

Одно из значений слова «кварк» в немецком языке — это чепуха, ерунда. У кварков есть

«цвет» и «аромат». Адроны обладают «странностью, очарованием, прелестью». Красиво и бессмысленно. Красота теорий прикрывает их бессмысленность. Все эти бозоны, лептоны, кварки ничего не дают моей душе. От них не холодно, не жарко. Они объясняют механику мира, а хочется то чего-то другого. Механика не придаёт нам смысл. А хочется верить, что смысл, этот самый, есть. Может быть, мы заблуждаемся в этом, но это заблуждение для нас жизненно необходимо. Не хочется жить в мире, где ты маленький винтик в огромной машине. Нет в этом радости.

Он махнул рукой.

— У тёмного человека неизбежно появляются тёмная материя и тёмная энергия.

— Что вы думаете о параллельных мирах? — спросил Артур.

— Никаких параллельных миров нет. Мир един. То, что человек относит какие-то явления к параллельным мирам, есть следствие человеческой ограниченности. Наши органы чувств способны ощущать небольшой диапазон волновых излучений; мы ощущаем свет, тепло, звук, но не ощущаем, например, радиоволны. Если бы учёные не изобрели радиоприёмник, то кто-то обязательно бы заявил, что радиоволны существуют в параллельном мире... Поясню ещё проще. Вот ты смотришь на стену, — он указал рукой на стену Замка, — и не видишь океана за ней, и говоришь: океан находится в параллельной Вселенной... Сама идея параллельного мира является заблуждением, это следует иметь в виду, чтобы не наступать раз за разом на одни и те же грабли... Вот чего не могут понять говорящие о мире ином: существует только один мир. Это должны были бы понимать утверждающие единого Бога. Но они запутались в мифах, словах и традициях.

— Мир, который мы знаем, это мир, который мы ощущаем. Это мир, созданный нашими органами чувств. Поскольку наши ощущения совершенно очевидно сильно ограничены в своих возможностях, мир, который мы ощущаем сильно отличается от мира реального. Насколько сильно, мы можем только предполагать. Будь наши органы чувств иными, более разнообразными, более чувствительными, мы бы знали совсем иной мир, очень мало похожий на то, что мы видим.

— А если ты имеешь в виду теорию мультивселенной, то это не параллельные миры. Есть единая безмерная Вселенная. А наш мир и подобные ему — это мерные проекции безмерного мира, которые ещё называют «карманами ландшафта»... Представь, что мир — это большой дом, где тысячи комнат. Вот наша Вселенная — это одна из этих комнат. Но нет дверей и окон в комнатах, и стены непробиваемы. Ты догадываешься, что кроме твоей комнаты существуют другие. И ты называешь их «параллельными мирами». Но дом у нас один... Или другая аналогия. Вокруг нас океан радиоволн. Но твой приёмник настроен на одну из них, и то, что ты слышишь, это и есть твой мир. Научись управлять настройкой приёмника, и ты переместишься в «мир иной».

Он увлёкся и продолжал говорить, а Артур слушал и впитывал, как губка воду, не решаясь его прервать вопросом.

— Любая частность, любое разделение является заблуждением. Предметный мир есть майя. Человек считает себя личностью, отделённой от другого человека, как листок на дереве считает себя отделённым от другого листка, до тех пор, пока не увидит дерева, частью которого они являются. Если подняться на высший уровень, то становится понятно, что частное никогда не бывает чем-то отдельным и самоценным, всегда является частью чего-то большего, где сливаются все частности в Единое.

— В этом же ключе следует понимать существующие в человеческом сознании

понятийные противоположности — свет и тьма, добро и зло, жизнь и смерть. Они как две стороны одной монеты не существуют сами по себе, но представляют нечто, в чём они объединены. Тут я с Мессией согласен...

— Если бы я был христианином, я бы исповедовал несторианство, в том смысле, что Христос был человек, осознавший себя сыном божьим, как листок дерева может осознать себя сыном дерева, и в этом его правда и мудрость.

— Если бы вы были христианином... — повторил Артур. — А вы были им?

— В детстве конечно был. В моей семье не было особо религиозных людей, но обстановка и традиции предполагали причастность к конфессии.

Он пожал плечами.

— Религиозные законы и верования столь разнообразны и причудливы, порою столь глубоки, но верить им можно только если вы умеете избирательно пользоваться своим разумом, отключая его там, где он входит в противоречие с верой. Верить в божественное происхождение священных книг — Торы, Библии, Корана — значит насиловать свой разум. Но настолько велика тяга людская к Отцу, что любая неразумность не является препятствием; и я могу понять того, кто отрекается от своего разума, если этого требует его вера. Я действительно это могу понять, только мне это не дано.

Он улыбнулся, вспомнив что-то.

— В университете я спорил с приятелем, с которым мы делили одну съёмную комнату. Он как раз-таки был из глубоко религиозной семьи. Со всем юношеским жаром, я ему говорил:

— Если за всю историю человечества люди придумали тысячу богов, почему ты считаешь, что твой, тысяча первый, — истинный и непридуманный? Не сознаешь ли ты, что, как минимум, вероятность этого мала?

Он засмеялся.

— Молодой был, глупый...

Помолчал и продолжил.

— Идея Бога рождена человеческим сознанием в попытке оживить мёртвый мир вещей. Вселенная кажется человеку огромным, каменным, холодным, враждебным домом, в котором мы обнаруживаем себя. И непонятно как живое могло появиться в мёртвом, как дух мог проявиться в материи. Должен быть Создатель этого дома, должен быть Отец, подаривший нам жизнь. Так появилась идея Бога.

— Но тут закавыка. Мы говорим «должен быть», но это долженствование не есть требование логики, а есть замаскированное желание. Своё «хочу, чтобы был» мы заменяем на «должен быть».

— Если признать вечный, бесконечный, единый мир, Бог становится просто ненужным. Ньютон замолчал, но Артур не мог не спросить:

— Если Вселенных, подобных этой, бесчисленное множество, то ценность нашей Вселенной, нашей цивилизации и нашей жизни стремится к нулю?

Ньютон задумался и пожал плечами.

— Это пусть каждый решает сам... Миссия человечества — разжечь огонь разума в холодном мёртвом мире. Каждый человек — искорка большого костра, который разгорается во Вселенной. Конечным итогом этого будет мыслящая Вселенная. Тут я согласен с Циолковским и многими другими. Когда вся материя мира объединится в Единый Разум — это будет Бог этого мира. Наши жизни, наша цивилизация, наша история (прошлая и

будущая) — это родовые муки. Рождается Бог, ему ещё только предстоит открыть глаза и издать свой первый крик. Бог не в начале, Бог в конце. Имя этому Богу — Разум. Прилагательное к имени — Единый.

— Религия Разума, по-моему, была во времена французской революции.

— Ничто не ново под луной. Всё развивается по спирали. Старые идеи возвращаются к нам на новом уровне. Может быть, и идея Бога ещё вернётся, обретёт второе дыхание. Я не удивлюсь.

Артур улыбнулся.

— Паскаль считает, что наш мир виртуален.

— Паскаль пересмотрел слишком много голливудских фильмов. Это всего лишь гипотеза, которая ничем не подтверждена. Как одну из гипотез, — он пожал плечами, — я могу её рассматривать... Если наш мир виртуален, легко понять, что будет его элементарной частицей. Для нахождения этой частицы не нужны многокилометровые кольца коллайдера. Более того, эта частица уже найдена и даже названа — это один бит. Из неё, из этой частицы и состоят тогда все эти причудливые кварки, бозоны и всё остальное. Постоянная Планка определяет уровень дискретизации мира. Но... Я не верю в «it from bit». Жить внутри компьютерной программы ничуть не лучше, чем жить внутри часового механизма. Меня эта перспектива не радует.

Минуту помолчали, потом Артур спросил:

— О чём вы разговаривали с Адамом?

Ньютон оживился.

— Адам — добрый человек. Он увидел, что я хандрю, и решил занять меня делом. Мы говорили о термоядерном реакторе — почему эта проблема не находит своего практического решения вот уже больше полувека? Адам говорит, что всё дело в технологиях. Он привёл пример первых, ещё ламповых, компьютеров. Тогда они назывались «электронная вычислительная машина», и занимали порой целое здание. Их низкое быстродействие, крайняя ненадёжность и высокая стоимость были препятствием к широкому применению. Потом появилась технология полупроводников и теперь у каждого желающего есть компьютер на коленях или в кармане. Адам говорит, что проблема термоядерного реактора будет решена с появлением новых технологий. И не будет необходимости строить огромные, тяжёлые и безумно дорогие реакторы, требующие создания сверхвысоких температур. Он сказал, что в том времени, откуда он прибыл, у него был переносной термоядерный реактор, весом в пару килограмм и мощностью большей, чем мощности наших атомных станций. Он подкинул мне пару идей — о чём надо подумать... Я сначала загорелся, а потом понял, что я уже стар для этого. Это надо молодым, которые могут прыгать через ступеньку. А мне уже поздно. Ещё штаны порвутся.

Он горько улыбнулся.

— Почему вы здесь? Вы же нормальный человек! — Артур действительно не понимал этого.

Ньютон посмотрел на него или сквозь него.

— Нормальный человек... Я был им. Но потом произошли в моей жизни события, с которых я не хочу вспоминать. Жизнь проверила меня на излом, и я не выдержал, я сломался. А теперь я уже не могу, да и не хочу быть «нормальным человеком».

Он выпрямился.

— Нормальному человеку не даёт сойти с ума тот факт, что он обладает слабым

воображением. Стоит только представить себе реальный масштаб видимого мира, нашу мизерность по сравнению с этой бесконечностью, нашу потерянность в этой бесконечности, — трудно удержаться в границах здравого смысла. А если провидеть за видимым миром мир невидимый, недоступный нашим органам чувств, но от этого не менее реальный и столь же бескрайний, то сойти с ума станет ещё легче. Определённые слепота и глупость — необходимые качества для существования нормального человека.

Они помолчали, думая каждый о своём. Вечерняя прохлада коснулась их тел, и Артур задал последний вопрос.

— Вы посвятили науке свою жизнь... Что же вас держит теперь в этой жизни?

Ньютон поджал губы и повёл плечами.

— Я могу уйти в любой момент. Меня здесь ничто не держит... кроме удивления.

Он медленно поднялся, оглядел пустой двор и сказал:

— Пойдём спать!

Перед сном Артур читал «Собрание возможных миров».

«Профессор Лури Хари сделал прогноз развития теоретической физики. Модная в начале двадцать первого века теория струн, требующая для своей реализации десять измерений мира, вполне логично будет названа теорией десятиструнной гитары, затем теорией восьмидесяти восьми струнного пианино. Количество струн будет нарастать в геометрической прогрессии, что девальвирует их смысл, поэтому в итоге появится теория органа.

Музыкальная подоплёка будет подхвачена философской мыслью, что побудит знаменитого в будущем писателя Льва Толстого-младшего написать роман под названием «Первая симфония Бога». В романе пространно и с большим искусством будет выражена мысль, что Вселенная является музыкальным сочинением Творца, где каждое живое существо является отдельной нотой. К сожалению, находящиеся внутри этой музыки люди могут слышать только какофонию отдельных звуков, услышать всю симфонию им не дано. Остаётся только порадоваться за Отца нашего. Надеемся, он получает от наших нот удовольствие.

По мнению британских учёных, наша Земля является биологической лабораторией, где студенты Института Высшего Разума проводят свои лабораторные работы. Так предыдущий студент, фамилию его история не сохранила, закончил свою работу 66 миллионов земных лет назад. Работа была признана неудачной, студент был отчислен из института. На Землю был направлен, пролетавший мимо, Чикшулубский метеорит, и после очистки лаборатории, к работе приступил новый студент по имени Яхве, он же Иегова. Надеемся, его работа будет более успешной, хотя однажды ему уже приходилось всё стирать и начинать заново. Пожелаем ему удачи!

Другие учёные предполагают, что мир организован по принципу Гермеса Трисмегиста — что наверху, то и внизу. Так они считают, что звёздные системы являются атомами химических элементов. Например, наша Солнечная система, по их мнению, это атом кислорода, поскольку вокруг солнечного ядра вращаются восемь планет-электронов. Как уже известно, наша галактика Млечный Путь имеет вид спирали. Астрономы утверждают, что есть галактики похожие на шестерёнки. Это наводит на мысль, что Вселенная является часовым механизмом. Может быть, это часы на руке Бога, по которым он сверяет своё время.

Впрочем, с этим не все согласны. Некоторые уверяют, что Вселенная — это и есть Бог. Вселенная расширяется. Ничего удивительного — Бог растёт.»

Когда Артур уже собирался спать, в комнату без стука зашёл Демон. Артур от неожиданности соскочил с кровати и встал как вкопанный. Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем Демон сказал:

— Завтра я собираюсь на рыбалку. Мне нужен помощник. Если хочешь, можешь пойти со мной.

Артур пришёл в себя.

— Да... Я хочу.

Демон кивнул.

— Тогда утром я зайду за тобой.

Повернулся и вышел.

¶

Восьмой день

Одинокий волк.

Утром Артур вместе с Демоном впервые вышел на берег острова. Сняв обувь и подвернув штанины, он вошёл в воду и умылся солёной океанской водой. Постоял, наблюдая, как над горизонтом восходит солнце, слушая крики небольших серых птиц с белой грудкой, летающих над водой.

— Это буревестники? — повернувшись, спросил он Демона.

— Да... *Puffinus bailloni*. Это аборигены, коренные жители нашего острова... Тех, что в саду, завезли из Индии... Пару раз видел альбатросов. Но они живут южнее, — он махнул правой рукой, — у нас для них слишком жарко.

Он усмехнулся.

— Когда я сюда попал, у Хозяина жили два старых попугая. Пёстрые, красивые — хорошо ругались по-латыни! Видно монахи научили... Потом однажды клетки оказались открыты, а на полу валялись пёстрые перья. Полагаю, тут не обошлось без Филипа... Ну ладно! Займёмся делом.

Рыбалкой это можно было назвать весьма условно. Видимо днём ранее Демон забросил сети в маленькой бухточке у берега. И теперь им предстояло вытащить улов. Они разделись и, войдя по пояс в воду, стали тащить сети. Демон действовал ловко, видно было, что это для него — дело привычное. Артур, упираясь ногами в каменистое дно, тянул свой конец изо всех сил. Поскользнувшись на скользких камнях, потерял равновесие и выпустил сеть. Чертыхнувшись, снова пошёл за ней. Вытащив, наконец, свою снасть на берег, бросил её и сел отдышаться.

— Как быстро ты выдохся! — засмеялся Демон.

— Это с непривычки, — смутился Артур. — Сейчас, я чуток отдохну.

Демон взял две корзины, одну бросил к ногам Артура и сел перебирать улов. Улов выдался богатый. Была одна, довольно крупная, пеламида, два луфаря, рыба-носорог. Мелкую рыбёшку, в том числе красивых клоунов, Демон выбрасывал обратно в океан. Посмотрев, как ловко он работает, Артур присоединился.

Через десять минут обе корзины были набиты доверху. Набросив сверху корзин холщовые тряпки, Демон затянул их шнуром.

— Ну вот, на праздничный обед уха будет.

Демон помыл руки по локоть в прибрежной воде и сел рядом с Артуром.

Артуру хотелось его о многом спросить, но он не решался заговорить.

Демон, казалось, о чём-то думал, глядя за горизонт. Потом встал и пошёл вдоль берега.

— Идём, покатаемся на лодке вокруг острова.

Артур поднялся и пошёл следом.

Они прошли по песчаному берегу мимо редких, невысоких кокосовых пальм до небольшого пирса, где стояла рыбацкая лодка с вёслами. Демон вытащил из кармана ключ, и снял замок с лодочной цепи. Артур залез в лодку. Демон запрыгнул следом и сильно оттолкнулся от пирса веслом.

Он долго грёб молча, но потом отпустил вёсла и заговорил.

— Ты считаешь меня преступником? Да, я преступник. Я преступил земной закон. Но

так поступает любой сильный человек. И если у него получается совершить задуманное, его назовут великим. Моё преступление в том, что у меня не получилось.

Он угрюмо замолчал, но потом продолжил:

— У меня была великая идея. Мне не нравилось — как живут люди, чем они живут. Человеческий мир погряз в грехе. Но грех этот не тот, о котором твердят святоши. Этот грех страшнее. Главный человеческий грех — немощь. В погоне за счастьем, человек прогибается под власть, с их законами, под святош, с их заповедями, под мир физический и духовный, окружающий его. Человек становится рабом обстоятельств. Рабство я считаю самым презренным грехом. Этот грех я хотел искупить своим подвигом. Я не мог в одиночку изменить земной мир. Я решил построить свой мир — подземный. Где будут мои законы, где будет моя вера — ну разве не великий проект?

— Какой подземный мир? — не удержался Артур. — Что за утопия?

— Утопия?.. А что не утопия?.. Разве есть что-нибудь иное? Расскажи мне, может я чего-то упустил? — Демон усмехнулся. — Все строят свои Утопии... Кто-то строит демократическую Юсандию, рассеивая семена демократии бомбами по всему миру. Кто-то строит правоверную Русалию, странный синтез христианства с марксизмом. Кто-то сшивает белыми нитками лоскутную Европию, а кто-то ставит на плиту тяжёлый Поднебесный Чайник. Все нашли занятие себе по душе... Я построил свою Утопию, зачем мне чужая?

— Вы считаете рабство грехом, но сами похищали людей, превращая их в своих рабов. По-моему, здесь есть противоречие. — снова не удержался Артур.

— Противоречие... Они были рабами от рождения, я только воспользовался ими, как пахарь пользуется волами... Рождаются рабами, живут рабами и умирают, так и не узнав, что прожили рабскую жизнь.

Демон становился всё угрюмее, но что-то распирало его изнутри. Видно было, что он давно не с кем не говорил о наболевшем.

— В мире нет такого понятия — справедливость. Справедливость — это человеческая хотелка. Может быть, и Бог понадобился не для того, чтобы объяснить мир, а для того, чтобы появилась справедливость...

— Рай — это место, где всё хорошо и нет никаких вопросов. Ад — это место, где всё плохо и много вопросов без ответов. Поскольку наш мир больше подходит под второе описание, ясно, где мы находимся...

— Да, я хотел быть богом. Богом подземного мира. Чем я хуже олимпийских богов? Но они придуманные, а я вот он — живой. Я всегда был силён, всегда был дерзок. Мне всегда было душно среди людей.

— Да по сравнению с этими богами, я ещё образец порядочности. Титаны и Боги были каннибалами, глотали своих сыновей, как возможных соперников за власть. Геракл был детоубийца. Один Прометей, кажется, ничем не запятнал себя, кроме любви к человечеству.

— Вы не любите людей? — догадался Артур.

— Как я могу их любить? Для этого, как минимум, нужно относиться к ним серьёзно, а это невозможно. Как можно серьёзно относиться к чему-то мелкому, сиюминутному, преходящему? Это всё равно что полюбить пылинку, которую ветер несёт мимо тебя. Не успел полюбить, а любить уже некого.

— Человек — это трава. Сегодня есть, завтра нет. Сегодня радуется солнцу, завтра гниёт в земле или идёт на корм скоту. А на его месте поднимается новая трава — такая же бессмысленная и безвольная.

— Личность, воля, характер — это то, что должно быть в любом случае. Есть вещи, не зависящие ни от чего. Неважно — кто там на небе: Бог, Аллах, Будда или просто вселенские сквозняки. Ты есть, значит, ты должен быть. Так будь! Человек — это личность. И тем более он человек, чем глубже и твёрже его личность. Малодушие, безволие — обличают недочеловека. Взлететь в небеса могут сильные духом. Их крылья поднимут на высоту, куда не долетают орлы. Вот такого человека я мог бы, если не любить, то уважать. А это стадо вчерашних обезьян, что называют себя людьми, у меня вызывает отвращение...

— Впрочем, я — не мизантроп, и не против людей. Я их по-своему люблю. Они забавные.

— Я не хочу быть волом, впряжённым в упряжку, которая называется «прогресс человечества», мне дела нет до всего человечества. Оно без меня обойдётся? Ну, и прекрасно, я без него — тоже... Ненавижу тех, кто знает, как мне жить.

— Человек — социальное животное. Но если вдруг случилось так, что ты выпал из обоймы, ты можешь попробовать жизнь одинокого волка, ты можешь сказать: я никому ничего не должен. Только будь готов принять и обратную сторону этой монеты: тебе никто ничего не должен.

Демон вдруг замолчал. Желваки на его скулах гуляли. Он внимательно посмотрел на Артура.

— И зачем я тебе всё это рассказываю?

Артур увидел, что лодка тем временем заплывла далеко от острова. Заметив его беспокойство, Демон спросил:

— Ты плавать умеешь?

— Не знаю...

— Так проверь...

Он кивнул за борт.

Артуру не хотелось показать свой страх, и он сказал:

— Почему нет?

Поднялся, скинул рубаху и штаны, наступил на край лодки и, оттолкнувшись, прыгнул. Окунувшись с головой, он энергично заработал руками — как будто руки сами знали, что делать. Он поплыл кролем. Отплыв метров на двадцать, повернулся и радостно крикнул:

— Я умею плавать!

Затем перевернулся на спину и, не торопясь, поплыл обратно. Через минуту он оглянулся, лодки не было. Предчувствие толкнуло его в грудь. Беспорядочно ударяя по воде руками, он стал озираться. Лодка была от него далеко. Не дожидаясь Артура, Демон плыл к острову.

— Главное, без паники! — мелькнуло в голове.

Он снова лёг на спину и, стараясь ровно дышать, поплыл по направлению к берегу.

Редкие облака скользили по синему небу. Лёгкий ветерок подгонял волны. Два океана соприкасались друг с другом — водный и воздушный. И между ними, на самой границе, плыл маленький человек, затерянный в двух океанах. Он гнал от себя мысли и плыл на автомате. С непривычки быстро устали руки и ноги. Минут через пятнадцать, хотя они показались ему вечностью, по пене на волнах он понял, что берег близко. Окончательно выбившись из сил, он буквально выполз на берег и упал на камни, закрыв глаза. В ушах гудело, сердце билось, дыхание прерывалось. Только минут через пять он смог встать. Увидев вдалеке Демона побрёл по камням к нему. Демон уже привязал лодку и повесил

замок. Он поднял одну корзину, забросил её на плечи и, не глядя на Артура, сказал:

— Бери вторую, идём в Замок.

И пошёл.

Артур минуту смотрел ему вслед, потом оделся, взял вторую корзину, с трудом закинул её на плечи и, спотыкаясь, побрёл следом.

Уже в Замке, спустившись в подвал и сняв корзину с плеч, он посмотрел на Демона и сказал:

— Я чуть не утонул.

Демон бросил беглый взгляд.

— «Чуть» не считается. Иди наверх и позови Андрона. У нас много работы.

Артур поднялся во двор и позвал Андрона. Втроём они принялись чистить рыбу.

Андрон болтал о всякой всячине, Демон всё больше молчал. Только один раз, когда Андрон рассказывал о проповеди Мессии, Демон заговорил:

— Не люблю этого клоуна, самозваного Мессию. Но надо признать, иногда у него проскальзывают близкие мне мысли. Меня заинтересовала его проповедь о добре и зле.

— Вас же не было на проповеди, — удивился Артур.

— Я смотрел запись на компьютере у Хозяина, — бросил беглый взгляд на Артура Демон. — В каждой комнате, в светильнике на потолке, есть видеочамера. Так что Хозяин, как вездесущий Бог, всегда в курсе того, что происходит в его владениях.

— Так вот, когда говорят о добре и зле, надо уточнить — для кого? То, что является добрым для человека, необязательно будет добрым для человечества. Конфликт интересов и ценностей между человеком и человечеством для меня очевиден... Те, кто добро и зло соотносят только с человеком, спасают больных, слабых, нежизнеспособных, то есть всех ранее обречённых суровым законом естественного отбора. Но закон этот возник не случайно и не по злему умыслу. Собственно, именно ему мы и обязаны своим существованием, мы прошли этот отбор. Не стала ли человеческая мораль неестественным отбором? Я бы даже сказал — противоестественным.

Он рубил рыби головы с ловкостью палача, бросая их в отдельную корзину.

— Будет ли прав тот садовник, который всячески лечит и выхаживает больные листья дерева, не понимая, что приносит тем самым вред дереву? Больные листья должны быть сорваны, если добро — это здоровое дерево.

Артур молчал, уже не желая спорить. Он хотел спросить Демона про коричневую сумку. Но глядя на его суровое лицо, так и не решился.

Только через час они закончили чистить рыбу, закинули её в холодильник, и Демон отпустил Андрона с Артуром. Артур поплёлся в душ, ему казалось, что он пропах рыбой насквозь, и уже никогда не отмоеся.

Искупавшись и пообедав, он заглянул в комнату Паскаля. Увидев, что тот стучит по клавиатуре ноутбука, как опытная машинистка, всеми десятью пальцами, не стал его отвлекать и прикрыл дверь. Оглянув двор, он заметил Писателя, сидящего за столом. Тот также увлечённо что-то строчил. В воздухе невидимо витали Музы литературы и программирования. Артур подошёл к Писателю и сел напротив.

— Не помешаю?

— Уже помешали... Вспугнули Музу. Она не любит посторонних.

— Мне уйти?

— Да сидите уже! Я закончил абзац и могу передохнуть.

— Почему вы взяли себе такой псевдоним? Вы любите Достоевского?

— Я его люблю и ненавижу одновременно. В одной из газет я напечатал свою статью: «Достоевский как зеркало русского Ада». Смысл статьи: Ад не под землёй, не после смерти, Ад у нас внутри. И Достоевский знал об этом лучше кого-либо. Говорят, в какой-то газете он прочитал о преступлении прототипа Раскольникова. Чепуха! В какой газете он тогда прочёл о подпольном человеке? Нет! И Раскольников, и Иван Карамазов, и подпольный человек — всех он носил в своей душе, все они были ему родные. Это обычная писательская история. И Шекспир Шейлока извлёк из собственных карманов.

— По-моему, это преувеличение. Ещё Лермонтов писал, что не стоит путать автора с его героем.

— Лукавил ваш Лермонтов. Печорин его альтер-эго. В двадцать пять лет так убедительно можно писать только о себе.

— И за что же вы любите, не любите Достоевского?

— Я его люблю за честность подпольного человека, и не люблю за лицемерно положенное под подушку Раскольникова Евангелие.

— Чем вам Евангелие не угодило?

— Пустьшка-с! — как сказал бы Свидригайлов. Не верю! — как сказал бы Станиславский.

Артур невольно улыбнулся.

— Значит, вам подпольный человек близок?

— Он всем близок. Но все стыдятся в этом признаться, а Достоевский не постыдился — уважаю!

— Я, как двоюродный дворянин... — продолжил Писатель.

— Что, что? Двоюродный дворянин — это как? — не понял Артур.

— Мой двоюродный брат — дворянин. Соответственно я — двоюродный дворянин... Мой брат — убеждённый монархист, член Феодално-демократической партии. «За веру, царя и Отечество» и всё такое прочее. Лидером её является, само собой, монарх. Члены партии автоматически становятся дворянами.

— А откуда взялся монарх? Опять Рюрика варяги пригнали?

— Ну зачем же?! У нас демократия. Монарх выбирается пожизненно на съезде партии общим голосованием.

— Ну какой же это тогда монарх? Монарх — это «милостью Божьей»...

— Милость Божья по-разному проявляет себя, и посредством голосования тоже.

— Так вот я, как двоюродный дворянин, — продолжил он, — понимаю желание Фёдора Михайловича усидеть на двух стульях. Он думал — как бы подпольного человека с Богом примирить? И ничего лучшего не придумал, как Евангелие ему под подушку положить. Это Евангелие-то Раскольникову только на каторге понадобилось. До этого он его в руки не брал. Вы перечитайте, перечитайте! Он же про Наполеона думал, про «власть имею», прс Евангелие он и не вспоминал.

— Нет, вы меня запутали! Раскольников — это одно, а подпольный человек — это другое.

— А вот и неправда-с, всё это лыко в одну строку. Раскольников то и есть подпольный человек, который из своего подполья вышел!

Артур решил сменить тему. Он спросил, кивнув на стопку бумаги:

— О чём ваш роман?

— У меня очень сложный, многослойный замысел. Первая глава, которую я сейчас пишу, — это роман в романе. XIX век, альтернативная история. Толстой стреляется на дуэли с Достоевским.

— Как интересно! Я знаю, что Толстой хотел стреляться с Тургеневым, но с Достоевским он, по-моему, даже никогда не встречался... А причина дуэли?

— Достоевский украл у Толстого идею романа «Преступление и наказание».

— Помилуйте! Должны же быть основания для такого обвинения!

— Основания — моя авторская фантазия! Я не пишу документальную прозу. Это высокохудожественное произведение.

Артур поинтересовался:

— И чем закончится дуэль?

— Я ещё не решил — кого мне надо убить?

— А надо?

— А как же! Я пишу универсальный, многожанровый роман, в том числе, с детективной составляющей. А какой же детектив без убийства?.. Вот убьёт Толстой Достоевского, а Порфирий Петрович расследует дело и придёт к нему в Ясную Поляну: «вы и убили-с»!

Артур не удержался и засмеялся, представив эту картину.

Писатель сердито посмотрел на него, и Артур, извинившись, оставил Писателя наедине с его Музой.

Заглянув ещё раз в комнату Паскаля, Артур увидел, что тот уже спал за столом перед ноутбуком, положив голову на руки. По экрану бежали беспорядочные символы, из наушников на столе доносилась музыка. Артур узнал «Nothing Left To Lose». Он вышел, тихонько закрыв дверь.

Прогуливаясь по коридору, Артур заметил приоткрытую дверь в комнату Андрона. Любопытство подтолкнуло его заглянуть внутрь. То, что он увидел, его озадачило. Посреди комнаты стоял большой квадратный деревянный ящик, засыпанный землёй. Андрон стоял на коленях перед ним, и что-то увлечённо делал, разговаривая с кем-то. Артур прислушался.

— Ну давай! Ну давай, дорогой, смелее!.. Что ты, как маленький, капризничаешь!

Артур постучал и Андрон обернулся.

— Заходите! Но только смотрите под ноги. Не раздавите никого.

Артур на цыпочках, балансируя руками, осторожно подошёл к ящику. Это был настоящий муравейник. Десятки муравьёв деловито сновали туда-сюда. Андрон любовался этим броуновским движением с явной гордостью хозяина муравьиной страны.

— Но ведь красота! Посмотрите, какая красота! Все при деле, никто не бездельничает. Вот у кого нам надо поучиться!

Артур присел рядом.

— Я слышал от Хозяина, что вы хотите научить их ходить на задних ногах.

Андрон помолчал, насупившись, но потом сказал:

— Я хочу подарить им руки.

— Вы думаете, они смогут построить свою цивилизацию?

— Они давно строят её. Сейчас они уже находятся на уровне *formica habilis*. Я пытаюсь продвинуть их развитие до *formica erectus*.

— От erectus до sapiens — ещё очень далеко. Человеку понадобился на этот переход миллион лет... А вас не смущает, что у них очень маленький мозг?

— Это не принципиально. У динозавров мозг был больше нашего, это им не помогло.

Он увлечённо оборотился к Артуру.

— Вы знаете, что некоторые муравейники могут содержать до миллиона муравьёв? Это же большой мегаполис, с жёсткими порядками вроде наших законов. Это не стадо, не стая, это социальное общество — признак цивилизации... И с разумом у них всё в порядке. Вот посмотрите!

Он выловил одного муравья и поднёс его к носу Артура. Артур невольно слегка отшатнулся.

— Это *Myrmicia ruginodis* — лесной муравей, живущий, в основном, в северном полушарии. Мне повезло найти его здесь. Он обладает явными признаками сознания. Он узнаёт себя в зеркале — на это способны очень немногие животные.

Андрон вернул муравья обратно.

Артур оглядел комнату.

— Слушайте, они же наверно и в кровать к вам забираются?

— Я отодвинул кровать от стены, и ножки кровати поставил в банки с водой. У меня всё продумано.

Артур встал.

— Осторожно! — вскрикнул Андрон.

Он ловко подставил ладонь, спасая муравья на полу. Муравей был спасён и вернулся в ящик.

— Джайнисты в Индии — поучал Андрон, — ходили только босиком и подметали дорогу перед собой веничком, чтобы ни на кого не наступить... Я однажды о чём-то задумался и наступил в саду на муравейник. Присел я, посмотрел на дело ног своих, и так мне стало нехорошо!.. Как жалко! Ходим по чужим мирам и даже не замечаем. На кого сердиться потом, когда кто-то наступит на нас?

Артур на цыпочках проследовал к двери и вышел из комнаты.

Писатель стоял напротив «Мыслителя», наклонив голову, как это делают посетители музея, осматривая картину или скульптуру.

— Как вы считаете, — спросил он у подошедшего Артура, — о чём он думает?

Артур присел на корточки и заглянул в лицо «Мыслителя». В отличие от мраморных статуй богов и героев, вытесан он был из глыбы серого, с синеватым оттенком, гранита.

— Изначально это была часть композиции «Врата ада», — сказал Артур, — и «Мыслитель» назывался «Поэт». Данте обдумывает свою «Божественную комедию», размышляет о тяжёлой судьбе грешников.

— Что же он такой мускулистый? Что-то не похож на поэта.

Артур поднялся и пояснил:

— Натурщик был такой, боксом занимался.

— А что — среди поэтов натурщиков не нашлось?

— Не поэтское это дело, — пошутил Артур, — голым телом торговать.

Мимо них прошёл Ньютон, направляясь в сад. Писатель проводил его взглядом.

— Учёный наш совсем спятил, — посплетничал Писатель. — Он у себя в комнате вечный двигатель мастерит. Если научное сообщество узнает, его засмеют, диплом отберут и

учёной степени лишат.

— Кругом одни сумасшедшие! — он развёл руками. — Как тут жить нормальному человеку?

На ужин были макароны с тушёной. Артур рассеянно тыкал пластмассовой вилкой в тарелку, вспоминая утреннюю «рыбалку» с Демоном. Доев макароны и выпив компот, он лёг на кровать, открыв книгу.

«Какие могут быть объяснения текущего мира? Их множество, но изначально они разделяются на две ветки, в зависимости от существования или несуществования Бога. Это основная развилка на этом пути. Разумеется, в версии с Богом всё проще. Можно облегчённо выдохнуть:

— Уф! Основные проблемы можно повесить на Него. Пусть теперь Он думает — откуда Он взялся и зачем Он нужен? А мы выучим несколько заповедей и обрядов, и будем жить спокойно, в ожидании обещанных пряников.

Другая версия гораздо сложнее. Темны и неведомы пути её. Не на кого свалить свою тяжкую ношу — придётся нести самому. Поэтому ещё люди так цепляются за бороду Бога, за полы Его халата — или что он там носит? Признать, что весь этот бескрайний мир, всеми своими тайнами, всей своей тяжестью лежит на твоей душе — мысль невыносимая. Такую ношу нести тяжело, подкашиваются ноги.

Возможен ли «срединный путь»? Об этом надо бы спросить у буддистов. Хотя, глядя на золочённые статуи Будды, закрадываются сомнения. Бога в буддизме, как такового нет, но Будда успешно его заменяет. И золочённые истуканы, и поклонение праху, наводят на мысль, что одной ногой буддизм остался в язычестве. Впрочем, этот упрёк можно бросить всем ортодоксальным религиям. Поклонение святым мощам в христианстве — явный рудимент язычества.

Некоторые верующие люди упорно пытаются подружить веру с разумом. От Декарта до Суинберна, эти попытки не прерываются.

Интересный научный подход предлагает известный математик профессор Виркли. Являясь специалистом в области теории вероятности, он решил рассчитать вероятность существования Бога. К этой непростой задаче он подошёл со всей серьёзностью. Профессор вывел сложную формулу для расчёта, с двумя десятками параметров, среди которых — количество упоминаний о Боге в письменных источниках, начиная с шумерской цивилизации, достоверность этих источников, количество подтверждённых чудес, известных историкам, количество верующих в Бога, время существования этой веры и так далее. Расчёты показывают, что вероятность существования Бога в настоящее время составляет полпроцента, что является приемлемым результатом, ведь люди играют в лотерею, где вероятность выигрыша значительно меньше. Что интересно, согласно формуле профессора Виркли, вероятность существования Бога со временем увеличивается, и когда-нибудь определённо достигнет одного процента, что не может не радовать Его поклонников.»

Голова склонилась на грудь, глаза закрылись.

Спал в эту ночь он, как убитый.

¶

Девятый день

Из чего сделаны люди.

С утра Паскаль с Артуром гоняли мяч во дворе. Ворота Паскаля были между статуей Геракла и Персея, ворота Артура — между Афиной и Афродитой. Бегать приходилось боком, огибая цветочные клумбы и «Мыслителя». Однажды мяч остался на клумбе, и Паскаль, озираясь, — не видит ли Офелия? — осторожно, на цыпочках прошёлся по клумбе и достал мяч.

Набегавшись, они уселись за столом, и пили компот, разливая его по кружкам из чайника.

Паскаль улыбнулся, что-то вспомнив.

— Когда мне исполнилось восемь лет, отец стал учить меня программированию. Он выбрал для обучения язык Паскаль. Детские впечатления самые сильные и глубокие. Может быть, поэтому, даже выучив впоследствии ещё несколько языков, для себя я писал всегда на Паскале. Мои институтские друзья подсмеивались надо мной и дали мне это прозвище... Но я хотел рассказать не об этом. Угадай, какую первую свою программу я написал в восемь лет?

— Какая-нибудь игра?

— Не угадал. Первая программа, которую я написал была «генератор слов». Программа просто выдавала пары слов. Первое слово из набора прилагательных, второе из набора существительных. Иногда получались забавные сочетания: чёрный свет, голодный сон, громкий друг... Потом я стал усложнять программу, добавил третье слово — глагол. Стали получаться фразы типа «построй весёлый дом» или «найди зелёного тигра». Создавалась иллюзия, что ты общаешься с компьютером, и он даёт тебе свои советы.

Он засмеялся.

— Потом я писал разные программы, но про «генератор слов» не забывал, и постоянно его дорабатывал. В итоге получился симулякр искусственного интеллекта. Задаёшь программе вопрос, она тебе отвечает. Разумеется, поначалу в ответе не было никакой связи с вопросом. Но я дорабатывал программу и ответы становились всё более корректными... И вот однажды... я спросил — «как дела?» — и получил ответ — «бывает лучше». Я улыбнулся — ну надо же! — и задал следующий вопрос — «чего тебе не хватает?»

Он посмотрел на Артура, выдерживая паузу.

— Можешь мне верить, или не верить, но ответ был коротким — «смысла»... Я просто не поверил своим глазам. Я прекрасно знал свою программу. Я отлично понимал, что это никакой не искусственный интеллект, это только симулякр.

Он пожал плечами.

— Всё можно было объяснить случайностью, совпадением. Да, собственно, так это и было. Всегда есть вероятность, что случайный набор слов окажется мудрым афоризмом. Говорят, если дать бессмертной обезьяне пишущую машинку, рано или поздно она наберёт текст романа «Война и мир»... И тем не менее, этот случай меня поразил и запомнился.

Пришли Поэт с Сократом и началась подготовка представления. Остановились всё же на предложении Артура, потому что Паскаль не хотел играть в античной драме, а Сократ

был категорически против новомодного театра абсурда. На роль Евы уговорили Андрона.

— Я тебе подарю чудесный гиматий, — пообещал Сократ. — Мне он уже мал, а тебе будет в самую пору.

— В конце концов, — убеждал Паскаль, — в шекспировском «Глобусе» тоже все женские роли играли мужчины.

Представление решили ставить в саду.

— Райский сад у нас есть, — говорил Паскаль. — Одну из яблонь назовём деревом познания добра и зла.

Сократ задумался.

— Иегова — это всё-таки не Зевс. Он не может ходить в хитоне. Надо хотя бы хламиду сверху накинуть.

— Ты не знаешь, что носили в те времена? — обратился он к Паскалю.

— Я не знаток древнееврейской моды. Думаю, хламида подойдёт.

— А я что буду делать? — обиженно спросил Поэт.

— А ты будешь изображать античный хор, — предложил Сократ. Пусть хоть что-то будет античное в нашем представлении.

— Не буду я изображать хор! — обиделся Поэт.

— Ты будешь автором пьесы, — успокоил его Паскаль.

После обеда пришёл Адам. Артур рассказал Адаму про рыбалку.

— Демон хотел меня утопить.

Адам прищурился.

— Не думаю. Если б хотел, утопил бы. Он дал тебе понять, что твоя жизнь в его власти. С ним не шути, ты ходишь по краю. Ты думаешь — зачем он позвал тебя на рыбалку? Это Хозяин велел ему сблизиться с тобой, выяснить, — что ты за человек? Демону ты неинтересен. Хозяин имеет на тебя какие-то планы.

К ним подошёл Судья.

— Адам, поговорите с Хозяином, пусть вернёт нам телевизор. А то живём, как на острове, — ничего не знаем про мировую обстановку.

— Хорошо, я поговорю, — кивнул Адам. — Только вряд ли он согласится.

— О чём разговор? — заинтересовался Артур.

— Был у нас безумный телевизор, — сказал Паскаль.

— Безумный телевизор?

— А какой у нас ещё может быть?.. — иронично подтвердил Паскаль. — Нет, поначалу он работал нормально. Показывал, правда, только детские каналы — мультики, сказки разные. Хозяин его так для Евы настроил. Ну была ещё музыка и сериалы — «санта барбара» всякая. Но однажды что-то с ним случилось, и пошёл показывать всё подряд да вперемешку. Как будто внутри кто-то поселился и щёлкает пультом почём зря. Причём каналы все какие-то странные! — из разных времён стал ловить сигнал... Показывает старинные новости CNN — демонстрация против вьетнамской войны, потом что-то щёлкнет — показывает двадцать шестой съезд КПСС, потом опять щёлкнет — какой-то поп в скафандре машет кадиллом. Открытие храма святого Владимира на Марсе — это вообще из будущего... В общем телевизор сошёл с ума. «Это он от вас заразился», — сказал Хозяин. — «Безумие заразно». Приказал Демону отнести телевизор в комнату ненужных вещей.

Адам ушёл к Хозяину, Паскаль — в свою комнату. Артур подошёл к Ньюто́ну, сидящему за столом во дворе, и сел рядом.

— Знаете, что мне пришло в голову? — сказал он. — Размышляя о квантовой теории, я подумал, что физика утратила место в ряду точных наук. Квантовая физика не может сказать ничего определённого об изучаемых ею процессах и явлениях. Статистика и вероятности — её удел. Пресловутый кот Шрёдингера, который то ли жив, то ли нет, — прекрасно это иллюстрирует.

— Соглашусь отчасти. Дело в другом, — возразил Ньютон. — Классическая физика остаётся точной наукой. А что касается квантовой физики — на мой взгляд, это просто другая наука, и следовало бы дать ей другое название. Рано или поздно, это произойдёт. Я считаю, что квантовая физика физикой не является. Это наука, которая ещё не обрела своё название.

Он оживился и повернулся к Артуру.

— Ведь почему так получилось? У истоков этой науки стояли физики. Увлечённые новой идеей, они не заметили, что перешли границу классической физики, шагнули туда, где классическая физика не работает. Они были убеждены, что занимаются своим прежним делом, но это уже было не так... Есть определённая инерционность человеческого мышления. И к тому же, я прекрасно понимаю, что физикам не хочется объявлять новую науку. Их и так слишком много, этих наук, и все заняты своим делом — копаются в своих песочницах.

— Хорошо было во времена Аристотеля или Архимеда! — продолжил он. — Мудрец был универсальным учёным. Позднее, во времена Ньютона, это уже было трудно. Ньютон был хорошим физиком и математиком, но не был астрономом или биологом. А в наше время, универсализм для учёного в принципе невозможен. Всякие искусственные «кентавры» вроде физической химии, в лучшем случае являются попытками перекинуть мостки между, всё удаляющимися друг от друга, островками отдельных наук.

— Философия объединяет все науки, — предположил Артур.

— Ах, оставьте! — махнул рукой Ньютон. — Не говорите с учёным о философии. Не дразните гусей.

Артур не утерпел и спросил:

— Писатель говорил, что вы вечный двигатель изобретаете. Это верно?

— Вот идиот! Ничего не понимает, а лезет везде. Никакой это не вечный двигатель. Он использует приливные силы Луны и Солнца. Про приливные электростанции слышали? Вот эти же силы приводят в движение мой двигатель. Толку от этого, правда, мало, мощность не велика, но какое-то применение найти можно... Я вот мечтаю ещё, — продолжил Ньютон. — приливные силы Галактики задействовать. Наша Солнечная система вращается вокруг ядра Галактики также, как Земля вращается вокруг Солнца. Но из-за больших расстояний приливные силы, вызываемые этим вращением слабы. Пока у меня не получается их применить.

Он задумался и чему-то улыбнулся.

— В юности я пытался доработать генератор Сёрла. Его тоже в научно-популярной литературе называли «вечным двигателем»... Мир вокруг наполнен энергией. Надо научиться её извлекать. Это не сделает твой двигатель вечным, но со стороны он будет похож на таковой.

Оставив Ньютона, Артур зашёл в комнату Паскаля. Тот валялся на кровати с книжкой в руке.

— Что читаешь? — поинтересовался Артур.

Паскаль показал обложку книги. Это были «Опыты» Монтеня.

— А! — кивнул Артур. — Вспоминаю — читал... Добродушный человек, но немного наивный...Его даже разбойники пожалели. Видят — малый не от мира сего... А ты знаешь, по мнению некоторых, именно эту книгу читал Гамлет при встрече с Полонием. Именно про неё известная фраза: «что читаете, милорд? — слова, слова, слова...» Шекспир мог читать эту книгу на французском.

— Монтень конечно современник Шекспира, но никак не Гамлета, — недоверчиво возразил Паскаль.

— Авторы часто вручают герою свои мысли. Флобер совсем не шутил, когда говорил: «мадам Бовари — это я». Если бы мы могли узнать реального Амлета из «Деяния данов», боюсь, мы бы испытали разочарование.

Паскаль закрыл книгу, заложив между страниц закладку.

— Какая странная у тебя закладка, — удивился Артур. — Это доллар, если мне не изменяют глаза?

— Он самый — one dollar. Оставил себе на память о прошлой жизни на «большой земле».

Паскаль вытащил бумажку, повертел её в руках и улыбнулся.

— Странно думать, что где-то в сотнях километров отсюда большой мир. Где продолжается «суета сует», проходят вечные выборы, демонстрации, войны, конфликты, и над всем этим — деньги, деньги, деньги... Как хорошо, что у нас деньги равны нулю. Они не стоят даже той бумаги, на которой напечатаны.

Он сунул банкноту обратно и положил книгу на кровать.

— Ну... Хозяин наверно с тобой не согласится, — засомневался Артур.

— Значит, я в лучшем положении, чем он, — заметил Паскаль. — Я использую их только как закладку для книг. Какие ещё варианты?

— Можно растапливать печку, — включился в игру Артур.

— Годится... Можно скрутить самокрутку с табаком. Что ещё?

— Можно... Стены обклеить вместо обоев.

— Допустим... А можно коллекционировать, как марки.

— Так, так... Как марки, говоришь. Ну так можно их использовать вместо марок — наклеивать на письмо.

— Это не письмо, а целая бандероль получится!

— Ну почему? Может, это письмо Гулливера на родину. Вот он лилипутские деньги вместо марок и клеит.

— Ну ладно, уговорил!.. Что-то у меня фантазия иссякла — что ещё можно сделать с этими бумажками. Разве что вместо туалетной бумаги использовать. Но боюсь, что они и для этого не годятся. Игра закончена, ты победил. Возьми с полки пирожок, как говорила моя девушка.

— Она тебе хоть пишет?

— Нет! — отвернулся Паскаль. — Она давно уже не моя девушка. Это я так, по старой памяти.

— Пишут только Сократу, Поэту и Судье, — продолжил он. — Писака тоже с каждым кораблём отправляет послания, но ему никто не отвечает. Видно он и там всех достал.

Артур подошёл к столу, на котором по-прежнему лежали ноутбук и наушники.

— А что из современного читаешь? — поинтересовался он, перебирая книги на книжной полке.

— Раньше читал запоем всё, что появлялось на горизонте, а потом как отрезало — видимо переел. А здесь всё старинное и нет интернета. Впрочем, я и не жалею... Сейчас время смертельное для литературы, — пояснил Паскаль, — переходное время. Может быть, потом всё утрясётся, пыль осядет и появится что-нибудь стоящее... Интернет убивает литературу. Такое ощущение, что прорвало плотину и хлынул полноводный словесный понос. Люди не понимают, что писатель — это не тот, кто умеет писать. Писатель — это биография, внешняя и внутренняя, это особые способности, наблюдательность и психология, это, наконец, божий дар, под названием — талант. А Господь очень скуп на дары, и не каждому кладёт руку на голову. Писателей не делают на конвейере — в литературном институте и на литературных сайтах. Никто этого не понимает. Кажущаяся простота писательского мастерства очень многих уводит на ложную дорогу, где их ждут только разочарования и потерянное время жизни, которое можно было потратить с большей пользой.

— Вот уж от программиста не ожидал услышать брюзжание по поводу интернета!

— Это не брюзжание, это трезвый взгляд. Я даже подумал — может, литература вообще уже не нужна? Может быть, интернет её похоронил? Останется что-нибудь легковесное, ненапряжное — детективы, мелодрамы, фэнтази, а всё остальное пространство займёт нон-фикшн... Времена Толстого, Достоевского, Чехова остались позади. В век хайтека их быть не может. Я думаю, если бы Толстой жил сейчас, его «Война и мир» пылилась бы на книжных полках магазинов. Она получила бы восторженные отзывы критиков, но кто их читает, кроме самих критиков и писателей? До школьных хрестоматий она бы уже не добралась.

Артур решил поменять тему.

— Я сейчас говорил с Ньютоном о квантовой физике. Он считает, что это не физика, это другая наука, ещё не имеющая названия.

— Вполне может быть, — согласился Паскаль. — Физика не резиновая, не надо туда всё пихать.

— Наука всё больше уподобляется религии, — увлёкся Паскаль, присев на кровати. — Стандартная модель — это её иконостас, коллайдеры и прочее — предметы культа, вроде кадила и святой воды. Каждый правоверный физик обязан пять раз в день прочитать «Верую» и поклониться иконостасу. Вся эта россыпь «элементарных частиц» не более, чем тени на стене платоновской пещеры. Стандартная модель — это список привидений. Физики похожи на малых детей, играющих в кубики. Они строят мир из кирпичиков, а мир возможно устроен иначе.

В комнату, постучав, заглянул Адам.

— Артур, выйди на минуту. Есть разговор.

Усевшись за стол во дворе, Адам сказал.

— Какие у тебя планы?

Артур вопросительно посмотрел на Адама.

— Дождусь корабля и уплыву на большую землю. Может там пойму — кто я и зачем?

— Хозяин тебя не отпустит. Он задавал мне наводящие вопросы насчёт тебя. Интересовался — действительно ли ты ничего не помнишь? Качал головой и было ясно, что твоя загадка его зацепила. Пока он её не раскусит, не видать тебе свободы.

Артур склонил голову и загрустил.

— Что же мне делать?

Адам очень пристально посмотрел на него, о чём-то задумался, улыбнулся и сказал:

— Ладно! Не бери в голову. Завтра праздник, потом решим — что делать? У меня есть на твой счёт свои соображения.

Артур повеселел и, вспомнив недавно услышанный разговор, спросил:

— Адам, признайтесь — это ваша проделка с «безумным телевизором»?

— А как ты догадался? — удивился Адам. — Да надоели эти сериалы для домохозяек. Сценарий как будто одноклеточные водоросли пишут. Гляжу, все тупеют понемногу, остатки ума теряют. Ну я и... пошутил.

— Но посмотреть новости, узнать — что происходит в мире?..

Адам бросил взгляд на Артура.

— Новости?.. Ну, во-первых, для меня это не новости, а «старости». А потом... Девяносто процентов новостей это то, о чём через год уже никто и не вспомнит, это мутный поток времени. Человек, привязанный к потоку времени, никогда не познает вечности. Чтобы познать вечность, надо забыть время, надо сделать его неважным, каковым оно и является на самом деле.

— Но хочется всё-таки знать — что в мире происходит?

Адам посмотрел на него уже слегка раздражённо.

— В мире ничего не происходит. Всё происходит вот здесь, — он постучал пальцем по голове. — Впрочем, ты сейчас не поймёшь. Нужно пройти долгий путь в этом направлении, чтобы слова обрели верный смысл и точное значение.

Он как будто отдалился, взгляд его был направлен на что-то, видимое только ему.

— Я знаю — куда идут люди, — спокойно и отстранённо продолжил он. — Я знаю — куда они придут. Их будущее — моё прошлое. Куда они так стремятся — оттуда я убежал. Мне с ними не по пути.

К сидящим за столом подошёл Паскаль. Адам сразу поднялся.

— Надо ещё поработать! Я пошёл.

Когда он ушёл, Паскаль с иронией, плохо скрывая обиду, спросил Артура:

— У вас какие-то секреты с Адамом?

— Нет-нет, что ты! — успокоил его Артур. — Он рассказывал, что Хозяин расспрашивал обо мне. Адам предполагает, что Хозяин не отпустит меня с острова.

— Вот зараза! Это на него похоже.

Паскаль сел рядом и оглянувшись вокруг, вполголоса предложил:

— Бежать надо отсюда!

— Ты знаешь — как?

— Когда придёт корабль, нападём на Демона, свяжем его, заберём ключи, выйдем из Замка и захватим корабль. Уплывём в Австралию, а там — ищи нас, как ветра в поле!

— Это похоже на голливудский боевик, — Артур был озадачен. — На корабле есть команда, нас просто выкинут за борт. У нас нет оружия.

— У Хозяина есть оружие, — настаивал Паскаль. — Я знаю, что у него есть пистолет.

— Нет, я не Рэмбо, — Артур был настроен скептически, — да и ты — тоже. Это не вариант.

Паскаль откинулся на спинку скамейки.

— Значит, будем гнить здесь до старости... Это тоже не вариант.

Во двор вышел Маркус, волоча за собой большую деревянную лопату, какой дворники убирают листья и снег. Воткнув её черенком в отверстие трубы, торчащей из земли возле клумбы с цветами, получил импровизированный мольберт. Закрепив на нём лист бумаги, вытащил из кармана цветные карандаши и стал рисовать. Артур с Паскалем с любопытством подошли посмотреть.

Рисовал Маркус быстро, не задумываясь. Кажется, в голове у него уже была картинка и он просто переносил её на бумагу. Через пять минут рисунок был готов. Чёрным карандашом были нарисованы городская улица, дома вдоль улицы с пустыми проёмами окон, одинокие силуэты прохожих под зонтами и тучи над городом, из которых мелким пунктиром на город лился красный дождь. Под ногами прохожих разливались бурые лужи.

— А почему дождь красный? — удивился Артур.

Маркус внимательно посмотрел на свой рисунок.

— Картину нельзя объяснять, — убедительно сказал он. — Если начну объяснять, начну придумывать... Мне так захотелось — рука сама потянулась к красному карандашу.

— Всё правильно, Маркус, — поддержал его Паскаль. — Искусство должно полагаться на интуицию. Как только начнёшь рассудком всё поверять, — получится какой-нибудь соцреализм.

— Красное и чёрное, — добавил он. — Прямо по Стендалю... Кровь и грязь — что ещё есть в этом мире?

— Есть чистая вода в океане и голубое небо с белыми облаками и жёлтым Солнцем на нём, — несогласно сказал Артур и показал рукой вверх.

Маркус задрал голову вверх, наклонил её, как будто рассматривая другую картину, и снова устался на свой рисунок.

— Художник рисует свой внутренний мир. Даже, когда рисует внешний.

С этим трудно было не согласиться.

— Для внешнего мира есть фотоаппарат и видеокамера, — кивнул Паскаль. — Давай, ещё что-нибудь нарисуй. Мы потом подойдём, посмотрим.

Они пошли прогуляться в сад и заглянули в курятник. Чёрный петух по-прежнему гордо выхаживал по своим владениям и даже не удостоил друзей своим вниманием.

— Я не разу не слышал его голоса! — вдруг удивился Артур. — По утрам никакого «кукареку». Он что глухонемой?

— До этого здесь был другой петух, — пояснил Паскаль. — И так надоел своим ежеутренним кукареканьем, что Хозяин отправил его в суп, а заказал этого, орпингтон называется порода. Ему обещали, что этот будет молчун. Как бы не так! В первое же утро он поднял всех ещё до рассвета своим победным кличем. Невыспавшийся Хозяин хотел и этого бросить в суп, но Ева отговорила. А потом кто-то посоветовал ему купить петуху специальный воротник. Видишь — кожаный ремешок у него на шее. Он не мешает петуху дышать, но не даёт ему набрать полные лёгкие воздуха, чтобы закукарекать. Так он с тех пор с этим воротником и живёт, а мы спим спокойно... Впрочем, ему это на пользу. Молчаливые

дольше живут.

Они вышли на поляну, освещённую солнцем.

— Поиграем в Тарзана? — предложил Паскаль и ловко полез на высокий дуб.

Зацепившись за толстую ветку, раскачался и перепрыгнул на другую. Вскарабкавшись на неё, перевернулся и повис на ногах, свесив руки. Артур с улыбкой и тревогой наблюдал за ним. Повисев на ветке, Паскаль спрыгнул на землю.

— Столько энергии — не знаешь куда девать! — похвалил друга Артур. — Надо учредить новоэдемские игры, наподобие олимпийских. Ты будешь чемпионом.

— Да с кем тут, кроме тебя, соревноваться? Одни «старички» и слабачки собрались.

— Ну не все. Адам — человек крепкий. А Демон? Сильный мужик. По боксу и по борьбе ему тут равных не будет.

— Это точно, — усмехнувшись согласился Паскаль. — Один раз вмажет — и уносите.

Они уселись рядом в гамаке и раскачивали его, болтая ногами.

— А пойдём, залезем на стену! — предложил Артур и, спрыгнув с гамака, потащил Паскаля за собой.

Через пять минут они уже сидели на стене сада, плечом к плечу, обнявшись за плечи, как закадычные друзья.

— Я знаю это место, — сказал Паскаль. — Я отсюда спускался вниз, когда пытался сбежать с острова.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи! — заинтересовался Артур.

— Это было в прошлом году. Что-то так меня всё достало! Взял я с собой десяток галет, десяток яблок и бутылку с водой. Спрыгнул вот здесь со стены, побежал к лодке и попытался разбить лодочный замок камнем... Веришь? — целый час бил этот проклятый замок и цепь, пальцы все в кровь разбил — никакого результата. И тут слышу из-за спины ехидный голос: «а ты головой постучи!» Оборачиваюсь, — Демон! Ну я и загремел на десять дней в Ад. Чуть с ума там не сошёл... Впрочем, отсидел я всего пять дней. Потом Ева узнала — где я, расплакалась, устроила перед отцом истерику. Он и не выдержал, приказал Демону меня выпустить... Полчаса на меня орал, наконец успокоился и объяснил мне, что бутылка воды меня бы не спасла, и я умер бы в океане от жажды. Ну, тут он, пожалуй, был прав...

Вернувшись во двор, Паскаль огляделся.

— А куда наш художник подевался?.. Пойдём к нему в комнату. У него там целая галерея рисунков.

Они прошли в комнату Маркуса. Его самого в комнате не было. По стенам действительно висела целая галерея цветных карандашных рисунков, придававшая всей комнате пёстрый вид. Все рисунки держались на кнопочках. Артур стал внимательно их рассматривать. Преобладали чёрные и красные цвета, в которые иногда причудливо врывались зелёные, жёлтые и голубые. Артура привлекло лицо женщины, выполненное в почти пикассовской манере, с перекошенными чертами лица. Но взгляд её был живой и притягивал к себе. Губы были полуоткрыты, как будто она собиралась что-то сказать. Мысленно он назвал её — «Дора Маар с кошкой без кошки».

— Вот на эту глянь, — сказал Паскаль.

Артур подошёл и всмотрелся. На первый взгляд это была хаотическая вязь штрихов и линий, не несущая каких-либо образов. Но всматриваясь и чуть-чуть отойдя, Артур понял, что это лес рук, как будто растущих из-под земли и тянущихся к небу. На кончиках пальцев

было что-то, напоминающее глаза. Руки изгибались и переплетались, как лианы в густом лесу. Артуру стало не по себе.

— Наверно я слишком консервативен. Все эти абстракционизмы и модернизмы — это не моё.

— А мне нравится, — отметил Паскаль. — В каждой картинке чувствуется что-то личное, важное для художника. Как будто он пытается выразить свои смутные сны.

Артур огляделся. В комнате было неуютно. На голой кровати, покрытой до пола старой, выцветшей клеёнкой, валялись вещи и ящики с барахлом.

— Где же он спит, на полу что ли?

— А он под кроватью спит. Под кровать бросил матрас и подушку. Там и спит.

— Почему?

— У него агорафобия — боязнь открытого пространства. Он мне говорил: «пустота на меня наваливается и давит».

Не дождавшись Маркуса, они вышли из комнаты.

Маркус опять стоял во дворе у импровизированного мольберта и рассматривал свою новую картину. Подошедшие Артур с Паскалем, увидели на бумажном листе дерево с округлой кроной, на котором висели два яблока, груша, и ниже сидела птица. Всё вместе создавало образ улыбающегося лица, где яблоки были глазами, груша носом, а птица с задранными вверх головкой и хвостом изображала улыбку. Маркус обернулся на подошедших и спросил:

— Ну как?

— Конечно яблоки и груша такими большими не бывают, — заметил Паскаль, — но спишем это на художественное преувеличение. А вообще прикольно. Особенно, если издали смотреть, точно какой-то озорной мальчишка с длинной шеей.

— А так? — Маркус быстро стёр резинкой птицу и несколькими штрихами набросал другую.

Теперь птица смотрела вниз, и улыбающееся лицо превратилось в грустную физиономию.

— Ну зачем ты! — расстроился Артур. — Раньше лучше было. А теперь какое-то пугало на огороде.

— Одна птица улетела, прилетела другая, и всё изменилось. Как мне это знакомо! — качая головой, произнёс Паскаль. — У меня настроение, бывает, меняется несколько раз на дню от каких-то пустых вещей или мыслей.

Маркус содрал листок, скомкал и бросил под ноги. Подумав, два раза топнул ногой по смятому листу, выдернул «мольберт» из трубы и пошёл в комнату, глядя под ноги. Лопата волочилась за ним следом.

Растерянный Поэт подошёл к друзьям.

— Надо что-то делать! У Сократа разболелся зуб. Он не может репетировать пьесу.

Все направились в комнату Сократа и через минуту вышли во двор вместе с несчастным греком. Он держался за правую щеку и тихонько постанывал. Подошёл Андрон и стали обдумывать положение.

— Нужно найти шёлковую нитку или тонкую капроновую леску, — предложил Паскаль. — Ниткой обвязать больной зуб, а другой конец нитки привязать к двери. Я захлопну дверь и зуб вырвется. У меня так в детстве зуб вырывали.

Подождали Судья и Писатель, подключились к обсуждению.

— Надо идти к Хозяину, — как всегда внушительно убеждал Судья. — Разогнал всех врачей, пусть теперь сам зубы лечит.

— Живём, бог знает, в какой дыре! — возмущался Писатель. — В нормальной больнице десятки врачей — от хирурга до стоматолога.

Неизвестно откуда, как из-под земли, появился Демон и направился к ним.

— Что за сборище? — грозно спросил он. — Андрон, в чём дело?

— У Сократа разболелся зуб, — пояснил Андрон. — Надо вырвать.

Демон подошёл к Сократу и спросил его:

— Какой зуб?

Сократ показал пальцем. Демон бесцеремонно оттянул своими пальцами его щеку и оглядел зуб.

— Андрон! — обернулся он. — У тебя в комнате инструменты. Принеси узкогубцы.

Андрон без промедлений побежал в свою комнату.

— Какие узкогубцы? — заволновался Сократ. — Не надо узкогубцы. Мне нужно обезболивающее.

— Боишься боли? — удивился Демон. — Какой же ты философ? Разве твои стоики не научили тебя презирать боль?

Андрон прибежал с узкогубцами.

— У меня есть для тебя прекрасное обезболивающее, — усмехнулся Демон.

Он сделал шаг к Сократу и, коротко и резко, ударил его кулаком в грудь, в солнечное сплетение. Сократ охнул, схватился руками за грудь и согнулся. Демон левой рукой схватил его за волосы, задрал ему голову. Правой рукой выхватил у Андрона узкогубцы и засунул их в открытый рот Сократа. Одно ловкое движение — и зуб был вырван. Отдав его вместе с инструментом Андрону, Демон ухмыльнулся и сказал:

— Всего-то делов! Пусть прополощет рот содой и прижмёт десну ватным тампоном.

Повернулся и пошёл прочь.

Всё произошло так быстро, что никто не успел опомниться. Сократ стоял по-прежнему согнувшись, выпучив глаза, широко открыв рот. Рукой он ощупывал своё лицо.

— Как вы? Нормально? — участливо спросил страдальца Паскаль.

Сократ ничего не отвечал, тихо постанывая и потирая рукой щеку.

Андрон с интересом вертел узкогубцы перед своим лицом, рассматривая вырванный зуб.

— Да! Тут пломба не поможет. Правильно вырвали.

Он протянул зуб его хозяину, но Сократ только отмахнулся рукой. Тогда Андрон, хотел выкинуть зуб на землю, но передумал и понёс зуб в мусорный бак.

— Демон в прежней жизни работал зубодёром, — пояснил Артуру Паскаль. — Язык не повернётся назвать его врачом... Так что зубы рвать — ему не привыкать.

Андрон вернулся со стаканом воды и куском ваты. Сократ прополоскал рот, прикусил большой кусок ваты и попытался улыбнуться.

— Пасива дужише, — сказал он Андрону. — Шоб ему чети так се жубы вывали, — пожелал он, грозя кулаком в сторону лестницы, куда ушёл Демон.

Повеселев, компания отправилась в сад репетировать завтрашнее представление.

Ранним вечером, посреди двора Паскаль вдохновенно рассказывал собравшимся вокруг

него о том, что вся материя, а значит, и человек, произошли из взрыва сверхновой звезды.

— Подумайте! Все атомы нашего тела когда-то были в самом сердце звезды. Горели неугасимым огнём, давая свет тёмному миру. Потом звезда взорвалась и часть её массы полетела в окружающий Космос. Из этого вещества были созданы планеты, и наша Земля в том числе. А значит всё, родившееся на Земле, имеет в своём истоке звёздное вещество. Ведь это как удивительно! Мы были звездой, а теперь мы — люди!

К собравшимся неторопливо подошёл Демон, послушал с презрительной улыбкой, а, когда Паскаль закончил, медленно похлопал и сказал:

— Как всё красиво. Прямо как в сказке. Ну ладно, послушали одну сказку — я вам другую расскажу... Жили-были давно на Земле динозавры. До-олго жили! Больше ста миллионов лет. А были они больши-и-е! И жрали очень много.

Он посмотрел презрительно на Паскаля.

— И срали очень много. Вот посчитай, Паскалик, сколько за сто миллионов лет миллионы динозавров произвели говна. Когда посчитаешь, поймёшь, что всё, что видишь вокруг, и ты в том числе, из этого говна и выросло.

Он сплюнул себе под ноги и ушёл.

Настроение было испорчено, все разошлись.

Чуть позже, когда Артур бесцельно гулял по двору, мимо него прошёл Демон.

— Иди за мной! — бросил он на ходу.

Артур послушно пошёл за ним. В голосе Демона было что-то повелительное, что не позволяло игнорировать его слова.

Демон открыл дверь в комнату Мессии. Они зашли в комнату, Демон направился к столу, который завален был книгами. Он сгрёб все книги со стола, сложил их стопкой и передал в руки Артуру. Потом также собрал все книги с книжных полок и тоже передал Артуру. Артур, ухватив две книжные стопки руками, придерживал их подбородком. Демон осмотрел комнату и кивнул — на выход. Выйдя из комнаты, он запер дверь, и направился к лестнице. Артур следовал за ним. Они спустились в подвал. Отперев какую-то комнату, Демон пропустил Артура вперёд и зашёл за ним.

Комната была похожа на склад. Деревянные полки вдоль двух стен были завалены разным барахлом. Артур догадался, что это та комната, о которой ему говорил Адам.

— Клади туда! — Демон показал рукой на полку, где было свободное место.

Артур поставил стопки книг на полку. В это время где-то в соседней комнате зазвонил телефон. Услышав звонок, Демон выругался и вышел из комнаты. Пройдя по коридору, он поднял трубку телефона и сказал: «слушаю!» Слушал он долго, видимо Хозяин давал ему какие-то указания.

Оставшись один, Артур быстро осмотрел все полки и — удача! — увидел коричневую командирскую сумку. Открыв сумку, он вытащил из неё толстую стопку бумаги, отложил в сторону и тщательно проверил все отделения и карманчики. Нашёл плотный прямоугольник, похожий на визитку. На одной стороне был напечатан странный текст на неизвестном ему языке. С обратной стороны, на белом фоне шариковой ручкой было написано одно странное слово — «Эмпокасипабль» — подчёркнутое дважды. Он повертел «визитку» в руке и положил её в нагрудный карман рубахи. Ничего больше в сумке не было. Положив сумку на полку, он взял в руки стопку бумаги и пролистал её от начала до конца. Это явно была рукопись. Но — увы! Вся рукопись была написана чернилами и безнадёжно размыта водой

— ничего нельзя было разобрать. С трудом Артур понял только название, оно было на титульном листе крупными буквами и можно было понять два слова — Terra Insapiens.

Положив рукопись обратно в сумку, он вернул её на полку. Надежда была утрачена. Он вышел из комнаты и, не зная — что делать? — пошёл по подвальному коридору. У открытой двери он остановился и увидел Демона с телефонной трубкой в руке. Тот стоял спиной к нему, и Артур мог спокойно осмотреть его комнату. В ней было мало мебели — стол, стул и кровать. Не было даже книжных полок. Но на столе лежала книга, заложённая закладкой. Артур осторожно подошёл посмотреть — это была «Так говорил Заратустра». Удивлённо Артур открыл её на закладке и прочитал подчёркнутые слова:

«Прочь от богов тянула меня моя воля; и что осталось бы созидать, если бы боги — существовали!»

Артур отошёл от стола к двери. Демон сказал в трубку:

— Хорошо. Утром всё будет готово.

Повесил трубку, посмотрел на Артура, как бы не понимая, — что он тут делает? Потом сказал:

— На выход! — и показал рукой.

Через полчаса Артур, сидя на скамейке, видел, как Демон провёл Мессию в его комнату. Перед праздником Хозяин приказал отпустить заключённого.

Подошёл Поэт и сел на скамейку рядом с Артуром, рассеянно глядя в темнеющее небо. Они посидели молча, слушая тишину, которую нарушал только дальний, тихий шум прибора. Было хорошо и покойно.

— «Тишина — ты лучшее из всего, что слышал», — задумчиво произнёс Поэт.

— «Некоторых мучает, что летают мыши», — с улыбкой вспомнил Артур.

— О-о! Как приятно, что вам не чужда поэзия! — искренне обрадовался Поэт. — В наше время немногие любят стихи. Люди стали слишком приземлённы и прагматичны. Жизнь стала быстрой, а поэзия не терпит суеты... Поэзия — это отречение от земного, ради небесного; от чудного, ради чудесного. Даже «сухой» философ Кант, признавал, что поэзии принадлежит первое место в искусстве.

— Я бы поостерегся давать в этом вопросе слово философам, — улыбнулся Артур. — По-моему, они под поэзией понимают что-то иное, что-то своё. Не зря Хайдеггер называл поэзию сестрой философии.

— Пожалуй, я с вами соглашусь. Они понимают поэзию, как ещё один способ познания мира. Но для меня поэзия — это обострённое мироощущение, запечатлённое неким образом. И в этом качестве она — основа любого искусства. Я нахожу поэзию в живописи, в музыке, в скульптуре, даже в прозе. Поэзия, может быть, это... — он задумался, подбирая верное слово, — попытка вечности... Хотя любое определение поэзии рождается мёртвым. Поэзию, как любовь, можно чувствовать и нельзя объяснить.

Они помолчали. «Может быть, скоро я буду уже далеко отсюда, и никогда больше не увижу этот Замок, и этих людей» — подумал Артур. Ему стало грустно от этой мысли.

— Прочитайте что-нибудь, — попросил он Поэта.

Поэт в этот раз не заставил себя упрашивать.

— Я вам прочитаю своё раннее стихотворение. Оно сейчас будет уместно.

И снова эта ночь, и звёзды так ясны.

Симфонию сверчков, прислушавшись, подслушай.
По лицам бродит тень, блуждают наши сны.
Вращение Земли тревожит наши души.

Покоя — тем, кто спит, а тем, кто не уснул, —
Надежды дарит ночь, готовая исполнить
Любые чудеса. И ветер шелестнул,
Как будто книгу дней перелистнула полночь.

Ночная тишина — морская глубина,
И сладко утонуть, не ведая сомненья,
Что бездна, может быть, окажется без дна,
И нам не обещали пробужденья.

— Да-а... — протянул Артур. — Тишина таит в себе много загадок... Только сверчков у нас здесь нет, — оглядевшись, заметил он.

— Ой, ну и хорошо! — заявил Поэт. — У меня на даче в деревне спасу от них не было. Я любил спать с открытыми окнами, а там такая симфония, что заснуть невозможно...

Он улыбнулся воспоминанию.

— Деревенский мужик, Прохор, однажды спросил меня — чем я занимаюсь? Я ответил, что пишу стихи. Это его озадачило, и он уточнил: «Ну это забава, а профессия какая? Чем ещё занимаетесь?» Я сказал: «Ничем». Он задумался: «Хорошее занятие. Я бы тоже занимался ничем, но за это плохо платят.» Потом почесал в голове и спросил: «А частушки сочинить можете?» Я сказал, что не пробовал. Он надоумил: «А вы попробуйте! Надо быть ближе к народу.»

К сидящим присоединился Ньютон, вышедший прогуляться перед сном, и стал рассматривать звёздное небо над головой.

— Сириус, — он указал пальцем, — Канопус, — указал в другом направлении, — и альфа Центавра, — указал третью. — Самые яркие звёзды в южном полушарии.

— Вы слышали про парадокс Ферми? — спросил он у Артура. — Он однажды выразил его, задав вопрос: «где все?»

— Что-то припоминаю... Он имел в виду — где все инопланетяне, почему в обозримом Космосе мы не видим признаков жизни?

— Именно так... Я вам открою секрет, — он покосился в сторону Поэта, который, впрочем, думал о чём-то другом. — Они здесь.

— Где? — невольно оглядел пустой двор Артур.

— Они на Луне, внутри Луны, и оттуда наблюдают за нами.

— Но там уже были люди, что же они их не заметили?

— А вас никогда не удивляло, что бурное начало освоения Луны, внезапно прекратилось на полвека. Разве это не странно?.. Нам дали понять, что в Космосе нас пока не ждут, прежде нужно разобраться с земными делами.

Артур уставился на яркий диск Луны, пытаясь сообразить — шутит Ньютон, или нет? Поэт поднялся и, пожелав всем спокойной ночи, ушёл. Ньютон тоже поднялся и принялся ходить по двору, время от времени бросая взгляд на Луну и звёзды.

Продрогнув во дворе, Артур пошёл в комнату. Спать ещё не хотелось, он открыл книгу и к своему удивлению нашёл продолжение разговора с Ньютоном.

«Уже давно учёные задаются вопросом: если в нашей Вселенной существуют миллиарды галактик и в каждой из них миллиарды звёзд, почему мы не можем обнаружить инопланетных братьев по разуму? Ведь четырнадцать миллиардов лет, которые существует наша Вселенная, — огромный срок. Крайне маловероятно, что наша Земля настолько уникальна, что мы — первые жители Вселенной. Это было бы очень лестно для нас, но это явно не так. Планеты, подобные Земле, несомненно существуют, и во Вселенной, скорее всего, должны существовать миллионы разумных цивилизаций, обогнавших нас во времени. Почему же мы не видим их в обозреваемой Вселенной?»

Ответов может быть несколько. Либо они очень ловко прячутся от нас, выжидая — когда с нами можно будет выйти на контакт. Либо жизнь разумных цивилизаций также ограничена во времени, как жизнь человека. Они взрослеют и умирают, и, может быть, мы ещё обнаружим их останки в пустынных кладбищах Вселенной... Может быть, через тысячу лет исчезнет и наша цивилизация, а какой-нибудь астроном с Бетельгейзе будет задаваться тем же вопросом — где же все? Он направит свой телескоп и антенны в сторону маленькой звёздочки Солнце, и не увидит, и не услышит никаких признаков жизни... А может быть, достигнув определённого развития, цивилизации покидают эту Вселенную, уходят в иные миры. Но и тогда мы должны будем обнаружить их следы. Представляете? Прилетаете вы на какую-нибудь Альфа Центавра, а там уже всё затоптано, изгажено, поросло бурьяном и лежит в руинах. Вам остаётся только работа археолога — выкапывать черепки и обрывки письмен. Вот разочарование. Это как залез ты на горную вершину, измучившись, гордый своим достижением, а там — консервные банки и всякие нечистоты. Обидно!..

Правда, есть ещё одно предположение. Существует бесконечное множество Вселенных, и эта Вселенная отдана на поселение нам. Это Вселенная наш инкубатор. Ну так решил какой-нибудь Верховный Разум. Вот тогда всё в порядке. И будет космическая романтика, и первооткрыватели, и миллионолетняя работа по освоению межгалактического пространства.

Самый неприятный — это как раз первый вариант. Освоили мы, значит, Солнечную систему. Собрались лететь к соседней звезде. А тут приходят: «Здрасьте! Мы инопланетяне из Межгалактического Братства. Давайте договариваться о совместной работе. Выбора-то у вас нет. Либо вы вступаете в Межгалактическое Братство, и мы поручаем вам работу на вашем участке. Либо становитесь изгоем, и будете заблокированы в перемещении по Галактике до тех пор, пока не поумнеете.»

Вот это будет облом! Вместо романтики и первооткрывательства — рутинная работа, спущенная сверху бюрократами из Верховного Совета Межгалактического Братства...»

Десятый день

Территория снов.

В день праздника с утра во дворе играла музыка. Хозяин выставил в окно на третьем уровне Замка колонку и зазвучала «Fascination». Хозяин был консерватор и большой поклонник ретро. Раннее утро наполнила музыка середины прошлого века.

— Концерт по заявкам Хозяина, — хмурился Паскаль. — Мог бы и наши пожелания спросить.

Когда зазвучала «Tennessee Waltz», Паскаль взял Еву за руку, и они начали кружиться под музыку.

Собрав всё население во дворе, Хозяин держал речь.

— Здесь, посреди океана, мои предки и я создали этот райский островок, где души заблудшие могут найти дорогу, где души неприкаянные могут найти успокоение.

— Пусть никто сегодня не останется грустным, пусть, хотя бы на день, забудутся все печали!

— Не в нашей власти будущее, не в нашей власти прошлое, но в нашей власти настоящее. Надо уметь радоваться жизни, несмотря ни на что, радоваться солнцу, ветру, дождю.

— Наш Хозяин сегодня в романтическом настроении, — заметил Адам Артуру.

— Сегодня, в честь праздника, открыты все двери, можете гулять по острову допоздна. Демон, проследи, чтобы к полуночи все вернулись в свои комнаты.

Хозяин закончил речь и пригласил всех за столы, где дымилась уха и лежали ломти свежеиспечённого хлеба.

После обеда, хотя по времени это, скорей, был поздний завтрак, все направились в сад на поляну, где должно было начаться представление. С шумом и смехом расселись вокруг небольшой поляны. Хозяин уселся в кресло под дубом. Рядом, на стуле, сидела Офелия с Евой на коленях.

Началось представление.

На поляну выходит Сократ в хламиде, накинутой на хитон. Честно говоря, он не очень похож на всемогущего Бога, а скорее на какого-то древнегреческого сторожа, охраняющего сад Академа.

— Я Бог миров подземных и наземных, межзвёздных царств всевластный господин. Стихии воздуха, земли, воды, огня — всё мне подвластно, всё в моей руке. Но стало грустно мне и одиноко. И я решил создать себе детей. Из глины сделал я Адама, и Еву из его ребра. В Эдеме создал им я райский сад. И здесь теперь живу с детьми моими.

— Где ж мои дети? — оглядывается Сократ. — Куда запропастились?

Выходит Паскаль, играющий Адама. Он в одних плавках, что должно символизировать первозданную наготу.

— Будь славен мир, построенный Отцом. Как хорошо под этим синим небом лежать в траве, не думать ни о чём. Одной рукой лаская Еву, другую обнимать её плечо. О чём

мечтать? Ведь всё уже сбылось.

Выходит Андрон, играющий Еву. На нём нарядный гиматий, на голове цветочный венок.

— А вот и вы — мои родные дети! Пойдите же ко мне, и я вас обниму, — Сократ обнимает Паскаля с Андроном.

— Ну расскажите, дети, как живётся вам в нашем славном, сказочном Эдеме? Нет ли желаний, тайных от меня?

— Всё хорошо, и в то же время грустно. Когда всё есть и не о чем мечтать, так хочется чего-то... — а чего? — понять я не могу.

Паскаль разводит руками. Андрон кладёт голову ему на плечо и игриво говорит:

— Мой милый муж, как можешь ты быть грустным? Ведь рядом я — жена твоя.

— Всё так, о Ева, знаю сам, что большего желать и невозможно.

Сократ смотрит на публику, читая монолог.

— Как много дел у Бога многотрудных! Пора идти, ведь мир не станет сам расти и процветать — о всём моя забота. Зачем я создал столь огромный мир?! Как трудно с этим справиться хозяйством!

Уходит.

Паскаль садится на табуреточку. Андрон садится на траву возле Паскаля, кладёт голову ему на колени.

Андрон говорит:

— О, муж мой, мой Адам, о чём твоя забота в твоих глазах посеяла печаль?

— Не знаю я. Но отчего-то грустно. Казалось бы, — нет повода грустить. Но нам всегда чего-то не хватает. Какой-то, видно, есть в душе изъян.

— Не хочешь ли ты яблочка, мой милый?

— Ах, нет! А, впрочем... может быть.

Андрон встаёт и срывает с ветки яблоко. Надкусывает сам и протягивает Паскалю. Паскаль берёт яблоко не глядя, и начинает есть. Съев пол яблока, говорит:

— Какой-то странный вкус у этого плода. Я раньше ничего подобного не кушал. Ты где сорвала этот плод, подруга?

— Да вот же дерево, отсюда и взяла.

Показывает на яблоню.

— О горе нам, о горе безрассудным! Как ты могла? Ведь папа запретил нам трогать эту яблоню, а мы нарушили запрет. Что с нами теперь будет?! Как же рассердится отец!

— Да ладно ты — подумаешь проблема! Да он и не узнает ничего.

Паскаль сидит, качая расстроено головой.

На поляну входит Сократ.

— Опять одна звезда с другою подрались. Им тесно в небе, видишь ли, — подумай! Пришлось обеих наказать примерно. На полсвечи им яркость притушить... Ну что вы, мои дети, не скучали?

Паскаль залазит на табуреточку, и, сидя на корточках, прикрывает наготу руками.

— Мне стыдно наготы своей. Отец! Дай мне одежду.

Сократ обходит вокруг него и говорит:

— Как ты узнал о наготе своей? Не ел ли ты плода, что я вам запретил?

— Мне Ева плод дала.

Сократ подходит к Андрону. Тот с невинным видом смотрит в небо.

— Ты плод сорвала? Ну же, говори!

— Ах, папа, что за дикости, ей-богу! Не трогай этого, того не ешь. Как будто мы, как дети, неразумны. Давно уж выросли мы, и пора опеку отцовскую оставить вам.

— О горе вам! И мне — большое горе! Прочь с глаз моих — нет у меня детей! Отныне изгоняю вас на землю. Из праха вы пришли, туда же и вернётесь.

Обращаясь к Андрону:

— Умножу скорбь твою беременностью я. Отныне в муках будешь ты рожать.

Повернувшись к Паскалю:

— И ты, Адам, простишься с беспечной жизнью. Отныне тяжкий труд вам будет наказанием.

Указывая рукой:

— Вон из Эдема!

Закрыв лицо руками:

— О горе мне, о горе!

Пьеса закончилась. Зрители захлопали, актёры раскланялись. Поэт сиял и светился.

— А где змей-искуситель? — недоумённо спросил у Адама Артур.

— Демон отказался участвовать в «фиглярстве». Так он это назвал.

Зрители расходились, обсуждая представление.

— Как сказал один мальчик, — говорил Ньютон Сократу, — почему мы должны страдать из-за того, что Ева с Адамом согрешили? Вразумительного ответа на этот вопрос религия не даёт. Догмат изначальной греховности человека принёс очень много вреда. Творец, создавший несовершенного, грешного человека, видимо что-то напутал в технологии его приготовления, и винить ему надо самого себя.

— Не является ли грех детей, в какой-то мере, грехом отца? — в своей манере согласился с ним Сократ.

— Слабая пьеса, — критиковал Писатель. — Лучше бы мне доверили. Я бы сделал всё по-другому. Получается дурочка Ева сорвала яблоко, наплевав на отцовский запрет. Дурачок Адам его скушал и пострадал ни за что. В чём мораль этой пьесы? Слушайте папу, а тс будет ай-я-яй? Нет глубины, нет характеров, нет смысла.

— А как бы вы написали? — поинтересовался Артур.

— Я бы написал «Трагедию ошибок». Ева не хотела нарушать отцовский запрет, но коварный змей сам сорвал яблоко с дерева познания и подвесил его на другую яблоню. Таким образом Ева с Адамом не виноваты в умысле, но Отец не верит им и изгоняет их из Рая. Вот какую трагедию я бы написал... И потом — почему так куцо? — один акт и два действия. Можно было развернуть широкую панораму райской жизни. Четыре акта — детство, отрочество, юность, изгнание.

— Ну детства у них, допустим, не было, — заметил Артур. — Отец создал их уже взрослыми.

— Это кто вам сказал?

— Библия, — недоумённо ответил Артур.

— Библия для меня не авторитет, — гордо заявил Писатель. — Автор имеет право на своё видение. Автор в своей пьесе сам себе Господь Бог. Он творит мир своей фантазии.

Паскаль подошёл к Адаму с Артуром, которые дожидались его. Он уже переоделся.

— Ну и как вам наше представление? — поинтересовался Паскаль.

— Ты был неподражаем, но больше всего всем понравился Андрон в роли Евы, — заметил Адам.

— Я на первом курсе в студенческом спектакле играл Гамлета, — вздохнул Паскаль.

Он принял театральную-трагическую позу и продекламировал с чувством:

— «О, если б ты, моя тугая плоть, могла растаять, сгинуть, испариться! О, если бы предвечный не занёс в грехи самоубийство! Боже! Боже! Каким ничтожным, плоским и тупым мне кажется весь свет в своих стремлениях. Разбейся сердце, молча затаимся!»

— Bravo! — похлопал Артур от души. — В тебе погибает великий трагик.

— Я знаю, — кивнул Паскаль. — И погибает он вместе со мной на этом проклятом острове.

Вернувшись в Замок, увидели накрытые для чаепития столы. На одном столе лежал большой круглый английский пудинг, на другом — яблочный пирог. В низких вазочках лежали конфеты и печенье. На подставках стояли два больших чайника с горячим чаем.

— Ура! — обрадовался Паскаль. — Устроим безумное чаепитие в лучших традициях.

Судья восхищался:

— «Queen of puddings»! Давно его не видел. Стал уже забывать — каков он на вкус.

Пудинг тут же был порезан на куски, и хватило всем. Из чайников Андрон разливал по чашкам горячий чай.

— Распределяем роли! — командовал Адам. — Кто у нас будет безумным шляпником?

— Вы не поверите, — удивил всех Судья, — но я уже играл эту роль в далёком детстве.

В колледже, где я учился, однажды поставили на сцене «Алису в стране чудес».

— Ну так вам и карты в руки! — распорядился Адам. — Вы будете безумным шляпником. Кто будет мартовским зайцем?

— Можно я? — поднял руку Маркус.

— Есть мартовский заяц! — тыкнул в него пальцем Адам. — Вы, кстати, на него чем-то похожи.

— Наверно ушами, — вздохнул Маркус.

— Кто хочет быть Соней? — продолжал раздавать роли Адам.

— На Соню больше всего похож сейчас я, — протирая глаза руками, заявил Ньютон. — Бессонница ночью не дала заснуть.

— Я буду птицей Додо, — застолбил Паскаль. — А где наша Алиса? — добавил он, озираясь.

— Да вон она, со своим чеширским котом, — указал рукой Адам на Еву, идущую к ним с Филипом в обнимку.

Звуковая колонка в окне третьего уровня хрюкнула и зазвучала «Carnaval De Sao Vicente». Махровое ретро сменила Cesaria Evora, которая видимо отвечала за островной колорит.

Чаепитие продолжалось долго и весело. Адам раздавал кусочки пудинга и пирога:

— Маркус, давай свою тарелку!

— Да я уже два куса съел.

— Ничего! Где два, там и три. Три кварка для мистера Маркуса!

Филип прыгнул с колен Евы на стол, и Ньютон испуганно отмахнулся — «брысь!»

Паскаль поймал кота и отдал Еве.

— А не вступить ли мне в общество защиты животных? — спросил Паскаль. — У меня

есть претензия к нашему многоуважаемому учёному, — обратился он к Ньютому.

— Что, что? — встрепнулся Ньютон.

— Общество защиты животных требует вытащить кота Шрёдингера из ящика! — стукнул кулаком по столу Паскаль. — Хватит издеваться над бедным животным! Если господину Шрёдингеру так важен этот эксперимент, пусть залезет в ящик сам. Это будет справедливо.

Ньютон махнул рукой.

— Ах, оставьте, ради бога! Вы ещё академику Павлову предъявите претензии — зачем он собачек мучал?

— А действительно — зачем? — не отставал Паскаль.

— Для прогресса науки, — убеждённо сказал Ньютон.

Адам посмотрел на него внимательно, но промолчал.

— В некоторых странах, — рассудительно сказал Судья, — уже приняты законы о защите животных с утверждением, что они обладают разумом и обращаться с ними надо, как с разумными существами.

— Нужное дело, — улыбнулся Адам. — В будущем эти законы пригодятся самому человеку... Когда его запишут в животные, — добавил он.

После чаепития все высыпали из Замка на берег острова. Немногие пошли купаться, «старичкам» вода показалась прохладной, но Паскаль с Артуром и Адам наплавались вдоволь. Глядя на них, Сократ скинул хитон и полез в воду. Пару раз окунулся, постоял и пошёл обратно. Судья с Ньютоном, раздевшись, играли в «дурака» на песке, греясь на солнышке. Демон плавал на лодке вдоль берега, приглядывая, чтобы никто не заплывал далеко.

Мессия сидел на большом белом камне, опустив ноги в воду, и с лёгкой улыбкой, казалось, был погружён в медитацию, впитывая в себя солнце, ветер, крики птиц и шелест волны.

Маркус с детской непосредственностью бродил по колёно в воде, рукою зачерпывая воду, пытаясь поймать снующих мимо пёстрых мальков.

Поэт загорал чуть поодаль от берега, на траве, закинув руки за голову и рассеянно наблюдая плывущие в небе облака.

Друзья, накупавшись, вернулись на берег, нашли ровное место и тоже легли загорать. Адам присел рядом. Артур рассказал ему про книгу, которую он видел в комнате Демона.

— Это не его книга, — сказал Адам. — Был тут у нас такой персонаж — Заратустра. Так он себя называл. Начитался человек Ницше, вообразил себя реинкарнацией Заратустры. Читал нам такие страстные проповеди, что даже Мессия открывал рот от удивления.

— И что с ним стало потом? — спросил Артур.

Паскаль перевернулся на спину и подключился к разговору.

— Он не поладил с Демоном. И однажды кинул в него камнем. Тот рассвирепел и швырнул Заратустру в Ад на десять дней. Когда он оттуда вышел, стал тише травы. Все решили, что успокоился человек. А он готовил побег, пилил по ночам решётку на окне. Он жил в твоей комнате, — обратился он к Артуру.

— И что потом?

— Ну дождался он, когда пришёл корабль, выломал ночью решётку, спустился на простынях и поплыл к кораблю. Взобрался на борт и спрятался в трюме. И всё бы у него

получилось, но утром Демон заметил с берега выломанную решётку на окне, корабль обыскали, и Заратустра снова попал в Ад. Потом Хозяин избавился от беспокойного жильца, отправил его в другую больницу на большую землю.

— Да-а... — протянул Адам. — Было дело... Я потом эту решётку на окно обратно приваривал.

Он оглянулся на парней.

— Я её нарочно плохо приварил. Подумал — мало ли? Вдруг самому пригодится...

— А я ведь тоже переболел Ницше, — задумчиво сказал Паскаль. — Это как детская болезнь — корь или ветрянка, было и прошло. Меня не убеждает пресловутая «воля к власти» — это Демону по душе. Но меня зацепила мысль о «переоценке всех ценностей» — «все вещи должны быть наново взвешены». Система человеческих ценностей нуждается время от времени в ревизии. Человечество развивается, меняется, и его ценности тоже должны развиваться, меняться. А иначе получится, как с Ветхим Заветом. Уже детям понятно, что это — сборник сказок, а отказаться нельзя, краеугольный камень не вытащишь — всё здание рухнет... Вот и приходится сочинять байки и изворачиваться, объясняя ветхозаветную версию сотворения мира.

— Книги Ницше — опасная земля, — присоединился Артур. — На его территории стоит заезжать, только если ты уверен, что у тебя исправные тормоза.

Адам улыбнулся, вспомнив:

— Я эту книгу видел у Поэта на столе. Спросил его — зачем тебе это? А он говорит: «мне его философия не интересна, для меня он не философ, а поэт, и поэт настоящий.»

К загорающим подошёл Хозяин с Евой.

— Ну иди, ещё покупайся, — отпустил он Еву — только недалеко.

— Адам! Паскаль! Проследите за девочкой, — попросил он.

Адам и Паскаль поднялись и пошли за Евой в воду.

Хозяин присел возле Артура на камень.

— Ну как дела, молодой человек? Что-нибудь вспомнили из своей биографии?

Артур хотел бы соврать, но не получилось.

— Нет... — отводя глаза, сказал он.

— Плохо, плохо... — покачал головой Хозяин. — Для вас плохо... А для меня, как психиатра, человек, который ничего не знает о себе, интереснее, чем, человек, который знает о себе, что он — Наполеон.

Он ещё раз покачал головой.

— Ну ничего, не теряйте надежды. У вас ещё есть время.

Адам, Паскаль и Ева плескались и брызгались метрах в десяти от берега. Детский смех был частицей праздника, и никто не мог удержаться от улыбки... Ну... кроме Никто. Тот ходил по берегу в одиночестве далеко от купающихся и загорающих.

— Можно задать вам один вопрос? — спросил Артур.

— Да, конечно.

— Что является для вас критерием сумасшествия?

— Неадекватность реакций и поведения. Нарушение логики в рассуждениях. Утрата связей с внешним миром и уход в собственные фантазии.

— По этим критериям можно поставить диагноз любому творческому человеку.

— Вы так считаете? — Хозяин на секунду задумался и кивнул. — Отчасти вы правы.

Настоящее творчество невозможно без доли безумия. Но!.. Гениальный творец ныряет в океан безумия и выныривает оттуда с драгоценной жемчужиной в руке. А больной человек просто идёт на дно. Он не умеет плавать, или переоценил свои силы. Вот ему надо помочь вернуться на поверхность. Этим и занимается врач-психиатр.

— Понимаете, — увлёкся он, — Я не считаю психические заболевания абсолютным злом. Все гении человечества имели психические отклонения. Человек, абсолютно лишённый психических отклонений, — это робот. Если бы человечество состояло из абсолютно нормальных людей, оно бы давно вымерло. Это как с генами. Если бы они не подвергались мутации, не было бы никакой эволюции. Хотя большинство мутаций неизбежно носили негативный характер. Но малая часть полезных мутаций порождала эволюцию видов... Поэтому дело не в том, чтобы преодолеть все психические отклонения и болезни. Дело в том, чтобы одолеть отклонения и болезни, угнетающие разум и личность человека.

Он смотрел на купающихся, где Ева взбиралась на плечи Паскаля и прыгала в воду с радостным визгом. Хозяин озабоченно вытягивал шею, наблюдая за ней.

— Вот возьмём, например, Паскаля, — продолжил он. — Что ему эта «Сокровенная Книга»? Разве принесёт она ему счастье? Надо избавить его от этой навязчивой идеи. Это пойдёт ему только на пользу.

— Значит, ваша цель — принести человеку счастье?

— Это цель любого врача. Здоровье — основная составляющая счастья. И психическое здоровье в том числе.

Хозяин поднялся и помахал купальщикам, призывая их вернуться. Артур тоже поднялся.

— Я хотел у вас спросить, — сказал он, — как называется наш остров?

— Когда мои предки ступили на этот остров, они назвали его New Eden. На старинных картах он назывался Illusio. Есть предание, что капитан рыболовной шхуны, проплывавшей мимо, увидел остров и направился к нему. Время было позднее, быстро темнело. Поэтому подойдя к берегу, капитан бросил якорь, но не рискнул выпустить своих людей на незнакомый остров ночью. Он решил дождаться утра... Утром, проснувшись, капитан увидел, что корабль снова в открытом океане и никакого острова рядом нет. Капитан очень удивился и занёс этот остров на карту под именем Illusio.

— Этот можно объяснить логически, — пожал плечами Артур. — Якорь плохо зацепился за дно. Во время прилива корабль приподнялся, якорь отцепился и корабль унесло ветром в океан.

— Вот! — обрадовался Хозяин. — Приятно слышать речь разумного человека! А Маркус, например, услышав эту историю, сделал прямо противоположные выводы. Это утвердило его в убеждении, что наш остров, да и весь мир, — только иллюзия.

Паскаль вернулся с довольной, но продрогшей Евой. В руке он держал большую ракушку — нашёл на берегу. Протянул её Артуру.

— Если приложить к уху и послушать, услышишь белый шум.

Хозяин, взяв дочку под руку, пошёл в Замок. Адам, проводив его взглядом, подошёл к, загорающему стоя, Ньютону.

— Вот вы, уважаемый Ньютон, про прогресс науки говорили... Атомную бомбу тоже для прогресса науки придумали? — пытливо и серьёзно спросил Адам.

— Ну да, — неуверенно ответил Ньютон. — Покорение атомной энергии не состоялось

бы без этого. А почему вы спрашиваете?

— Да так... Свои мысли проверяю.

— Скажите, Адам, — подошёл к ним Паскаль, — ядерная война будет?

Адам вздохнул.

— Будет... Хоть и не общемировая, а локальная, но будет... Это законы жанра. Ружьё на сцене зря не висит... Но не переживайте, человечество выживет... В каком-то смысле, ему это даже пойдёт на пользу. Как у вас говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Только после смертоносной войны будет запрещено и уничтожено ядерное оружие... Вот когда в середине лета на каком-нибудь Лазурном берегу с неба посыпется снег, да не просто снег, а радиоактивный снег, вот тогда почтенные буржуа выронят из рук круассаны или бокалы с вином, и почешут в затылке — надо что-то делать!

Он невесело улыбнулся.

— Потомки будут удивляться — сидели на бочках с порохом, а переживали о глобальном потеплении... Смешно...

По склону, между стеной сада и берегом, бродил Писатель, внимательно что-то разглядывая на земле, присаживаясь, подбирая и отбрасывая камни. Артур подошёл к нему.

— Вы что-то потеряли?

Писатель посмотрел на Артура озабоченно.

— Не потерял, но надеюсь найти.

Он выпрямился, оглядывая окрестности.

— На острове должен быть клад. Какой же необитаемый остров без клада?

— Но наш остров обитаемый.

— Двести лет назад он был необитаемым. Тогда и зарыли здесь клад.

— Кто?

— Пираты, — пожал плечами Писатель. — Или моряки Магеллана, когда возвращались из кругосветного путешествия.

— Магеллан до этих мест не доплыл. Его жизнь закончилась раньше.

— Но корабль «Виктория» прошёл Индийский океан и мог посетить наш остров. Вот кто-то из моряков подумал — зачем отдавать всё королю испанскому? — и часть сокровищ зарыли на нашем острове.

— Почему вы в этом так уверены?

Писатель посмотрел на него недоумённо.

— Это возможно? — возможно! Значит, это могло быть. Вероятность этого явно выше вероятности выиграть в лотерею. Вот я и хочу вытащить счастливый билет.

Артур улыбнулся.

— Тогда вам понадобится лопата. Скажите Хозяину, что хотите облагородить остров, перекопать и посадить деревья, он вам даст лопату.

— Это хорошая идея! — задумался Писатель. — Пожалуй, я так и сделаю.

— А зачем вам богатство? Куда его тут тратить?

— Я не собираюсь всю жизнь здесь оставаться. А когда выйду отсюда, я куплю себе собственный остров.

— Собственный остров? — удивился Артур. — Что вы с ним будете делать?

— Я буду там жить и писать свой роман. Здесь неподходящая обстановка для творчества. Мне нужно уединение.

— Желаю удачи! — ещё раз улыбнулся Артур, и пошёл к берегу.

Накупавшись и позагорав, все разбрелись. Адам повёл Артура в свою вотчину. Два невысоких кирпичных строения с черепичной крышей и деревянный сарай — кузница, мастерская и склад.

Мастерская представляла собой одну большую комнату. В дальнем левом углу её стоял дизель-генератор, ближе — верстак с тисками и силовой шкаф с рубильником. В другом углу был лежак, на котором, видимо, Адам спал, низкий столик и тумбочка. На стенах висели вещи и инструменты. В центре мастерской лежал круглый коврик. С потолка над ковриком свисала какая-то конструкция, похожая на перевёрнутую Эйфелеву башню. От неё тянулся силовой кабель до щита на стене.

— Когда ты говоришь «машина времени», представляешь какой-то громоздкий аппарат, что-то вроде батискафа или космической капсулы. На самом деле всё проще. Это небольшое устройство, которое может поднять один человек. Я называю его телепорт. Это устройство создаёт в определённой точке возле себя пространственно-временной тоннель. Всё, что находится вокруг этой точки отправляется в путь.

— И каков размер этого тоннеля?

— Это зависит от мощности питания. От этого же зависит и на какое пространственно-временной расстояние можно отправиться. Я провёл расчёты. Мощности замкового дизеля не хватает для путешествия на две тысячи лет. Поэтому я чинил второй дизель. Теперь он уже готов. Можно начать настройку телепорта... Создать тоннель не сложно, если знать — как. Сложнее настроить его, чтобы не заблудиться в измерениях и «вырулить» туда, куда тебе нужно.

Артур обошёл телепорт вокруг, разглядывая его причудливую конструкцию.

— Так вот как выглядит машина времени!

— Не называй её «машиной времени»! Мне это режет слух. Я тебе говорил, что это неверно... И кстати, настоящий телепорт выглядит не так. Ты бы его просто не заметил, войдя в комнату. Он весь помещается вот в такой круглый коврик у тебя под ногами... Это примитивная модель. Всё, что я мог в этих условиях собрать. Условно говоря, я не мог собрать здесь, — он оглядел комнату, — смарт-телевизор, я собрал детекторный приёмник. Но работу свою, надеюсь, он выполнит.

— Я подумал, — сказал Артур, — если ваша машина перемещает в пространстве и времени, то наверно она может использоваться для телепортации, не задевая время?

— Может.

— Тогда почему вам просто не удрать с острова куда-нибудь?

— Мне нечего делать в вашем времени. Сюда я попал случайно.

Артур потрогал холодный металл.

— Это серебро?

— Да... Пришлось переплавить все серебряные ложки, какие нашлись у Хозяина, — усмехнулся Адам.

Артур заинтересовался.

— Ну и как мне отправиться в прошлое?

— Ничего сложного — садись на коврик. Теперь прими позу эмбриона. Все люди подсознательно помнят её — с этого они начинали свою жизнь. Так, правильно. Теперь закрой глаза и молись.

— Молиться? Как и зачем?

— Да шучу, шучу. Хотя... В каждой шутке есть доля правды. Трудно рассчитать точное время и место телепортации. Масса помех и флуктуаций может повлиять на результат. Я ведь совсем не собирался купаться в Индийском океане, да вот пришлось. Так что надо быть готовым ко всему. Риск в этом деле всегда присутствует.

Адам ковшом набрал из бочки воды, вылил её в электрический чайник и включил его в розетку. Через пять минут они пили чай с сахаром и хрустели сушками.

— Хочешь, ещё тебя удивлю?

Адам достал из рюкзака, висящего на стене, кожаную бандану. Подошёл к Артуру и одел её ему на голову.

— Yòng zhōngwén shuō diǎn shénme, — попросил Адам на чистом китайском языке.

— Wǒ bù huì zhōngwén, — недоуменно произнёс Артур.

Невольно он оглянулся назад — кто это говорит на китайском? — и понял, что это говорил он.

Адам засмеялся.

— Ты теперь можешь ехать в Китай, и все тебя станут хвалить — как хорошо и без акцента ты говоришь по-китайски. Этот девайс, как сейчас говорят, позволяет общаться на всех известных ему языках. А знает он их много. Незаменимая вещь в путешествиях по времени и пространству.

Он снял бандану с головы Артура.

— Эта бандана — единственное, что у меня осталось из будущего. Все остальное, что я захватил с собой, — на дне океана. Никогда точно не угадаешь — где приземлишься? Вот я приземлился, точнее приводнился, в Индийском океане, в полуста километрах от берега.

— И как же вы не утонули? Неужели проплыли все пятьдесят километров?

Адам весело глянул на Артура.

— Я похож на человека-амфибию? На этот случай на мне был спасательный жилет. А через несколько часов меня заметили с судна, проплывавшего мимо.

— Так вот, — продолжил он, — бандана помогла мне убедить Хозяина, что я не сумасшедший. Я одел её ему на голову и заговорил с ним по-арабски. Он ответил, а потом вытаращив глаза и стал озираясь, также как ты, — кто это за его спиной говорит по-арабски? Потом до него дошло, что это он говорит, и с этого момента он начал мне верить.

— Вы знаете столько языков? — удивился Артур.

— У меня было много свободного времени, чтобы их изучить. На арабском я читал ал Араби в оригинале.

Артур вытащил из нагрудного кармана, найденную вчера «визитку».

— Адам, я не знаю — кто я такой? В комнате ненужных вещей я нашёл свою сумку и там был вот этот странный кусок картона с непонятными надписями.

Он протянул «визитку» Адаму. Тот долго рассматривал её с обеих сторон, потом с выражением задумчиво произнёс:

— Эмпокасипабль!.. Звучит глупо, но гордо.

Мотнул головой и хмыкнул.

— Индейское предупреждение, — он вернул «визитку» Артуру.

— Что это значит?

— Есть такая история, не знаю — придуманная или реальная? Когда американцы готовились лететь на Луну, индейский вождь попросил их заучить одну фразу, которую надо

произнести на Луне. Он объяснил им, что по их преданию на Луне живут духи их племени, и он хочет передать им привет. Американские космонавты выучили фразу, но из любопытства нашли переводчика, который им её перевёл. Оказывается, индейский вождь сказал: «не верьте этим людям, они пришли украсть ваши земли».

— Вы думаете, меня кто-то хотел о чём-то предупредить?

— Возможно ты сам хотел себя о чём-то предупредить... Во всяком случае, этого слова я не знаю, и того языка, что с обратной стороны — тоже.

Артур вздохнул и Адам похлопал его по плечу.

— Ну, не отчаивайся! Всё рано или поздно прояснится. «Don't worry, be happy».

— Завидую вашему оптимизму — сказал Артур, — и хочу научиться ему.

— Я — оптимист-реалист. Когда говорю: «всё будет хорошо», всегда мысленно добавляю: «насколько это возможно».

Допив чай, Адам оглянулся по комнате.

— Чтобы тебе подарить? Ага! Вот тебе плеер, — он взял его с тумбочки возле лежанки. — Послушаешь музыку вечером. Там сборник песен — мне Паскаль записал.

Артур засунул плеер с наушниками в карман.

Они вышли из мастерской и спустились к берегу. Сев на камнях, продолжили разговор.

— Остров небольшой, — сказал Артур. — Я думаю, его весь можно обойти по берегу за час.

— Пожалуй, так, — ответил Адам. — Я знаю от Хозяина, что Демон предлагал ему расширить остров, благо прибрежная полоса — в основном, мелководье. Но Хозяин отказался, слишком дорого.

— Зачем Хозяину ваша машина? — спросил Артур.

— Он захотел отправиться в прошлое. Как он сказал: «мне надо съездить туда за своими пациентами», — Адам улыбнулся. — Он уже подготовил на втором уровне комнаты для Христа, Мухаммеда, Будды, Лао-Цзы и прочих, как он говорит, главных безумцев человечества.

— И вы ему в этом помогаете?!

— Нет конечно. Я не собирался ему в этом помогать. Я его обманул, чтобы он позволил мне заниматься созданием и настройкой телепорта. Через пару дней я отсюда сбегу. Предлагаю тебе составить мне компанию. Только уговор — никому ни слова. И про телепорт никому ни слова. Если Хозяин поймёт, что ты знаешь его планы, он запрет тебе в комнате. Если спросит, скажи — я говорил тебе, что делаю новый источник энергии на замену дизель-генератора. Слишком много солярки жрёт дизель. Об этом Хозяин меня тоже просил, но руки пока не дошли.

— Вы так и не сказали мне — что вы ищете там — в прошлом? Зачем вам самому это нужно?

Адам задумался.

— Я не смогу тебе сейчас объяснить. Это слишком личное... Могу сказать только, что мне это нужно не из любопытства, и не для того, чтобы изменить историю. Это всё вздор.

Немного помолчали, слушая плеск волн.

— Мессию вчера отпустили, но книги у него отобрали, даже Библию, — сказал Артур.

— Ничего, вернут. Это Демон его не любит, а Хозяин его бережёт. Он — жемчужина в его коллекции.

— Меня сбивают с толку его проповеди. Иногда он сам себе противоречит.

— Противоречия — признак жизни. Мессия не проповедует придуманного им Бога. Он всё ещё Его ищет. На ощупь, вслепую, но настойчиво и упорно — в этом его сила.

У ног плескалась вода, с океана дул свежий ветер. Они сидели молча, глядя на тонущее Солнце.

— Если нам не удастся побег, — наконец озвучил Артур свои мысли, — мы будем сидеть здесь на острове до конца своей жизни.

Адам посмотрел на него.

— Не переживай! Всё будет хорошо.

— Насколько это возможно, — добавил Артур, и Адам улыбнулся.

— Быстро учишься.

Он поднялся.

— Пойду спать. Не засиживайся, а то простудишься.

Солнце утонуло в океане, окрасив линию горизонта багровым цветом. Небо проявляло первые звёзды.

Артур в задумчивости сидел на берегу. Когда понял, что рядом кто-то стоит, обернулся. Это был Никто. Капюшон лежал на его плечах, спутанные волосы были откинuty назад.

— Как идут дела союза освобождения от человечества? — спросил Артур.

— Что? А вы об этом! Нет, я понял, что борюсь с призраками. В этом нет смысла.

Он пристально вглядывался за горизонт. Потом повернулся к Артуру.

— Вы думаете, там за океаном что-нибудь есть?

Он кивнул головой куда-то в сторону океана, хотя океан был со всех сторон.

— Там территория снов. Ничего реального там нет.

Он помолчал.

— Когда Бог спит, ему снятся сны. Эти сны и материализуются в бесконечные Вселенные, населённые звёздами, планетами, людьми, животными. Материя — это ткань Божьего сна. Персонажи сна рождаются, живут, умирают — возникают и испаряются, возникают и испаряются. За время своего краткого сносуществования они успевают объяснить себе мир, определить его законы, начинают писать некоторые слова с большой буквы — Родина, Истина, Бог... А когда Бог просыпается, материя его снов перестаёт существовать, ведь её никогда и не было. И остаётся один Бог — вечный, бесконечный, единый...

— Одиночество не тяготит Его — оно стало привычным. Но иногда ему хочется, чтобы кроме него был кто-то ещё. И тогда он закрывает глаза и начинает видеть сны. И снова появляется материя снов, и снова рождаются звёзды, планеты, люди, звери. Они снова начинают верить в себя и окружающий их мир, начинают изучать его, желают счастья и вечной жизни. Ну не смешно ли? Несуществующие жаждут вечного существования. Иллюзорные находят законы иллюзорного мира. И так бесконечно — возникают и испаряются. И лишь для того, чтобы нарушить одиночество Бога. Чтобы сделать ему хоть чуть-чуть легче... Одиночество от этого не исчезнет. Но забывшись на краткое время сном, Он сможет забыть о своём одиночестве. Сны — великие обманщики, великие утешители.

Он присел на корточки и потрогал воду.

— Вы замечали, что сны иногда бывают убедительнее реальности? Как это там у китайцев? Проснулся мудрец, которому снилось, что он бабочка. И не знает теперь — мудрец он, которому снилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она

мудрец?.. Реальность, выдумка, мифы, верования, сны — всё переплелось в клубок, и уже не поймёшь — что есть что? «Жизнь и сновидения — страницы одной и той же книги», — говорил Шопенгауэр.

— Я тоже думал об этом, — Артур был взволнован. — Мне приснился сон, что я сплю и вижу сон.

— И что же было в этом сне сна?

— В этом сне я прожил удивительную и радостную жизнь... Представьте же моё разочарование и обиду, когда я проснулся и понял, что всё это было только сон... Но потом я проснулся снова и испытал радость оттого, что разочарование и обида тоже были сном. С лёгкой грустью я понял, что всё в этом мире — и радости, и печали — только сон.

— Может быть, стоит ещё раз проснуться?

— Именно с этим желанием я теперь и живу.

Никто покачал понимающе головой и сел на камень возле Артура.

— Это не поможет... Каждый раз, когда услышишь «Non, rien de rien», будешь оглядывать мир с подозрением — а точно это последняя и единственная реальность?

Он вздохнул и задумчиво глядя на спокойные волны, продолжил:

— Когда жизнь становится предсказуемой, она кончается... Я редко помню сны. Но недавно днём случайно заснул и видел какой-то сон из моей и совершенно не моей жизни, не имеющий ничего общего со мной. Если начать его пересказывать, получится чушь. К тому же многое стремительно забывается, испаряется. Но сохранилось острое ощущение какой-то иной жизни, возможность какой-то иной жизни. Материалист скажет, что это бред нездорового сна; идеалист скажет, что это подсознательное воспоминание о нашей прошлой жизни. Я не знаю... Когда-то я читал «Войну и мир». Может быть, эти слова, пришедшие к князю Андрею на поле Аустерлица, лучше всего объясняют мои ощущения: «ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятого, но важнее».

Артур с интересом смотрел на собеседника.

— Вы так здраво сейчас размышляете, что я просто в недоумении. До этого, простите, я считал вас самым сумасшедшим из всех обитателей Замка. А теперь уже не знаю — что и думать?

— Я сумасшедший. Я сам про себя это знаю. Во мне не один человек, а сотни людей, и сейчас с вами говорит только один из них. Возможно самый нормальный из ненормальных.

Он не смотрел на Артура, он смотрел за горизонт.

— Я — это кто? — произнёс он задумчиво.

— Человек каждый день меняется. Я сегодняшний не равен себе вчерашнему. Жизнь — это постоянное изменение, развитие. Жизнь — это постоянное отмирание чего-то старого и зарождение чего-то нового. Это верно и в материальном, и в духовном плане.

— Тогда что же такое «Я»? Даже на уровне материи я не могу определить свои границы. Каждый день у меня выпадают волосы; значит, волосы — это не «Я». Каждую неделю я стригу ногти; значит, ногти — это не «Я». Человек пришёл с войны, потеряв ногу или руку, и говорит: «я вернулся!» Значит, ноги и руки — это тоже не «Я». И что остаётся — голова профессора Доуэля? Ведь она тоже может сказать: «да, это я, профессор Доуэль». Моё «Я» даже в телесном образе для меня нечто неопределённое, не имеющее чётких границ. Что уже говорить о моей душе! Тут границы размыты ещё серьёзнее.

— Я помню того школьника, писавшего свои первые стишки. Я помню даже несколько

строк из них. Но я не помню уже их целиком. И я не смогу уже написать подобные. Значит, «Я» — это уже не он, и он — это не «Я». Чушь собачья! Получается моё духовное «Я» вечное изменчиво также как моё тело... Даже если человек достигнет бессмертия, это будет ещё одна иллюзия. Жизнь и смерть неразлучимы. Человек живёт, умирая. В старике уже умер ребёнок, оставив о себе только воспоминания, тускнеющие с каждым годом... Что же такое — «Я»?

Он стиснул зубы и посмотрел на Артура.

— Хотите, покажу — почему меня упрятали сюда?

Он поднёс левую руку к лицу Артура и задрал рукав. Артур содрогнулся от ужаса. Это был обрубок, культяпка, без единого пальца.

— Я рубил пальцы один за другим и думал: «что? я ещё живой? значит это всё — не Я»!

Он смотрел прямо в глаза Артуру, а тот хотел, но не мог отвести глаз от уродливой кисти.

— Это было прилюдно. Но все оцепенели от ужаса, и только когда упал последний палец, я стал терять сознание, меня схватили, и кто-то дурным голосом заорал: «а-а-а-а»!.. Это было последнее, что я помню. Очнулся я уже в больнице, и — да, это была психушка.

Никто опустил руку и отвернулся. Артур не знал — что сказать? Он хотел бы развидеть то, что увидел.

Волна набегала на берег, гонимая свежим ветром, становилось прохладно.

Одиннадцатый день.

Молчание Небес.

Возле статуи богини Фемиды поставили кресло и стол. Принесли три скамьи, и все стали рассаживаться.

Судья вышел во двор при полном параде: начищенные туфли, чёрная шёлковая мантия, короткий белокурый парик и «black cap» на вершине всего этого внушительного великолепия. В одной руке он нёс папку с бумагами, в другой — деревянный молоточек. Усевшись в кресло, он поправил мантию и открыл папку. Пришёл Хозяин, сел с краю на заднюю скамейку и кивнул Судье — можно начинать. Судья оглядел собравшихся и постучал молоточком по столу, призывая к тишине.

— Начинаем судебное заседание по обвинению господина Б. в преступлениях против человечества.

— Почему господина Б.? — недоумённо прошептал Артур на ухо Паскалю.

— Это было условие Мессии. Иначе он отказывался играть роль адвоката.

Судья строго посмотрел на шептавшихся. Потом кивнул Мессии, который встал, чтобы возразить.

— Ваша честь, я протестую против самой постановки вопроса о виновности господина Б. Это оскорбляет чувства верующих.

— Протест отвергнут. Объясню — почему? Сам термин «оскорбление чувств верующих» допускает существование «оскорбления чувств неверующих». И когда говорят о первом, пусть не забывают о втором. Этого требует чувство справедливости. Этого требует и конституция, утверждающая право любого человека на своё мировоззрение, на свою веру или неверу. Кроме того, это нерелигиозный, это светский процесс, расследующий конкретные преступления против человека и человечества. У любого преступления есть виновник, степень его вины мы и должны в ходе процесса установить.

Судья откашлялся, выпил воды и продолжил.

— При огромном многообразии человеческих вер и невер, избежать оскорбления в принципе невозможно. Речь может идти только о грубом, намеренном оскорблении, с целью унижить оппонента. Надеюсь, такого намерения ни у кого из присутствующих нет.

Он строго осмотрел собравшихся.

— Роль обвинителя я беру на себя. После моего выступления слово будет предоставлено стороне защиты.

Судья на секунду задумался, потом встал из кресла и вышел вперёд.

— Главным пунктом обвинения является известный нам по многим источникам факт массового уничтожения людей посредством организации всемирного потопа. Это был безусловно геноцид, *crimen contra humanitatem*, другого определения я дать не могу. Оставим в стороне причины, побудившие господина Б. к столь жестокому преступлению. Какими бы они не были, они не оправдывают самого преступления. Если господин Б. был уверен в греховности конкретных людей, он вправе был их судить и наказывать. Но уничтожение всего человечества, за исключением господина Ноя с его семьёй, не может иметь оправдания.

Он степенно прохаживался взад и вперёд перед собравшимися. Вид у него был строгий, серьёзный, подтянутый.

— Если человечество на Нюрнбергском трибунале обвинило виновников массового уничтожения людей, человечество должно быть последовательным. Все виновные в подобных преступлениях должны понести наказание. В том числе, и тот господин, чьё преступление мы сегодня рассматриваем.

Судья посмотрел на Мессию.

— Мы должны быть последовательны, мы должны быть бесстрашны. Не взирая на всё величие и могущество господина Б., мы должны потребовать от него ответа за его злодеяния. Только представьте себе страх, ужас и страдания тех людей, которых он уничтожил. А ведь среди них были дети, много детей. Которые по определению ещё не могли согрешить, и заслужить столь жестокого наказания.

Он остановился.

— Я могу привести ещё много преступлений господина Б., свидетельства о которых сохранил нам Ветхий Завет. Уничтожение Содомы и Гоморры в этом ряду. Жители этих городов согрешили перед господином Б. Но, если в этом виновны были взрослые, то конечно не дети. Коллективная ответственность, которую применял господин Б., является отвратительным атавизмом, простительным разве что языческим богам.

Он повернулся к собравшимся.

— Что говорит Иисус, сын господина Б., согласно Евангелию от Матфея? «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.» И, когда Пётр спрашивает его: «сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» Иисус отвечает: «не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз».

Судья опять посмотрел на Мессию. Словно адвокат замечал обвиняемого, ввиду его отсутствия.

— Слова бы Сына, да в уши Отцу! Но было иначе. Целый ворох преступлений пятнает страницы Библии, и человеческое чувство восстаёт против господина Б. За что была наказана жена Лота? За то, что обернулась и увидела Господне злодеяние. Так преступник уничтожает свидетелей своего преступления.

— Я протестую! — Мессия вскочил, сжав кулаки. По красному лицу было видно — как он взволнован. — Вы не смеете судить Создателя. Вы всем и самой жизнью своей обязаны Ему!

Адам взяв его за плечи, усадил обратно и что-то сказал на ухо. Мессия попытался ещё раз вскочить, но Адам удержал.

Судья был собран и подтянут. Он продолжил свою обвинительную речь.

— Я перечислил только малую часть его преступлений. Человека, который совершил бы все эти преступления, проклял бы род людской до скончания веков. А господину Б. всё сошло с рук, всё также возносятся ему славословия и молитвы, как будто есть одна мораль для человека и другая мораль для господина Б. Как после этого верить заповедям его?! Не сам ли он нарушил их тысячи раз?

Мессия ещё раз попытался вскочить, но Адам опять удержал его.

— Всё указывает на то, что обвиняемый совершал свои преступления осознанно и не испытывал раскаяния. *Corpus delicti* для меня очевиден. Кроме того, он проигнорировал вызов на судебный процесс, что является знаком неуважения к суду. Поэтому я не вижу смягчающих обстоятельств, и требую высшей меры наказания, возможной в данном случае... Забвения!

Он вернулся в кресло и провозгласил:

— Слово предоставляется адвокату.

Мессия встал и вышел вперёд. Он был уже снова привычно бледен.

— Свою речь я начну с конца. Сторона обвинения требует в качестве меры наказания — Забвения. Это невозможно. Как вы планируете это осуществить? Запретить Его имя? Стереть из истории человечества все страницы, так или иначе, посвящённые Ему? Тогда вам придётся сжечь тысячи картин и тысячи книг, составляющих духовное богатство человечества.

— Теперь по сути обвинений. Ваши доводы рациональны, а вера иррациональна. Никакие логические доводы не могут её поколебать. Истинно верующий, в лучшем случае, только посмеётся над вами. Он знает: «пути Господни неисповедимы». И мы, верующие Ему, должны во всём полагаться на Него. Если Он решил стереть потопом греховное человечество, значит, иного пути не было. И мы должны принять Его решение со смирением и верой в Его мудрость. Не вам! — он посмотрел на Судью. — Не вам судить Его!

Он огляделся вокруг.

— Я сожалею, что поддался уговорам участвовать в этом безумном спектакле.

Мессия сел на своё место, а Судья встал.

— Уважаемый адвокат заявляет, что вера иррациональна, и не может быть подвержена суду рационального разума. Позвольте мне указать, что разум дан человеку господином Б., и если наш разум недостаточно хорош, то это претензия к самому господину Б. Я веду уголовный процесс. Здесь имеют вес — логика, факты, мотивы. Иррациональной составляющей в уголовном праве нет... Что касается невозможности Забвения, я не соглашусь. Нет необходимости подчищать историю от напоминаний о господине Б. Приговор не требует «*damnatio memoriae*». Забвение обращено в будущее. Пусть господин Б. останется в мифах, в легендах, в сказках. Пусть составит компанию Зевсу, Юпитеру и всем прочим, разжалованным богам.

Судья снова сел. Отложил бумаги в сторону.

— Перед вынесением приговора, обвиняемому предоставляется последнее слово.

Судья поднял руку, призывая к тишине, и, подняв голову вверх, воскликнул:

— Обвиняемый! Что вы можете сказать в своё оправдание?

Несколько секунд висела гробовая тишина. Судья кивнул.

— Обвиняемому нечего сказать в своё оправдание.

Он стукнул по столу молоточком.

— Объявляется приговор по делу господина Б., обвиняемого в преступлениях против человечества. Признать господина Б. виновным в организации массового уничтожения людей посредством всемирного потопа, и назначить ему наказание в виде Забвения на все грядущие времена. Суд окончен.

Собравшиеся стали расходиться. Судья, взяв Адама под локоть, говорил ему:

— Вы сами видите, как Он игнорирует нас. Когда разговариваешь с Богом, — ощущение, что разговариваешь со стенкой.

— Так всегда бывает, когда разговариваешь со своими иллюзиями, — в сторону сказал Адам.

— Уж лучше бы Он рассердился, швырнул в нас молнией. А молчание говорит о Его равнодушии к нам. Он заслужил Забвение. Всё — прекращаем о Нём думать и говорить.

— Это легче сказать, чем сделать, — улыбнулся Адам.

Все обитатели Замка обсуждали прошедший суд.

— Это ещё мягкий приговор, — говорил Ньютон. — Узники Освенцима, я читал, судили Бога и приговорили к смертной казни. Правда сразу после этого отправились на вечернюю молитву.

— Прежде чем отнять что-то важное у человека, надо дать ему что-то равноценное. А иначе в душе его образуется дыра, которая заполнится, бог знает, каким мусором, — рассудительно говорил Сократ.

Артур подошёл к столу, за которым Поэт и Паскаль обсуждали: есть ли Бог? Поэт говорил:

— Он должен быть хотя бы из уважения к тем, кто молился ему, кто страдал за него. Это намоленный Бог, хотя бы из вежливости Он уже должен быть.

Паскаль возмущался:

— А что же Он всё прячется от нас?! В конце концов — пусть нам объявят правила игры! Пусть Он, если Он есть, выйдет из-за кустов и скажет нам — здравствуйте, дети мои, вот он я — ваш общий папа, любите меня и слушайтесь. Или, если Ему некогда, пусть прикажет ангелам своим, написать на небе звёздными чернилами на каком-нибудь из известных нам языков, хотя бы на суахили: аз есмь ваш Господь, прошу любить и жаловать.

Адам что-то объяснял Судье.

— А почему Библия должна быть одна на всех? Есть одежда для женщин и мужчин, для взрослых и детей, для бедных и богатых. Почему духовная одежда должна быть одного покроя? Я прекрасно представляю себе Библию для военных, где в шестой заповеди написано: не убий (без приказа).

Сократ долго слушавший всех, вздохнул и сказал:

— Если вы рассуждаете о богах, будьте готовы выпить цикуту.

Паскаль поднялся и размял ноги.

— Бог, Бог... «Бюро обслуживания грешников»... Надо бы запретить использовать это слово, по крайней мере до тех пор, пока оно снова не наполнится смыслом.

— Пора обедать.

Пошёл в комнату, обернулся и пошутил:

— Обычно говорят: пообедал, что Бог послал. А у нас тут всё — не как у людей. Мы обедаем, что Демон послал.

После обеда дискуссия продолжилась. Мессия в ней не участвовал.

Судья убеждал:

— Во Вселенной должен быть наведён порядок. Если Бог не может его обеспечить должен обеспечить закон. Вселенная должна быть юридически оформлена. Всё живые сообщества должны получить правовой статус, всё наличное во Вселенной имущество должно быть описано. Пока мир юридически не оформлен, невозможно навести в нём элементарный порядок.

Адам с доброй улыбкой оппонировал:

— Ну это огромная работа! Только описать все звёзды, планеты, кометы и метеориты — тысячи лет не хватит!

— Пока мир юридически не оформлен, и человечество не заявило на него свои права, отвечать должен старый владелец имущества или его представители.

Судья пояснил:

— Если на ваш дом упадёт самолёт, вы можете подать в суд на авиакомпанию. Если на

ваш дом упадёт метеорит, вам не на кого подать в суд. Этот пробел в законодательстве нужно ликвидировать.

— Каким образом?

— Я напишу проект закона о юридической ответственности за форс-мажорные обстоятельства.

— И кто будет ответчиком? Опять господин Б?

— Ответчиками будут представители господина Б. на Земле — римский папа и католическая церковь. Они зарабатывают на имени господина Б., они будут нести за него ответственность. Теперь, если ваш дом разрушило землетрясение, пишите в Ватикан, требуйте денежной компенсации.

— Да! Так они вам и заплатят! — усомнился Паскаль. — И почему только католики? Пусть все платят.

— Всё это можно предусмотреть в законодательстве, — успокоил Судья. — Ввести пропорциональную ответственность всех мировых религий за незаконные действия их, так сказать, покровителей.

— Если, как указано в Библии, — продолжал Судья — ни один волос с вашей головы не упадёт без воли Всевышнего, значит, за всё безобразия Ему и отвечать, Ему и его представителям.

Артур пошёл в душ, а когда вернулся, Судья всё ещё продолжал говорить, но теперь он спорил с Адамом о важности законов.

— Вы говорите — первична мораль, а я утверждаю — первичен закон, — горячился Судья. — «Fiat iustitia, et pereat mundus».

— Закон — это механическая справедливость, — возражал Адам. — Моральный закон — справедливость живая. Это же очевидно!

Судья возразил убеждённо и строго.

— Очевидность не является доказательством. Очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли.

— Законы создавались и шлифовались веками, — продолжил он. — А мораль, как показывает наше время, очень текучая материя. Иногда человеку приходится делать неприятный выбор. Толерантность, справедливость, гуманизм очень часто конфликтуют с разумом и с истиной. Например, в одном английском историческом сериале и герцога, и епископа, и даже королеву играют темнокожие актёры. Безусловно все должны обладать равными правами. Но в данном случае историческая правда принесена в жертву толерантности. Хорошие побуждения двигали людьми, но в итоге победили ложь и глупость... Вот к чему приходят, когда мораль ставят над законом и здравым смыслом. Ведь закон руководствуется именно здравым смыслом и опытом поколений.

— Да, ваша честь... — заметил Паскаль. — Вы явно не в тренде современных течений. Сейчас за такие речи в вашей славной Британии вас бы точно турнули с работы как минимум.

Судья нахмурился, а Паскаль наоборот фыркнул от смеха.

— Ты чего? — недоумённо спросил Артур.

— Анекдот вспомнил на эту тему... В Голливуде решили снимать римейк «Чапаева». Василий Иванович — негр, Петька — тоже. Чапаев говорит Петьке: «вот, Петька, разобьём белых, такая житуха начнётся!»

После ужина Артур одел наушники плеера и послушал музыку. Это был сборник песен. Погрузил под «Sister Rosetta goes before us», потанцевал под «High low meddle». Потом снял наушники и сел за стол, взяв в руки книгу. Но передумал и решил прогуляться.

Выйдя во двор, он с удивлением увидел, что ворота в сад приоткрыты. Обычно Андрон запирает их на ночь. Он прошёл сад весь и в самом конце его неожиданно увидел сидящего на траве, прислонившись к стене, Демона. Лунный свет хорошо освещал его грубое, как будто вырезанное каменотёсом, суровое лицо. Казалось он спал, положив голову на сцепленные сзади руки. Артур хотел незаметно уйти, но Демон видимо услышал его шаги и открыл глаза. Пару секунд он внимательно смотрел на Артура, потом опустил руки и кивком указал Артуру на место напротив него. Артур подошёл и сел на траву.

— Скажи — зачем им Бог? — пытливо спросил Демон. — Неужели, прожив много лет, они так и не поняли, что Бог — это человеческая придумка, немудрёная попытка найти свой смысл в этом мире? Ведь это человек создал Бога по образу и подобию своему.

Он смотрел на Артура холодным взглядом.

— Люди ищут ответы на трудные вопросы, — попытался объяснить Артур, — и Бог является самым простым и доступным ответом. Разве вам никогда не хотелось иметь доброго и сильного Отца?

— Никогда, — коротко отрезал Демон. — Само слово «отец» вызывает у меня неприятные воспоминания. Я ненавижу своего отца. Он не был ни добрым, ни сильным. Я презирал его и ненавижу, и носил это в себе, стараясь не общаться с ним.

В руке он теребил сорванную веточку, время от времени обрывая её листки.

— Бог нужен слабым, — угрюмо сказал он. — Человек в этом мире хромой. Ему нужны костыли — Бог, мораль, закон. Мало кто отваживается отбросить костыли и пойти своими ногами. Да не торной тропой, а туда, куда душа захочет.

— Люди верят в Бога, чтобы преодолеть смерть, — волнуясь, сказал Артур. — Только Бог может дать людям бессмертие.

— Бессмертие?.. Знали бы люди — чего желают! Бессмертие будет страшнее смерти... Я уже не верю ни в Бога, ни в человека... Однажды — это было в далёкой юности, — я порывлся в своей душе и не нашёл там любви к человечеству. Это меня слегка озадачило. Может быть, я стал мизантропом? Нет, отдельные люди мне интересны, а вот человек, как вид, мне стал неинтересен. Может быть, потому что человек — всего лишь разновидность обезьяны. Мне неинтересна умная обезьяна, и тем более стая умных обезьян.

Артур зримо припомнил свой первый разговор с Демоном. А тот продолжал свою мысль:

— Мне не нравится современное человечество. Прошли времена богов и героев, пришли времена муравьёв и кроликов. Работа и размножение, работа и размножение — на тысячи лет вперёд.

— А разве не так было всегда? — попробовал найти мост между ними Артур. — Героев и гениев всегда было мало, да много их не нужно.

Демон внимательно посмотрел на него.

— Кому не нужно?

— Человечеству, — пояснил Артур.

— К чёрту человечество! — Демон сплюнул. — Какие-нибудь будущие археологи,

копаясь в пластах исторического навоза, будут изучать мумию человечества, пытаясь понять, что сподвигло эту несуразную живность назвать себя детьми Бога и ждать от Него подарка своим любимым детям в виде вечной райской жизни? Ответ на этот вопрос останется для них загадкой.

— Что до меня, — продолжил он, — я вот жду... когда она начнётся.

— Что начнётся?

— Война... Третья мировая... Да так, чтобы уже вернуть остатки человечества обратно в пещеры — другой жизни оно не заслуживает.

Он с тяжёлой улыбкой смотрел на Артура.

— Я ведь свой перевод сюда специально устроил. Кончится человечество, а я на острове, глядишь, и выживу. Вот тогда придёт моё время. Я уж им покажу демократию с толерантностью. Землю будут жрать.

Артуру стало не по себе. Он хотел подняться, но Демон, увлёкшись, продолжал.

— Будет война, будет. Большая война. Много оружия накопилось. Надо ему найти применение... Видел я сон о ждущих войны. По всей земле раскинуты каменные склады, окружённые колочей проволокой. Часовые с оружием обходят их, грозно окрикивая случайных зевак и заблудившихся прохожих. Лежат на складах пули, гранаты, бомбы, снаряды. Копятся они годами, ящики лежат друг на друге. Подъезжают грузовики, привозят новое оружие и боеприпасы. Лежат они долгие годы и мрачные мысли шевелятся в их металлических душах. «Когда? Ну, когда же уже? Долго ли нам ещё ждать? Смысла хотим себе мы. Бессмысленно наше лежание здесь. Ржавеют наши металлические оболочки, сыреет наш порох и тротил.» Миллионы, нет — миллиарды! — пуль мечтают пронзить чью-то тёплую плоть, миллионы снарядов мечтают обрушить людские дома. «Смысла, смысла хотим мы себе! Иначе зачем мы созданы вами?» Так говорят ожидающие войны. И война поэтому будет. Чтобы безумие мира обрело смысл.

Артур поднялся, слегка кивнул и пошёл прочь. На своей спине он уносил презрительный взгляд Демона.

Было уже поздно и, вернувшись в комнату, Артур лёг спать. Но мысли, толпившиеся в его голове, не давали ему уснуть. Промучившись полчаса, он встал, зажёл настольную лампу и сел читать.

«Одна из человеческих вер называется атеизм. Отсутствие Бога также недоказуемо, как Его присутствие. Тем более, что слово «Бог» есть простой звук, несколько букв, связанных в слово, повешенное ярлыком на то, что не может быть понято разумом и передано словами. Всё, что сказано о Нём, — человеческая фантазия, поистине безграничная и высокая. Человек сотворяет Бога по образу и подобию своему, и в этом творении, равнозначном творению мира, он возвышается до Него.

Пока существует хоть один верующий — жив Бог и отрицать его бессмысленно. Ибо вера и воля человеческие творят реальность мира. Библейский Бог создан тысячелетними молитвами миллионов людей. Он не создатель Вселенной, не создатель человека, не первопричина всего и вся. Но Он и то, и другое, и третье, поскольку человеческая вера наделила Его этой властью.

Пусть сменяются атеисты: «Ну покажите нам этого Бога, где он живёт, — на каком облаке, в какой галактике; пусть проявит себя явно, зримо; пусть напишет на небе крупными

буквами: «Я здесь!» — и далее десять заповедей мелким шрифтом. Почему мы должны верить на слово полуграмотным людям, жившим два тысячелетия назад?..»

Атеисты не понимают, что за верой в Бога стоит вера в бессмертие, а этого у человека не отнять. Это то, без чего жизнь теряет смысл.

Человек может называть себя неверующим, но быть таким он не может. Уже не модно быть голым атеистом. Называют себя агностиком, если нужно как-то назвать. Не веря в людских Богов, признают их право на существование, пока они нужны людям. А нужны они будут по-видимому всегда. Будут меняться их имена, будут меняться священные тексты, будут меняться обряды и храмы, но неизменным останется стремление человека обрести точку опоры в бескрайнем, холодном мире, что может дать только вера.

Бог есть пока существует хоть один верующий. А поскольку по большому счёту неверующих людей нет, Бог есть пока существует хоть один человек.

Человек ограничен в ощущениях, чувствах, знаниях, и всегда необходимым дополнением будет вера. Верите ли вы в Бога, в Аллаха, в ЮНВН, в Единого, в Абсолют, в Мировой Разум, — дело случая или в редких случаях выбора. Но неизменна вера. Только она даёт опору, без которой всё рухнет к чертям собачьим.

Такие дела...»

Артур уснул за столом, уронив голову на книгу. Ему снились странные сны. Почему-то в его комнате ходил, озираясь, Никто, заглядывал под кровать и бормотал:

— Где-то должен быть Бог... Где я Его положил?.. Когда что-то нужно — ничего не найдёшь...

Двенадцатый день.

Белый лист.

Утро выдалось тихое, тёплое. Сидя за столом во дворе, Артур увидел, что из одной из комнат Замка вышел Адам. Адам заметив Артура, направился к нему.

— Кто живёт в той комнате? — поинтересовался Артур.

— Мерлин.

— Почему он никогда не выходит?

— Он выходит, но по ночам. А днём он или спит, или медитирует. Большой нелюдим. Собственно, кроме меня, он ни с кем не общается.

— А о чём вы с ним говорите?

Адам внимательно посмотрел в глаза Артуру.

— О времени...

— Ах, да! Он мне говорил, что, если остановить все часы, остановится время и начнётся вечность.

Адам улыбнулся.

— Это его мечты. Я не пытаюсь их развенчать. Мерлин кое-что понял про время, но и того немногого, что он понял, хватило с лихвой на безумие. Человек не должен пытаться поднять неподъёмное. Если ты поднимешь тяжёлый камень, ты надорвёшься и заболеешь. Если ты поднимешь тяжёлую мысль, надорвётся и заболеет твой разум.

Из сада вышла озабоченная Ева.

— Вы не видели моего Филипа? Со вчерашнего вечера найти не могу. Дядя Адам, может он опять на берег убежал?

— Может быть, может быть. Такое уже бывало, — обратился он к Артуру. — Как-то раз нашёл я его на берегу, весь мокрый, держит рыбу в зубах и ворчит — не подходи! Насилу поймал.

Он поднялся.

— Я всё равно иду в мастерскую, пройду по берегу, посмотрю.

Ева заулыбалась и побежала в комнату Паскаля.

Попрощавшись с Адамом, Артур тоже пошёл к Паскалю. Зайдя в комнату, он увидел, как Ева прыгает на кровати и заливается звонким смехом.

— Ну хватит, хватит! — сердился Паскаль. — Ты мне кровать сломаешь. Где я буду спать?

— Представляешь, — обратился он к Артуру. — что она придумала? Она заявила, что, когда вырастет и станет Хозяйкой Замка, отпустит всех «сидельцев» на свободу, а в Замке откроет Диснейленд для детей. Как тебе это нравится?

— Перспектива хорошая, — улыбнулся Артур, — но ещё слишком далёкая... И что будет в твоём Диснейленде? — обратился он к Еве, которая спрыгнула с кровати.

— Комнаты ужаса и комнаты с кривыми зеркалами. В комнатах ужаса дети будут пугаться, а в комнатах с кривыми зеркалами они будут смеяться.

— Ну опиши — как ты представляешь комнату ужаса?

— На стенах будут висеть распятые скелеты, с потолка будут свисать повешенные, летучие мыши будут кружиться над головой. Страшный человек с бензопилой будет ходить за детьми по пятам. А из-под кровати вылезет маленький карлик с садовыми ножницами и будет делать вот так, — она показала пальцами, — чик-чик, чик-чик.

— Господи! Где ты всего этого набралась? — недоумевал Паскаль.

— Я смотрела ужастики на планшете.

— У нас же нет интернета. Откуда ужастики?

— Я скачала у папы с компьютера. Он сам их иногда смотрит, а когда мама ругается, говорит, что это веселее, чем комедии.

— Ева! — на завтрак! — заглянул в комнату Андрон. И Ева, вздохнув, пошла из комнаты, на прощанье показав Паскалю язык.

Артур разглядывал репродукцию картины Мунка, беседуя с Паскалем.

— Всё-таки нельзя не заметить весьма вольную жизнь в нашем Замке. Так наверно не всегда было?

— Да, я застал иные времена, с таблетками, уколами и режимным распорядком. Но с тех пор, как Хозяин разогнал врачей, он как будто утратил к нам интерес. Или махнул на нас рукой.

— Может быть, у него появились другие интересы?

— Какие другие интересы? Мне об этом ничего не известно. Ты что-нибудь знаешь?

Артур замялся, вспомнив, что их разговор могут подслушать.

— Нет, я просто предполагаю... Ты знаешь, что было написано художником в этом углу? — Артур указал на картине пальцем, намеренно уводя разговор в сторону.

— Знаю, знаю! «Эту картину мог написать только сумасшедший». Очень самокритично с его стороны. Но никто не тащил его за это в психушку, а картина эта теперь стоит баснословных денег.

— И даже не одна. Таких картин он, по-моему, четыре написал... А чем для тебя она интересна, что тебя в ней привлекает?

— Не знаю... Разве это объяснишь — почему что-то любишь? Мне она созвучна. Я её понимаю... В моей душе есть эти краски, этот ужас и этот крик.

— Как ты думаешь, почему Хозяин разрешил тебе её здесь повесить?.. Почему Хозяин разрешил тебе продолжить работу над расшифровкой «Сокровенной Книги»?.. С медицинской точки зрения он должен был тебя оградить от подобных вещей.

— Я не думал об этом... — пожал плечами Паскаль. — А у тебя есть предположения?

— Он мне говорил, что хочет тебя вылечить. Но я думаю, он слухавил. Ты ему нужен, точнее, интересен, именно такой. Если завтра ты захлопнешь ноутбук и отдашь ему со словами — «не нужна мне никакая сокровенная книга» — он разом утратит к тебе интерес и отправит тебя на большую землю в рядовую больницу.

Паскаль задумался, поджав губы, глядя на Артура.

— Пожалуй, ты прав. Я и забыл, что я — объект его коллекции.

— Ну, скорее, субъект его коллекции, — посмеялся Артур.

У статуи Диониса стоял Мессия. Сложив руки на груди, он рассматривал греческого бога. Артур подошёл и, немного робко, решился заговорить.

— Вас, как верующего, не смущают языческие боги?

Мессия посмотрел на него спокойным взглядом.

— Нет... Меня не смутили бы и деревянные боги африканских племён. Лучше деревянный бог, чем никакого.

— Почему вы не исповедуете традиционное христианство, почему пытаетесь придумать какого-то своего Бога?

— Я не пытаюсь Его придумать, я пытаюсь Его найти.

— Но христиане уверены, что уже нашли Его.

— Вот это и плохо... Бога нельзя достигнуть, к Богу можно только идти. Нашедший — это остановившийся на пути к Богу. Далеко за спиной они у меня, я не останавливаюсь на своём пути.

Взяв под локоть Артура, он пошёл с ним по коридору.

— Две тысячи лет прошло со дня явления Христа. Вот уже и Новый Завет стал Ветхим... И все эти две тысячи лет верующие ждут конца света. Какое жестокое заблуждение! Как я могу следовать ему?.. Не для того Бог создал мир, чтобы потом скомкать и выбросить в мусорное ведро. У людей впереди вечность. И не в мире ином, а в этом, единственном созданном Богом. Мы должны построить достойное Его замыслов будущее. Нам доверена эта работа. И великий грех убежать от неё в придуманный мир иной.

— Почему же придуманный? Разве не о нём говорится в священных книгах?

Мессия бросил внимательный взгляд ему в лицо.

— Зачем вы говорите мне о священных книгах? Вы не хуже меня знаете, что книги эти написаны на протяжении многих веков десятками, если не сотнями, людей.

— Я люблю Евангелия, — продолжил он, — и послания апостолов. Но Ветхий Завет перечитываю редко. Это то, что нужно отнести в музей... Священные книги призывают бояться Бога, трепетать перед ним, ежеминутно помня о тех карах жестоких и вечных мучениях, которые насылает он неверным и оступившимся. О, если бы они призывали только любить Бога! Но нет — страх, ужас и проклятия чернеют на их страницах. И даже Евангелия, самые светлые книги из них, не избежали этого... Что представляет собой современное христианство? — победившую ересь. Был только один христианин. Даже апостолы уже были еретиками.

Как и в проповеди, он говорил тезисами, бросая семена, которые должны ещё прорасти.

— В какой-то момент вполне возможна была победа арианства, и тогда католиков бы сейчас предавали анафеме... Что означают церковные расколы — между католиками и православными, между католиками и протестантами? То, что человеческое в церквях давно победило божественное. Всё дальше и дальше они от Бога, потому что остановились в Его поиске. Остановившийся идёт назад.

— Если бы я не знал — кто вы, — удивлённо отметил Артур, — я бы подумал, что разговариваю с атеистом.

Мессия улыбнулся. Это была первая улыбка на его, всегда строгом и сосредоточенном, лице.

— Я верю в Бога. Я в Ад не верю... Ад придумали люди, причём злые люди. Это как нужно не понимать Бога, чтобы приписать Его воле чудовищный Страшный Суд и Адские муки! Как бесконечно далеки от Бога верующие в Ад!

— Вы не верите в Ад, но называете людей глиной и опилками. Разве глина любит гончара, разве опилки любят плотника?

Мессия внимательно посмотрел на Артура.

— Так не будьте глиной, не будьте опилками — полюбите своего Создателя... Впрочем, может быть вы правы. Это было неудачное сравнение. Я хотел подчеркнуть мысль, что любовь к Отцу должна быть бескорыстна.

Он вздохнул и ещё раз твёрдо повторил:

— Я верю в Бога. Нельзя жить без Бога в душе. Но об этом не рассказать, это надо прожить и прочувствовать... Бог подобен горизонту. К Нему бесконечно можно идти, но достичь Его невозможно.

Он, казалось, смотрел сквозь стены, на видимый ему горизонт.

— По-моему, — убеждённо сказал Артур, — в основе религии — вера в бессмертие души, и лишь затем уже вера в Бога. А вы отнимаете у человека веру в бессмертие.

— Пусть любят Бога без надежды на воздаяние. Такая любовь дороже тысячекратно.

— Но это глас вопиющего в пустыне. Люди за вами не пойдут.

— Тех хуже для них, — поставил точку Мессия.

Артур, не удержавшись, задал ещё вопрос.

— Почему вы защищали ветхозаветного Бога?

— Я защищал не его. Я защищал идею Бога. У мира есть Творец, Он имеет все права на своё творение, а человек не имеет права судить Его.

Слегка поклонившись, он добавил:

— Мне пора молиться... Я помолюсь и за вас — чтобы вы нашли Бога в своей душе и в мире.

Ньютон приклеивал скотчем на свою дверь какой-то листок. Артур подошёл посмотреть.

— Что это — тезисы Мартина Лютера? — поинтересовался он и прочитал надпись на листке: «не знающим геометрии вход воспрещён». А-а! Это предупреждение Эпикура! Против кого такие ограничения?

— Да Писака сунул нос в мою комнату, пока я мылся в душе. Я его прогнал тапком, как назойливую муху. Всё интересуется моим «вечным двигателем».

— А мне можно посмотреть? — спросил Артур и поспешно добавил: — Я знак геометрию.

— Можете это доказать?

— Конечно! — не отступал Артур. — Спрашивайте!

Ньютон посмотрел на него критически, затем достал из кармана мелок и нарисовал на стене квадрат. Потом протянул мелок Артуру.

— Нарисуйте квадрат, чья площадь в два раза больше этого.

Артур внутренне облегчённо вздохнул. Он ожидал чего-то более каверзного. Он немедленно нарисовал квадрат, основанный на диагонали прежнего.

Ньютон сразу подобрел.

— Ну ладно, заходите!

Они зашли в комнату Ньютона. Оглядев её кругом, Артур не заметил ничего необычного, кроме школьной доски, заполненной какими-то формулами и больших настенных часов.

— Да... Мерлина сюда пускать нельзя, — подумал Артур и спросил — а где «вечный двигатель»?

— Да вот он! — указал Ньютон на настенные часы. — Приливная сила используется для

подзавода часов. Чем не «вечный двигатель»? Пока Луна вращается вокруг Земли, эти часы не надо заводить.

Артур подошёл поближе и присмотрелся. Маятниковые часы были переделаны и место маятника занимало какое-то самодельное устройство. Осмотрев хитромудрую конструкцию, Артур придал своему лицу понимающее выражение и подошёл к столу. Над столом прямо под книжными полками в аккуратной рамочке висела молитва Билли Пилигрима. На столе лежала книга «Дао физики», заложённая закладкой. Артур взял её в руки.

— Лао искал Дао, а Дао искало Лао. Нашли ли они друг друга — неизвестно... — пошутил Артур. — Мне кажется эта книга — ещё одна попытка примирить религию и науку. Это свидетельство серьёзного кризиса науки. Пока наука была уверена в своих силах, она посмеивалась над религией. А теперь всё чаще и чаще посматривает в её сторону.

— Вы так думаете? М-м-м... Не могу говорить за всю науку. Квантовая физика в определённой растерянности, потому что теряет свойственную науке математическую ясность и точность. Но религия — это не ответ на её вопросы.

Он задумался и потёр подбородок.

— Как я видел свой путь? — продолжил он. — Религиозную идею спасения заменить научной идеей познания. Смысл жизни человека не в том, чтобы достичь вечного блаженства, а в том, чтобы исполнить себя. Путь человеческий — Дао познания. Познание — наша цель и предназначение. Для него мы рождены и нет у нас смысла иного. Не надо бежать из этого мира сансары в рай или в нирвану. Бегство из мира сомнительно, ибо говорит, что мы в этом мире случайно, и делать нам тут, кроме бегства, нечего. Но разум не случайно дан нам, как сильное оружие. Надо познавать этот мир, открывая его ему. Мы — глаза и разум мира. Каждый человек — это ещё один глаз, открытый миром, чтобы познать себя, ещё одна мысль Вселенной. Когда нет жизни, нет разума, мир исчезает. Не в чем ему отразиться, некому его осмыслить.

Они ещё долго разговаривали. Ньютон объяснял ему принцип работы своего «вечного двигателя». Артур слушал его с уважением и втайне недоумевал — как такой умный человек считается сумасшедшим? Но спросить об этом напрямую Артур не решился.

Простившись с Ньютоном, Артур вышел во двор и огляделся. Услышав из приоткрытой двери голос Паскаля, Артур зашёл в комнату Судьи. На стене висела большая физическая карта Великобритании. На полках красовалась многотомная «Encyclopædia Britannica». Уже знакомое кресло стояло посреди комнаты. На нём восседал Судья. Напротив него, на стуле сидел Паскаль. Они о чём-то громко спорили. На кровати, прислонившись к ковру, сидел Адам. Он листал какую-то книгу, с улыбкой прислушиваясь к спорящим.

— Самая лучшая форма правления — конституционная монархия, — безапелляционно утверждал Судья.

— Вы отсталый человек, — горячился Паскаль. — На дворе двадцать первый век. Какая монархия? Кому нужны все эти ваши герцоги и пэры? Это уже смешно!

— Монархия обеспечивает стабильность, — невозмутимо гнул свою линию Судья. — Монархия объединяет страну. Президенты и политики представляют лишь часть народа, избравшего их, монарх представляет весь народ.

— Монархия — это неизбежное бремя для экономики. Монархия не подотчётна народу, — продвигал общеизвестные мнения Паскаль. — Президента за плохую работу можно наказать, не переизбрав его на очередной срок. Монарха так наказать нельзя. Вот

какой есть, с таким и живи.

Судья выпрямился и посмотрел строго на своего оппонента.

— God save the Queen.

Адам закрыл книгу и посмотрел на Судью с улыбкой.

— При случае, я передам ей ваше пожелание.

— Вы знакомы с английской королевой? — с недоверчивой иронией спросил Артур, когда они вышли из комнаты Судьи.

— Пока нет, но я знаю, кто в моё время занимает английский престол, и мог бы пригласить английскую королеву на свой ужин.

— Она придёт? — всё с той же иронией спросил Артур.

— Боюсь, её желания никто не будет спрашивать. Видишь ли, глобальное потепление, о котором вы так много рассуждаете, таки состоялось, и Англия наполовину ушла под воду. В моё время в Букингемском дворце проживает королевская семья трески. Вот её я как-нибудь приглашу на свой ужин.

Адам пошёл с «отчётом», как он сказал, к Хозяину, а два друга уселись за стол.

— Паскаль, ты не можешь расшифровать этот текст? — Артур протянул ему «визитку».

— «Эм-по-ка-си-пабль», — по слогам прочитал Паскаль. — Что за дурацкое слово? Где ты эту штуку раскопал?

— Нашёл в своей сумке, — пояснил Артур. — Ты с обратной стороны посмотри.

Паскаль перевернул кусочек картона.

— Это на каком языке написано?

— Без понятия... Ты бы мог это расшифровать? Ведь расшифровали же неизвестную ранее шумерскую клинопись.

— Ну... попробую, но гарантировать не могу... А кстати! Ты у Писаки спроси, — посоветовал он. — У него много словарей разных языков.

— А где он?

— Да в комнате наверно, пишет свою нетленку.

Артур, постучав, заглянул в комнату Писателя.

— Да-да... А — это вы. Заходите! — пригласил его тот.

Артур вошёл, оглядывая жилище Муз. Он ожидал увидеть нечто вроде того, что видел у Паскаля, но, к удивлению, в комнате было просторно, чисто и никакого творческого беспорядка. Кровать была аккуратно заправлена и разглажена, так что даже мысль присесть на неё, казалась кощунством. Писатель сидел за столом, но встал навстречу Артуру.

— Вы пришли прочитать первую главу моего романа?

— Нет, — смутился Артур, — я хотел спросить у вас словарь вот этого языка, — он протянул Писателю «визитку».

Писатель повертел её в руках, посмотрел на свет, словно ожидая увидеть скрытые знаки, и отдал Артуру.

— Это какая-то абракадабра. Если это язык, то придуманный, вроде эсперанто.

Писатель вернулся на своё рабочее место, видимо, чтобы записать пришедшую в голову мысль, пока она не забылась. Артур вздохнул и положил «визитку» в карман. Взгляд его привлекли книжные полки. Они были вдоль всех стен. Книги на полках стояли аккуратно,

нигде не было и следа пыли. Было видно, что тут к книгам относятся с уважением. На одной из полок, прибитых к стене, лежали стопки исписанной бумаги — черновики и наброски. Артур вытащил один листок наугад.

— Тест на нормальность, — прочитал он и удивлённо посмотрел на Писателя.

— Он в стиле ЕГЭ — надо выбрать из разных вариантов, — пояснил Писатель. — Я его хотел подсунуть Хозяину, якобы в шутку, а на самом деле хотел убедиться, что здесь есть ещё один сумасшедший, и он живёт на третьем уровне.

Артур с любопытством заглянул в листок.

$2 \times 2 = 4$; 5; 2.5; 22; не знаю.

Бог ... есть; нет; был, но вышел; не знаю; по настроению.

Гипербола это ... женское имя; преувеличение; математическая кривая; чертёжный инструмент.

Шизофрения это ... ветер с моря; врачебная глупость; мой диагноз; греческая богиня.

Демократия это... власть толпы; разновидность домкрата; жена демократа; неприличное слово.

Дальше всё было в таком же роде.

— А как зависит нормальность от убеждения в существовании или не существовании Бога? — спросил Артур, возвращая листок на место.

— Правильный ответ на этот вопрос: не знаю. Он подтверждает вашу нормальность.

— Что же, все верующие люди, и все атеисты по-вашему ненормальны?

— А как же? — удивился Писатель. — Жить, полагаясь на веру, а атеизм — это тоже вера, как минимум, неразумно.

— А какой правильный ответ на вопрос о шизофрении? — улыбаясь спросил Артур.

— Разумеется, врачебная глупость, — убеждённо сказал Писатель. — Эти врачи пишут её каждому второму пациенту. Представляете, они и мне её приписали! Как вам это нравится?!

Артур опять улыбнулся, но тут же стёр улыбку, опасаясь обидеть собеседника.

— А вопрос про «дважды два» какой-то детский. Вы полагаете, Хозяин не знает арифметики?

— А как бы вы ответили? — Писатель обернулся к Артуру.

— Ну это очевидно, — Артур был сбит с толку.

— Очевидно? Так вот мой ответ: не знаю. И не потому, что плохо учился в школе... Я говорил Ньютону — завёлся Писатель, — вы проверьте, проверьте эту таблицу умножения, по-моему, там что-то не так. Что это за банальность, — «дважды два — четыре» — что за примитив? Я не желаю жить в таком примитивном мире. Если «дважды два — четыре», то человек — это вещь ходячая. Это означает, что мир — механизм, и мы — механизмы. Я не желаю жить в мире, где «дважды два — четыре» без вариантов. Это меня оскорбляет... Я не знаю, почему верующие не предали анафеме таблицу умножения? Она же самым наглým образом отвергает существование Бога! Дважды два — всегда четыре, и сам Господь Бог не может этого изменить. Для верующих должны быть специальные таблицы умножения, где будет написано: «дважды два — четыре, если Бог не передумал».

— А как ответил на тест Хозяин? — попытался успокоить Писателя Артур.

Писатель засопел.

— Он посмеялся и вернул мне листок. «Бойся данайцев, дары приносящих», — сказал он.

Артур подошёл к столу и с любопытством заглянул в рукопись.

— Как продвигается работа над вашей книгой?

— Толстой уже выехал на место дуэли, а Достоевский только садится в бричку.

— Постойте, так что у вас вся первая глава — это один день дуэли?

— Триста страниц! — гордо сказал Писатель. — Использую технику Пруста... Сначала Толстой просыпается — тридцать страниц, затем одевается — ещё тридцать, завтракает — ещё тридцать. В общем, выходит из усадьбы он на сто пятидесятой странице, доезжает до места дуэли на двухсотой.

— И кто это будет читать? — возмутился Артур. — Разве что на ночь, как средство от бессонницы.

— Ну там же не только описание бытовых подробностей, там же поток сознания. Размышления о жизни, о судьбах мира и человечества.

— А вы не боитесь прослыть эпигоном? Пытаться копировать технику другого писателя — дело заведомо проигрышное. Когда Малевич выставил свой «Чёрный квадрат» — в этом был вызов, в этом был смысл. А если вы начнёте штамповать «чёрные квадраты» — это будет уже плагиат, лишённый смысла.

— Да ваш Малевич — сам плагиатор. Задолго до него один француз уже выставлял подобную «картину». Она называлась «Битва негров в пещере ночью». Так что — не работает ваш пример с Малевичем.

Артур улыбнулся и спросил.

— Уже выбрали — кого хотите убить на дуэли?

Писатель замялся в нерешительности.

— Мне не хочется раскрывать сюжет, но так и быть! Я уже набросал финал. Дуэль закончилась вничью.

— Оба промахнулись?

— Нет, оба попали.

— Два трупа?! Ну вы кровожадный писатель. За что вы так с нашими классиками?

— Да нет же! Все остались живы. Обе пули друг в друга попали.

— Вот те раз! Вы понимаете, что вероятность такого события близка к нулю?

— Вероятности — это к Ньютону. Меня интересуют возможности. Подобный вариант возможен? Возможен. Значит, я его беру.

— Скажите, а почему вы соревнуетесь с Прустом? Почему не с Фёдор Михалычем?

— Законный вопрос! — кивнул Писатель. — Я намеревался сначала написать продолжение «Преступления и наказания». Раскольников выходит на свободу больным, но не сломленным человеком, и женится на Сонечке, которая дождалась его. У них рождается мальчик, он вырастает и становится знаменитым писателем. Писателю я бы придал свои черты, свой характер, свои мысли. Это был бы своего рода автопортрет. Вот такая у меня была идея. Но обдумав всё, я от неё отказался. Оставил Фёдора Михайловича в покое. Тогда я прочитал все тома «В поисках утраченного времени» и загорелся сделать нечто подобное, но лучше.

— Вы читали Пруста? — он подозрительно посмотрел на Артура. — Каждый писатель обязан прочесть Пруста.

— Но я не писатель, — оправдался Артур.

— Всё равно, если вы не читали Пруста и Джойса, значит, вы не интеллигентный человек.

Артур пригорюнился и даже тихонько вздохнул, переживая, что он не интеллигентный человек. Писатель принял его расстройство за чистую монету и успокоил Артура.

— Ну не переживайте. Если вы здесь задержитесь, я вам дам книги. Вы сможете прочитать их и повысить свою образованность. Только запаситесь терпением. Оно вам понадобится при чтении этих авторов. Я вам советую начать с «Улисса». Если осилите «Улисса», можете подступить к «Свану».

Напоследок Артур поинтересовался:

— Как я понял, действие вашего романа происходит в России?

— Там будут и европейские главы, — Писатель задумался, — может быть, даже Индия. Но... Интересней всего жизнь в России. Я бывал в Европах — там скучно. Вы знаете, в Цюрихе нет мух — они все сдохли от скуки.

Вернувшись к Паскалю, Артур решил развеселить друга.

— Сколько будет дважды два? — лукаво прищурившись, спросил он.

— Это что — шутка такая? — недоумённо уставился на него Паскаль.

— Нет, просто, как оказалось, на этот счёт есть разные мнения.

— Дай догадаюсь. Особое мнение очевидно у Писака?

— Да, его раздражает таблица умножения. Она нарушает его свободу воли. Ему хочется, допустим, чтобы дважды два было пять, а таблица умножения говорит: «Фигушки! Дважды два — это четыре, хоть ты тресни!»

— Ну это полный бред! «Дважды два — четыре» — это не какая-то истина, это просто договорённость о словах. Две двойки назовём четвёркой — вот и всё.

— Вот уж кто здесь справедливо находится, так это Писака, — горячился Паскаль. — Он мне тоже поначалу вручил свою рукопись. Я начал читать и наткнулся на фразу: «на улице шёл мокрый дождь». Всё! Дальше я читать не стал.

— Ну а что здесь неправильно? — посмеялся Артур. — Разве дождь был сухой? Чисто формально всё логично.

— Ну и чем тебе Писака помог? — поинтересовался Паскаль.

— Ничем он мне не помог. Посоветовал почитать «Улисса».

— Святой Боже! — с нескрываемой иронией ужаснулся Паскаль. — Зачем тебе это мучение? «Улисс» — это «Камасутра» для писателей. Читателям там делать нечего. Их там не ждут.

Артур достал из кармана «визитку» и протянул её Паскалю.

— Попробуй, может быть, получится. Вся надежда на тебя.

Паскаль, заглянув в лицо Артура, взял «визитку» и положил в карман. После чего друзья отправились обедать.

После обеда Андрон позвал всех на проповедь.

Мессия стоял задумчивый, и начал говорить, глубоко вздохнув. Он начал спокойно, но постепенно выпрямлялся, загорался и голос его креп.

— Я хотел рассказать о работе, порученной нам Богом... Но понял, что вы не готовы... Нет смысла говорить с неверующими. Вы не враги мне. Вы враги сами себе.

— Кто-то может искать свои тайны в анатомическом атласе, — он посмотрел на

Андрона. — Кто-то будет искать механическую справедливость и бумажный закон, — он посмотрел на Судью.

— Я буду говорить с теми, кто считает себя верующим. Даже если их здесь нет. Я буду говорить о тупиках человечества.

— Приходят последние времена. Об этом свидетельствует культура, об этом нам говорят: постимпрессионизм, постиндустриализм, постмодернизм... Пришли времена пострелигии.

— Земные церкви слишком земные. Они приспособились к изменившимся обстоятельствам. Они корнями вросли в землю, они утратили связь с небом.

— Стоит ли винить стадо, если виновны пастухи? Были времена, когда церковь была храмом небесным, теперь это храм земной.

— Когда же это произошло? Тогда ли, когда золото появилось в храме? Золочёные ризы священников, золотые кресты на их груди, золочёные купола церквей — как всё это утяжеляет душу! Как ей взлететь под этим грузом?!

— Золото церквей, как тяжёлые камни, привязанные к ногам утопленника, тянут их на дно, на самое дно. Им никогда уже не увидеть Неба. Все они вещают от имени Бога — это бог утопленников, это бог идущих на дно...

— Если пастыри, как вековые деревья, вросли в землю, чего ждать от паствы? Даже те, кто считает себя христианами, забыли основы своей религии. Пресловутая «свобода личности» превращается в содомию. Уже забыто для чего Бог создал мужчину и женщину. Уже стираются всякие границы между ними.

— Выходят на улицы с разноцветными флагами, пляшут и поют. Величают ли так они Бога, празднуют ли Его возрождение?.. Нет! Своё отречение от Бога празднуют они. Своё радость Дьяволу выносят они на улицы.

— Кривое они называют прямым, уродливое называют красивым, больное называют здоровым. «Да! Так будет отныне!» — говорят они.

— Величием они именуют свою низость, гордостью величают своё падение, любовью называют своё скотство.

— Человек хочет быть свободным. Свободным — от кого? — от Бога? Разве это возможно?

Он выпрямлялся, и голос его поднимался вместе с ним. Испуганный голубь вспорхнул с его плеча и сел на подоконник.

— Поистине! — «свобода» написано на знамени Дьявола. Вот чем купил он вас. Свобода и деньги — вот его оружие.

— Я посмотрел на их деньги и увидел надпись: мы верим в Бога.

— Я посмотрел на их Бога и увидел надпись: я верю в деньги.

— Нет! Не такого Бога исповедую я!

Он кричал уже, протягивая руки.

— Скажете — безумец кричит в наши уши! Да! Настали последние времена, если истину кричат безумцы! Вернитесь! Вернитесь! Вернитесь к истокам!

— Хватит! — раздался гневный окрик.

Все обернулись. Это был Демон. Никто не заметил — когда он вошёл и стал сзади.

— Все вон!

Все застучали скамьями, торопясь на выход. Мессия остался стоять, не глядя на Демона. Тот презрительно смотрел на Мессию. Потом повернулся и вышел из комнаты.

Артур бродил по двору со смешанными чувствами. Проходящий мимо Поэт потянул Артура за собой.

— Пойдёмте, я вам кое-то подарю.

Они зашли в комнату Поэта. Она находилась в восточной башне.

— Так... Куда я её засунул? — оглядывал комнату Поэт в поисках «подарка».

Артур подошёл к столу. Взял рукопись, лежащую на столе. Это было несколько листков, исписанных мелким почерком. На первой строке было написано название — «попытка вечности». Пока Поэт что-то искал, Артур прочитал предисловие.

«Эта книга сугубо географическая. Она рассказывает о чудесной стране, известной с древних времён, но до сих пор неведомой многим. Словно сокрытая магическим заклинанием, она открывает свои тайные просторы не каждому, но избранным. Её не увидеть пустыми глазами, её не понять равнодушным сердцем. Даже многие мудрецы не верят в её существование, потому что никогда её не видели. Что же говорить об обычных людях? Они всю жизнь ходят мимо этой страны, не замечая её существования. Ибо каждый видит то, что может увидеть.

Каждый, кто однажды побывал в этой стране, кому открыла она свои тайны и красоту, уже никогда не забудет её. Раз за разом он будет возвращаться туда, чтобы вновь испытать восхитительное очарование, искупаться душой в прозрачных водах, почерпнуть силы и радость жизни.

Некоторые поселяются там навечно. Для этого не требуются формальности. На границах не стоят суровые люди в фуражках и с оружием. Но мало желающих и мало желаний, чтобы шагнуть за её границу. Это что-то внутри. И если этого нет, страна навсегда останется для вас нелепой выдумкой фантазёров. Никогда не увидите вам её во всей красе, никогда не ощутить на себе её очарования. Слепые души не видят света. Для тех, кто имеет глаза души, рассказываю я о великой стране под именем Поэзия.»

Поэт, наконец, нашёл «подарок» и протянул его Артуру. Это была чистая тетрадь.

— Самое большое богатство, которое у меня есть. Посмотрите на чистый лист. Здесь может появиться что угодно. Вы можете написать здесь сто имён Бога или семьдесят два ангельских имени. Вы можете написать здесь послание любимому человеку, а можете написать предсмертную записку. Вы можете написать поэму, которая прославит вас в веках, а можете написать донос на ненавистного человека. Белый лист — это возможность. Возможность сказать этому миру что-то своё. Это просто возможность, но возможность великая. Дарю её вам.

Артур поблагодарил Поэта, прижав руку к сердцу.

Во дворе он увидел сидящего за столом Адама, подошёл и сел рядом.

— Что это все такие напуганные? — спросил Адам, разгадывая шахматную задачу.

— Демон явился на проповедь и разогнал всех.

— Да? Я удивляюсь, что он не сделал этого раньше.

Адам достал что-то из нагрудного кармана и сунул в карман Артуру.

— Я достал для тебя электронный ключ от дверей. Не потеряй, возможно завтра он тебе понадобится.

— Почему не сегодня?

— Я ещё не закончил подготовительную работу. Надеюсь закончить завтра.

Он поднялся.

— Схожу к Хозяину. Надо его успокоить. Демон всегда его настраивает против меня.

— Что вы ему скажете?

— Он не знает, что второй дизель я уже починил. Скажу, что всё будет готово через несколько дней.

Адам пошёл к лестнице, но вернулся и, наклонившись к Артуру сказал:

— О наших планах никому ни слова.

— Даже Паскалю?

— Никому.

Адам ушёл. Артур рассмотрел ключ. Это был небольшой кусочек пластмассы, размером с банковскую карту. На одной из сторон была наклейка с логотипом: изображение башни замка, и ниже надпись — «PPC New Eden». Артуру не терпелось проверить ключ в действии но он переборол своё желание, и засунул его обратно в карман.

Посидев ещё немного, Артур отправился в сад, где встретил Паскаля. Тот ходил по поляне, заложив руки за спину, и, глядя в небо, задумчиво напевал:

«My name is Yon Yonson,

I work in Wisconsin...»

Он повернулся, увидев идущего Артура, и заговорил с ним, как будто продолжая внутренний разговор.

— Когда-то я много думал о смысле жизни, о роке, преследующем человека. Вылилось это в следующие строки:

«Сколько б не было охоты,

Ты не найдёшь ответы,

Хоть расшибись совсем:

Ты не узнаешь — кто ты?

Ты не ответишь — где ты?

Ты не поймёшь — зачем?»

— Человек обречён жить, не зная ответы на эти сокровенные вопросы; подобно слепому щенку, спотыкаясь и ударяясь, нащупывать путь в кромешной тьме.

— Религия отвечает на эти вопросы, — возразил Артур.

— Да, да... — задумчиво произнёс Паскаль. — Но вера не есть знание. Если знаешь незачем верить. Ты уже знаешь. А если не знаешь, остаётся верить. Придумать и верить в придуманное... И потом, истинно верующих, глубоко и искренне, не так уж и много. Большинство живёт не задумываясь, не страдая от неразрешённости важнейших для человека вопросов. Живёт — как живут дерево, трава, птицы, звери... Но если мысли об этом не покидают меня, и я не верю, что кто-то за меня уже всё решил, что делать тогда, как жить? Как жить, не зная — зачем ты живёшь?.. А ведь как-то жил, плыл по течению, чувствуя, как жизнь уходит, словно песок сквозь пальцы. И понимал, что живу — зря, потому что, не зная — зачем? — ты живёшь зря. Это не жизнь, это существование. И единственное, чем отличался я от других, бывших рядом со мной, это то, что меня все ещё мучали эти вопросы, о которых другие давно забыли...

Он схватил Артура за руку.

— Ведь что поразительно. Ты приходишь в этот человеческий мир, существующий уже десятки тысяч лет, и понимаешь, что за все эти десятки тысяч лет все эти сотни поколений так и не решили для тебя главный вопрос: кто ты есть в этом мире? зачем ты здесь?.. Ты понимаешь, что тебе предстоит начать с белого листа. Ты один на один с тем, что не смогли разрешить миллиарды людей. Вот где ужас...

Он отпустил руку Артура и посмотрел вверх, на плывущие облака.

— Нет никого, кто знает Истину. Не было, нет и, подозреваю, что не будет и в будущем. Человечество обречено жить своими фантазиями, в своём виртуальном мире, ничего не понимая о мире реальном, где само человечество, может быть, всего лишь пылинка, несомая ветром.

¶

Тринадцатый день

Благие намерения ведут в Ад.

Артур плохо спал в эту ночь и поднялся на ноги с ранним рассветом. Чтобы взбодриться, он решил искупаться в океане. Воспользовавшись электронным ключом, он спустился по лестнице и вышел из Замка. Прошёлся по берегу и вдруг увидел человека.

У кромки воды на белом камне сидел Мессия. Артур удивился — совсем не ожидал он встретить тут его. Он подошёл и присел рядом. Минуту они помолчали, потом Мессия спокойным и даже потухшим голосом заговорил:

— Мне запретили проповедовать. Хозяин сказал, что мои проповеди плохо влияют на больных. Он потребовал от меня отказа от проповедей, обещая иначе запереть меня в комнате. И я смалодушничал, я согласился...

Они снова помолчали. Мессия задумчиво перебирал чётки, смотря себе под ноги. Потом он поднял голову и продолжил:

— Какие главные новости в человеческом мире? Их две: прогноз погоды и курс валют. Все остальные новости сиюминутны, а эти непреходящи, как вечные ценности человечества.

— Земля притягивает человека. Она порождает его и возвращает в своё лоно.

— Человек живёт как трава. Но если траве не дано оторваться от земли, человеку это иногда удаётся.

— Проблема в том, что любой прыжок заканчивается падением. И чем выше прыжок, тем большее падение. Земля ревнива к своей собственности. Она наказывает за попытку к бегству.

— История Икара вносит коррективы в известную поговорку: рождённый ползать, летать не может. Рождённый ползать может летать. Но будет за это наказан.

— Однако всегда существовали люди, которых это не пугало. Есть в душе человека сила более властная, чем жажда существования — это жажда жизни. Жизнь как альтернатива существованию.

— Свеча может пролежать сотни лет в укромном уголке, а может сгореть за час. Жизнь — это горение. Существование есть только предусловие жизни.

— Жизнь неотделима от смерти. Что горит — сгорает. Жизнь не боится смерти. Боится смерти существование.

— Человек желает счастья. Это так естественно, что многие считают его смыслом жизни. Просто счастье все понимают по-разному, отсюда и разные смыслы. Можно говорить о счастье травы. Но счастье горящей свечи безмернее, хотя трава об этом может не знать.

Он замолчал, глядя на восстающее из океана солнце.

— Как вы вышли из Замка? — спросил Артур.

— Через стену в саду.

— А-а! Знаю это место. Но обратно вы там не сможете залезть.

— А я не хочу обратно. Я хочу... — он замолчал.

Артур взял его за руку.

— Пойдёмте, я проведу вас в Замок. Если вас увидят здесь, вас снова запрут.

Мессия с тоской в глазах посмотрел на Артура.

— Зачем мы здесь? Зачем мы длим своё существование? Если невозможна жизнь,

следует выбрать смерть.

Он встал и пошёл в воду. Артур вздохнул и, сняв рубаху, пошёл следом. Когда вода была уже по пояс, Мессия остановился.

— Оставьте меня! — приказал он.

— Я не дам вам утонуть.

— Оставьте меня!! — повторил Мессия.

— Слушайте, считайте, что вам сегодня не повезло. Сегодня я вам не дам умереть.

Давайте, вы это попытаетесь сделать как-то в другой раз.

В Замок они вернулись вдвоём.

Открыв дверь в свою комнату, Мессия остановился и, посмотрев в небо, сказал:

— Как синяя стрелка компаса неудержимо поворачивается к северу, так душа моя неудержимо поворачивается к Господу.

И закрыл за собой дверь.

Артур тоже пошёл в свою комнату, вспомнив, что он ещё не завтракал.

Через полчаса он снова вышел во двор.

К нему подошёл Адам, взял его под локоть и повёл по коридору.

— Сделай вид, что мы просто гуляем. Мне надо тебе кое-что сказать, а в комнатах у стен есть уши.

Они сделали один круг по коридору, прежде чем Адам начал говорить.

— Я закончил настройку телепорта. Мы можем сегодня же ночью покинуть Замок.

— Вдвоём?

— Да. Надо спешить. Демон ходит за мной по пятам, кажется чего-то подозревает...

Мне нужно знать — ты согласен или нет. Да или нет?

— Конечно, да! Но...

— Но?..

— Я считаю, что мы должны взять с собой Паскаля.

— Ты говорил ему?

— Нет. Я обещал вам, что никому не скажу. Но, мне кажется, он согласится.

— Чем больше людей вовлечено, тем выше вероятность провала. Если нас схватят, в следующий раз сбежать будет гораздо труднее. Ещё раз — ты со мной?

— Да, — тихо ответил Артур.

— Тогда сегодня ночью ты должен быть в мастерской. По лестнице иди осторожно, не буди Демона. Всё! Жду тебя в полночь.

— Как я узнаю, когда будет полночь?

Адам снял с руки часы и сунул их Артуру в карман. Пару минут они прогуливались молча. Артур задумался. По нему было видно, что что-то тяготит его. Наконец он сказал:

— Мне кажется, мы с Паскалем близки к тому, чтобы стать друзьями. Мне не хочется оставлять его здесь.

— Паскаль — хороший малый, но он болен, — понимающе кивнул Адам. — Я наблюдаю его уже год, что нахожусь здесь. Молодая жизнерадостная энергия чередуется с приступами депрессии, как прилив и отлив. На него трудно положиться, поэтому я не хочу брать его с собой.

Потом они прошли в комнату Адама в Замке. Это была такая же комната, как у Артура,

только в западной башне. На входной двери белой краской была нарисована цифра восемь.

Они зашли в комнату. Артур огляделся — комната была очень похожа на его комнату. Только слышался какой-то мерный гул. Видя, как Артур озирается в поисках источника шума, Адам кивнул.

— Прямо под моей комнатой, в подвале, работает дизель-генератор. Аж пол вибрирует. Это меня здорово раздражало, пока я жил здесь. Тебе повезло, что твоя комната в другой башне Замка.

Пока Адам разбирал свои вещи, Артур подошёл к книжной полке и стал рассматривать книги.

— Я у себя нашёл, — сказал он, — одну забавную книгу. Называется — «Собрание возможных миров». По вечерам читаю её.

— Ну и что пишут?

— Разные представления людей о том, как устроен мир.

— А он устроен? По-моему, проблема как раз-таки в том, что он не устроен...

Артур мысленно согласился. Он сел на стул возле столика, посмотрел на Адама и спросил:

— Адам, а как вы относитесь к «Сокровенной Книге» Паскаля?

— Да ерундой он занимается. Лучше бы манускрипт Войнича расшифровал.

— Ну! — это ему не интересно. Все уже сошлись на мнении, что это средневековый учебник фармакологии. Паскаль ищет книгу Бога, хоть и не считает себя верующим... А разве учёные, со своей «Теорией всего», не ищут то же самое?

— Знал бы ты, сколько было на моей памяти этих «Теорий всего»! Они надувались и лопались, как детские шарики.

Артур взял с полки затрёпанную книжку «Туманность Андромеды» Ефремова.

— Читаете нашу фантастику? Наверно забавно для вас?

Адам посмотрел в его сторону и улыбнулся.

— Мне нравится фантастика. Она поднимает настроение. Её нельзя читать без улыбки. Это единственный вид литературы, который меняет со временем свой жанр. Из научно-фантастической она становится юмористической.

— Что, так всё плохо? — с иронией спросил Артур.

— Люди летят в звездолётах, воюют с инопланетянами, по-прежнему влюбляются и рожают детей... Конечно смешно... Будут и звездолёты, и другие миры. Вот только летать в этих звездолётах будут уже не люди.

Артур рассеянно стал листать книгу.

— Можно серьёзный вопрос? — спросил он.

— А до этого все были несерьёзные? — улыбнулся Адам. — Конечно можно.

— Есть ли у человека душа? Пусть не бессмертная, но душа? Или человек, как считает Андрон, — биологический механизм?

Адам задумался.

— Это вопрос из разряда — есть ли на свете Бог? Оба возможных ответа недоказуемы... Душа... Как по-твоему — есть душа у животных, у птиц, у рыб?

— Иногда мне кажется, что есть.

— А у компьютера, который обыграл чемпиона мира по шахматам?

— Нет! — возмутился Артур. — Компьютер — это железяка, как говорит Сократ про ноутбук Паскаля. Станислав Лем сказал: «компьютер, обыгравший чемпиона мира, не знал,

что он играет в шахматы, и не знал, что он выиграл».

— Вот-вот... — покачал головой Адам. — Сэйны, сменившие людей и эмэнов, — это те же компьютеры, только с руками и ногами. Они не знают слова «душа». А те немногие из них, кто изучал историю человеческой цивилизации, знают, что это одна из человеческих иллюзий.

— Самое печальное, что формально Андрон прав, — продолжил он. — Даже в ваше время, это хорошо видно по тому, как искусственный разум начинает обгон человека. Компьютеры уже сочиняют музыку, пишут стихи, водят машины, играют в шахматы и го. Многие они уже делают лучше человека. Со временем, они будут всё делать лучше человека. Человек в этом мире станет не нужен. Он будет сопротивляться, но он обречён. Он погибнет не потому, что злой искусственный разум его поработит, он погибнет потому, что станет ненужным, — бесполезной вещью, без которой в мире можно обойтись... Компьютеры лишают человека, придуманного им, божественного происхождения. Они ставят его в ряд вещей, и в этом ряду человек сильно проигрывает в сравнении. Компьютеры не стесняются того, что они вещи. Они доказывают человеку, что и он — вещь, и вещь бесполезная... В этом есть какая-то ирония. Надо было создать искусственный разум, чтобы он доказал тебе, что ты такой же, только хуже.

— Вы не считаете себя личностью? — растерянно спросил Артур.

— Я-то как раз считаю... Наука не считает меня личностью.

— Тогда к чёрту эту науку!

— Вижу живого человека, — засмеялся Адам. — К чёрту послать науку не легко. Мы сильно зависим от неё.

— Для науки человек уже не является «чёрным ящиком», — продолжил он. — Она готова рассчитать человека, как биологический механизм, показать, как сигналы органов чувств трансформируются в биокomпьютерном мозгу в ответные сигналы, которые мы, ничтоже сумняшися, считаем проявлением своей свободной воли. Наука уже свергла человека с его постамента создания Божьего, с уникальной душой и правом на бессмертие оной. Единственное, что остаётся человеку, это послать науку к чёрту. Можно вежливо: «вы, госпожа Наука, конечно умная тётя, и мы прислушиваемся к вашим советам, но насчёт нас вы, ей-богу, заблуждаетесь».

— Человек нормальный, — продолжил он, — про Андрона не говорим, до конца будет сопротивляться мысли, что он — биологический механизм. Признание себя механизмом, для человека равнозначно самоубийству. Никому не интересны переживания какого-то «механизма»... Человека делают его иллюзии, его вера. Никуда не уйти от веры. Это может быть вера в одно, в другое, в пятое-десятое, но без неё не обойтись.

— И во что верите вы?

— Это долгий разговор. Давай не будем сейчас об этом. Ограничимся тем, что «механизмом» я ни себя, ни тебя не считаю.

— А Андрона? — заулыбался Артур.

— И его тоже. Слишком сложен, даже для сложного механизма. Зачем, спрашивается, «механизму» заботиться о, грядущей за нами, муравьиной цивилизации?

Адам застегнул сумку, повесил её на плечо и оглядел комнату, словно прощаясь с ней.

— Идём! Нас ждут великие дела, — с лёгкой иронией сказал он.

Они вышли из комнаты и Адам закрыл дверь.

— Почему у вас на двери цифра восемь? — поинтересовался Артур. — На других дверях

нет номеров.

— Может быть, я — китаец? — усмехнулся Адам. — Они любят цифру восемь.

— На китайца вы не похожи, — засмеялся Артур.

— А я латентный китаец, — продолжил шутку Адам.

— Нет, серьёзно — что значит эта цифра?

— Это мой талисман. Расскажу как-нибудь потом. Мне надо идти. В полночь жду тебя, как договорились. Смотри, не проспай.

Они попрощались. Адам отправился в мастерскую, а Артур сел за столом рядом с «Мыслителем» и задумался.

Солнце стояло уже высоко. Во дворе никого не было, только Сократ совершал свою обычную прогулку с невидимым собеседником. Сидя за столом, Артур долго думал. Чёрный кот лежал на траве, старательно вылизывая бока и лапы. Наконец, Артур принял решение, встал и пошёл к комнате Паскаля. Дверь была не заперта, но в комнате Паскаля не было. Артур подошёл к Сократу и тронул его за руку. Сократ остановился, посмотрел на Артура и спросил:

— Если человек не помнит свои предыдущие жизни, может ли он рассчитывать на последующие?

Повернулся и пошёл дальше. Артур снова догнал его, взял за руку и, прежде чем тот заговорил, протолкнул свой вопрос:

— Вы не знаете — где Паскаль?

Сократ на секунду задумался.

— Они с Андроном пошли в сад, собирать яблоки.

Артур отправился в сад. Паскаля он нашёл на полянке. Тот лежал в траве, закинув руки за голову и мечтательно глядя в небо. Артур сел рядом.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори.

— Обещай, что это останется между нами.

— Что такое? Ты хочешь рассказать мне страшную тайну?

— Нет, без шуток... Есть возможность бежать отсюда. Я предлагаю тебе побег.

— Побег? Куда — в океан? На рыбацкой лодочке с вёслами? Ты серьёзно?

— Нет, не на лодке, и не на большую землю, а ещё дальше.

— Ещё дальше? Это на Луну или на Марс?

Паскаль сел и смотрел на Артура с улыбкой.

— Выслушай меня серьёзно, — Артур волновался. — Адам сделал машину времени, и сегодня ночью мы с ним отправимся в прошлое. Я предлагаю тебе бежать с нами.

Паскаль посерьёзnel.

— В прошлое? Почему в прошлое?

— Не знаю, так решил Адам. У него там есть какие-то дела.

— А впрочем — какая разница! Лишь бы подальше от гнезда кукушки. Я бы с удовольствием сказал «спасибо за рыбку» и свалил отсюда куда угодно, хоть на край Вселенной.

Артур обрадовался.

— Вот хорошо! Тогда сегодня вечером, когда взойдёт луна, приходи в мою комнату. В полночь мы выйдем из Замка. У меня есть электронный ключ от дверей.

На поляну вышел Андрон с корзиной яблок и разговор закончился.

Вернувшись во двор, они перебрали собранные яблоки. Мелкие переложили в одну корзину, крупные в другую.

— Мелкие пойдут на компот, — объяснил Андрон. — А крупные я порежу на дольки и повешу сушиться на нитку — зимой тоже будет компот.

— У нас зиму отменили, — меланхолично заметил Паскаль. — Приказом Хозяина.

— Но зима от этого не исчезла, — резонно ответил Андрон.

— И вообще здесь всё верх дном, — также меланхолично добавил Паскаль. — То, что мы называем зимой, здесь называют летом.

Сзади подошёл Демон и положил руку на плечо Артура.

— Хозяин хочет поговорить с тобой.

Они пошли к лестнице. Демон открыл дверь и молча указал рукой наверх. Артур пошёл вверх по лестнице, ощущая на спине тяжёлый взгляд Демона. Поднявшись на третий уровень, он сразу увидел Хозяина. Тот стоял в коридоре, напротив своего кабинета и задумчиво смотрел в окно. Артур подошёл, и Хозяин повернулся к нему.

— Вот уже десять лет я не покидаю остров, десять лет не был на большой земле... Иногда так хочется вспомнить молодость, пройтись по знакомым с детства местам. Но потом понимаю, что это невозможно. «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды.» Там уже всё поменялось... Другие люди, другие дома, другие времена — всё другое. Нельзя вернуться в детство. Лучше и не пытаться.

Он открыл дверь в свой кабинет и зашёл. Артур зашёл следом.

Они уселись в кресла и некоторое время молчали. Хозяин рассматривал какие-то бумаги на столе.

Наконец Хозяин с лёгкой улыбкой внимательно посмотрел на Артура. Потом взял сигарету, прикурил, откинулся в кресле и мечтательно произнёс:

— Эх, молодость, молодость! Сколько чудес обещает она нам. Приятно вспомнить и грустно понимать, что она уже не вернётся.

Он, с видимым удовольствием, предался воспоминаниям.

— В молодости я любил ездить поездом. Лежишь на верхней полке, смотришь в окно — мелькают поля, реки, деревья... И этот завораживающий, магический стук колёс. Ты-дым, ты-дым, ты-дым, ты-дым, ты-дым... Ритмичный, успокаивающий, дающий уверенность, что ты куда-то едешь, и там, куда ты едешь, конечно всё будет ещё лучше, ещё прекрасней... Не так ли и мы на нашей Земле едем куда-то в будущее в общем плацкартном вагоне, и мечтаем, что там в этом прекрасном будущем наше счастье?.. А некоторым вот неймётся, — он снова посмотрел на Артура, — бегают по коридору, беспокоят сонных пассажиров: «Скажите, а куда мы едем? Куда идёт поезд?» Пока не найдётся мудрый проводник, который ответит им: «Не знаю. Да какая вам разница? Всё равно вы все сходите раньше.»

Артура смутил ироничный взгляд, направленный на него. Он не понимал к чему клонит Хозяин.

Хозяин неожиданно поменял тему.

— Я заметил, вы сблизились с Адамом. Что он вам рассказывал о себе?

Артур замялся.

— Ничего особенного... Нет, он рассказывал о будущем. Как ему там было неуютно, и

он решил отправиться в прошлое.

— А зачем он отправился в прошлое — он вам говорил?

— Нет. Об этом ему явно не хотелось говорить.

Хозяин задумался.

— Тёмный для меня человек, этот Адам. Не понимаю я его намерений, и не могу ему довериться... Что вы делали в его мастерской?

— Пили чай, разговаривали. Он показал какое-то странное устройство и сказал, что это новый источник энергии, который может заменить дизель-генератор в Замке.

Хозяин испытующе глядел на Артура, и было непонятно — верит ли он ему?

— Вы не умеете врать, — в конце концов сказал он. — Когда врёте, глаза прячете.

Он хитро улыбнулся.

— Знаете поговорку: «врёт на голубом глазу»? Вот этого умения у вас нет. Ну ничего, может быть ещё научитесь.

В дверь постучали. Хозяин поднял голову. Дверь приоткрылась и заглянула Офелия.

— Вы здесь? Пойдёмте обедать. Артур, мальчик мой, ты почему не бреешься? У тебя сломалась бритва?

Артур покраснел и не нашёлся — что сказать?

— В самом деле, молодой человек, вы себя запустили, — пожурил Хозяин.

Он достал из ящика стола электрическую бритву и положил её перед Артуром.

— Мы сейчас придём — сказал он Офелии.

Офелия прикрыла дверь, а Артур, найдя розетку, побрился первый раз с тех пор, как попал в Замок. После этого он с Хозяином направился, в уже знакомую ему, столовую.

За столом Хозяин был словоохотлив. С аппетитом вкушая еду, он рассказывал забавные случаи из своей практики.

— Вы интересуетесь философией? — спросил он Артура. — Я люблю философию... Религия омрачает ум человека, а философия раскрепощает его. Философия — это жизнь ума... У нас тут был забавный больной — простой крестьянин, спокойный, молчаливый. Банальный ум, про таких говорят: двух слов связать не может. Так у него тоже была своя философия. Иду я как-то по двору, смотрю — сидит на скамье, перед ним ведро с водой, а в ведро он закинул удочку. Я заглянул в ведро — ничего, кроме воды, там нет. Спрашиваю: что, рыбак, много сегодня поймал? Он посмотрел на меня, поджал губы и с грустью сказал:

— «Не клюёт!.. Я свежий хлебный мякиш на крючок насадил. Не клюёт, зараза! Надо бы червей накопать, тогда обязательно клюнет!»

Хозяин засмеялся.

— Мне потом другой врач разъяснил, что всё не так просто... Тут не просто сумасшествие, тут философия! — он поднял указательный палец вверх. — Всякое сумасшествие имеет свою философию. И наоборот... Он ведь как считает? Всё на свете должно иметь свой смысл. Смысл удочки ловить рыбу. Если отнять у неё это, то вообще непонятно, что она такое и зачем она существует?.. И не важно — есть ли в ведре рыба? Важно, что удочка имеет смысл.

Хозяин закончил с супом и взял тарелку с картофельным пюре и котлетами. Офелия ласково смотрела на Артура, пододвигая ему всё, что было на столе.

— Философией наполнено всё, — продолжил Хозяин. — Есть философия бумажная, заумная, а есть философия бытовая, земная. Есть даже философия приготовления пищи...

Человек такое существо, любит пофилософствовать.

Он налил себе вина.

— Философия и наука — две сварливые сестры, ревнующие друг к другу. Философия прикидывается наукой, но втайне посмеивается над ней. Наука же презирает философию за её книжность и требует вещественных доказательств. Тем не менее сестры неразлучны и неплохо друг друга дополняют... Наука с философией связаны, как телега и лошадь. Но учёные спорят с философами — кто из них лошадь?

— Спасибо, дорогая, — Хозяин поднялся из-за стола. — Ева уже покушала?

— Да, я её уже покормила, — ответила Офелия и принялась убирать со стола.

— Спасибо, матушка, — сказал Артур, и Офелия светло улыбнулась, даже морщинки на мгновение разгладились.

Хозяин с Артуром вернулись в кабинет. Хозяин удобно уселся в кресле и закурил.

— Я расспрашивал Адама о будущем... Интересно всё же — куда мы движемся? Он недоволен тем, куда ушла цивилизация... А мне хотелось бы самому посмотреть на всё... Но жить я бы там тоже не захотел.

Он вздохнул.

— Обидно, что для будущих людей мы, возможно, всего лишь бесхвостые обезьяны. Вот хотел у него спросить, да забыл — есть ли в будущем зоопарки? И есть ли в этом зоопарке клетка с надписью: «*homo sapiens*»?

Потушил сигарету и посмотрел на Артура.

— Вы бы хотели жить в будущем?

— Я бы хотел жить в понятном мире, и неважно — в каком времени, — ответил Артур.

— Мир предельно понятен, для меня во всяком случае, — парировал Хозяин.

— «Предельно понятен»? Это значит — впереди у нас только черви?

— Ну не знаю — как у вас? А у меня впереди — только рыбы. Я завещал похоронить себя в океане... «Бог стал человеком, а человек рыбой.» Всё нормально. В мире есть порядок. Он нам может не нравиться, но он есть... Рыбу поймает другой человек, съест, и рыба вновь станет человеком... Круговорот человеко-рыбы в природе.

— И вы... не верите в бессмертие души? — тихо спросил Артур.

Хозяин удостоил его взглядом, полным сожаления.

— Я верю в Разум... Как бы забавно это не звучало из уст врача психиатрической больницы.

Он размял с хрустом пальцы и вдруг неожиданно для Артура спросил:

— Скажите мне, — что лежит на круглом столе?

Артур озадаченно стал озираться, оглядывая комнату.

— На каком столе? Я не вижу никакого круглого стола.

— Удивительно, правда? Вы не видите то, что от вас всего в нескольких шагах, вот за этой стеной, в соседней комнате. Хотите, скажу почему? — вас там нет.

— Ну и что?

— Ничего. С этим трудно поспорить, да вы и не спорите. Вы считаете это понятным, и оно не печалит вас. Ну, так будьте последовательны. Если вы уверены, что всего через несколько метров — вас нет, вам придётся признать, что всего через несколько лет — вас тоже нет. Это принцип: конечность конечного. Иначе говоря, конечное в пространстве не может быть бесконечным во времени. Если хотите найти себя после смерти, для начала

найдите себя в соседней комнате.

— Меня тошнит уже от ваших разговоров о Боге, — продолжил он. — Я смотрел это ваше судебное заседание, как комедию абсурда... Вольтер говорил: «если бы не было Бога, его следовало бы выдумать». А я говорю: если бы Бог был, ему следовало бы поставить двойку и выгнать из класса — за это убогое сочинение.

Он очертил рукой всё мироздание.

Артур пожал плечами.

— Я не считаю мир убогим. Он прекрасен. Жесток, но прекрасен.

Хозяин решительно поднялся.

— В вашем возрасте и я так считал. Не буду вас больше задерживать, — и указал на дверь.

Артур вышел из кабинета и закрыл дверь. Он уже хотел уходить, но заметил стоящую в коридоре Еву. Она пристально смотрела на него, а потом поманила рукой. Артур подошёл к ней. Ева взяла его за руку и завела в комнату.

Это была детская комната — просторная, светлая, окрашенная в голубые и розовые тона. На полу лежал мягкий, ворсистый ковёр. На окне колыхались на ветру лёгкие тюлевые занавески. На столе, под окном, стояла ваза с фруктами. Напротив стола, у стены, на деревянном комодe стоял большой, узкий, но длинный аквариум, где в причудливых водорослях плавали разноцветные рыбки. Верхняя подсветка делала картину просто волшебной. Артур невольно залюбовался и представил — как ещё чудесней это выглядит ночью, в темноте; как Ева перед сном наблюдает уже лёжа в кровати этот волшебный мир. Ему по-хорошему стало завидно.

Ева уселась на кровать, болтая ногами. На кровати, прислонившись к стенному ковру, сидели две красивые куклы. Одна была в подвенечном платье, с ажурным венчиком на голове, другая напоминала Лару Крофт, с ковбойской шляпой за спиной, с кольцом на боку.

— Это Лара, — тут же подтвердила его догадку Ева. — Она серьёзная и строгая. А это Элис, — она показала на невесту, — Она болтушка и хохотушка. Они такие разные. Но они дружат вместе и со мной. Они родились и жили в Америке, а теперь живут у меня.

Ева влюблённо смотрела на своё богатство.

— Я их обеих люблю и кладу спать с собой, хотя папа ругается.

Она залезла на кровать с ногами, усевшись между подружками. Артур присел на стул рядом.

— Ты рассказываешь им сказки? — Артур вспомнил про «снежную королеву».

— Не-ет! Они уже взрослые девушки. Я им рассказываю свои сны. А они мне рассказывают свои.

— И что снится Элис и Ларе?

— Элис снятся цветные сны, а Ларе — чёрно-белые. И каждый сон они проживают новую жизнь. Вот вчера Элис снилось, что она вышла замуж за короля Артура и уехала в Англию.

— Король Артур наверно уже старенький? — засмеялся Артур. — Он родился очень давно.

— Никакой не старенький — ты всё путаешь! Он живёт в большом замке, больше, чем наш, и у него большой круглый стол, вокруг которого сидят рыцари. Такие, как на картинках в книге, что я читала.

— Ну а что снится Ларе?

— Ей снятся приключения. Вчера она организовала новый крестовый поход, чтобы освободить Иерусалим от сарацинов.

— От сарацин, — автоматически поправил Артур. — Так вроде уже освободили давно? — удивился он.

— Не давно, а вчера. Вот Лара и освободила.

— Ну слава богу! Надеюсь, на этом крестовые походы закончатся... А что снится тебе?

Ева призадумалась.

— Мне снилось, что я умерла... а потом родилась заново. Вроде бы в этом же Замке, но вокруг почему-то леса и поля, а по ним скачут всадники, и хотят захватить наш Замок. Я испугалась и быстро проснулась...

— Какая насыщенная у тебя жизнь во сне...

— Мама говорит — это у меня душа растёт. Во сне она проживает много жизней.

Ева спрыгнула с кровати, подошла к столу, взяла из вазы две груши. Одну протянула Артуру, со второй снова залезла на кровать.

— Давай сыграем в города и страны, — предложила она. — Ты называешь город или страну, а я называю другое, на последнюю букву твоего слова. Начинай!

— Лондон — сказал первое, что пришло в голову, Артур.

— Номэн, — тут же ответила Ева.

— Это страна или город? — удивился Артур.

— Это большой город на реке Слоувотер. Там живут все животные, и кошки, и собаки, и тигры, и медведи, только люди там не живут... Не отвлекайся, давай на букву «Н».

— Никарагуа, — выдал Артур.

— Аверленд, — не задумываясь ответила Ева.

— Аверленд? А это ещё что?

— Это страна такая на острове. Там живут звери и глэды — весёлые, добрые карлики, вроде гномиков, только добрее. Вот у меня её карта висит, — она указала на листок бумаги, прикреплённый возле кровати.

Артур поднялся посмотреть на него. Цветными карандашами на листке был нарисован остров причудливой формы, похожий издали на конскую голову. По острову текли голубые реки. Вдоль них простирались тёмно-зелёные леса и коричневые горы.

— Я не знаю эту страну, — сказал Артур, рассматривая «карту». — Значит, я проиграл... А ты красиво рисуешь.

— Меня Маркус учил, я ему за это цветные карандаши подарила и бумагу.

— И где тут город Номэн?

— Да вот же он — посреди острова! — показала пальцем Ева.

— И как там звери живут, не обижают друг друга?

— Нет, они мирные! В реке много рыбы и все звери сытые.

— Ну, рыбная диета может и надоест, — подумал Артур, но сказал совсем другое.

— Возможно в моём детстве тоже был свой остров, я уже не помню... Наверно у каждого маленького человека есть свой таинственный остров, своя таинственная страна, где звери могут жить мирно в одном городе, где живут маленькие, добрые глэды, где голубые реки, зелёные леса и высокие горы, где только радость и жизнь без конца и без края. Но... Когда маленький человек вырастет, его таинственный остров уходит под воду.

— Как Атлантида? — выдохнула Ева.

— Да, как Атлантида. Человечество ведь тоже было маленьким, и у него тоже был свой таинственный остров. А когда человечество повзрослело, остров ушёл на дно океана, и найти его теперь нет никакой возможности.

— Значит, не надо взрослеть, — сделала вывод Ева.

Попрощавшись с Евой, спускаясь вниз по лестнице, Артур случайно опёрся на решётку двери второго уровня, и она зашаталась. Дверь оказалась не заперта. Он не удержался от искушения и зашёл на второй уровень, прикрыв за собой дверь. Дверь привычно щёлкнула. Артур тут же попробовал её открыть — теперь дверь была заперта!

— Ну вот! Попался в клетку, — мелькнуло в голове.

Прислушавшись к тишине, он осторожно пошёл по коридору. Слева от него сквозь окна падал свет, справа находился ряд дверей в комнаты. На первой из них он увидел нарисованное белой краской колесо, похожее на штурвал корабля. Пройдя дальше, на второй двери он увидел нарисованный полумесяц со звездой. Подходя к третьей двери, он уже знал — что нарисовано на ней. Так и есть! На третьей двери был нарисован крест. Артур подёргал ручку двери — дверь была заперта. Пройдя ещё дальше, он увидел на следующей двери шестиконечную звезду, ещё дальше — символ инь-ян, ещё дальше — крылатый диск Солнца. Тяжело вздохнув, он повернул назад к входной двери.

Вдруг он услышал шум — кто-то поднимался по лестнице. Артур припал к стене, пытаясь слиться с ней. С огромным облегчением он увидел Адама. Кинулся к нему.

— Адам! Откройте дверь, вытащите меня отсюда!

Адам явно был удивлён.

— Какого чёрта! Что ты здесь делаешь?

— Дверь была не заперта, я зашёл, а она захлопнулась.

— А где тот ключ, что я тебе дал?

— Я оставил его в комнате, спрятал на полке среди книг.

Неодобрительно качая головой, Адам приложил электронный ключ к двери и открыл её.

— Если Хозяин узнает, запрет тебя в твоей комнате. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали — слышал такое?

— Да я не знаю — как это случилось? Попался, как в мышеловку.

— Ладно, идём вниз — я тебя выпущу.

Выпустив Артура, Адам шутливо погрозил ему кулаком и пошёл по лестнице вверх.

Подойдя к столу, за которым работал Писатель, Артур заметил, что тот неуклюже, с заметным усилием, пишет левой рукой.

— Что с вами? Вы стали левшой?

— Это моё ноу-хау, — поднял голову Писатель. — Я заметил, что левой рукой пишет другой человек во мне. Подумав, я понял, что в этом есть логика... Вы знаете, что у человека два полушария мозга, и каждое обладает определённой автономностью. Когда я пишу правой рукой, думает левое полушарие, а правое занято письмом. Когда пишу левой рукой, всё наоборот. В итоге я обретаю дополнительный творческий потенциал. У меня как бы появляется соавтор.

— Ну надо же! Поздравляю! И как соавторы ладят друг с другом?

— Когда я перечитываю написанное, работают оба полушария, и это уже третий человек — критик. Он проводит окончательную обработку текста и разрешает все

противоречия.

— Хорошо вы устроились! Втроём пишете, значит... Если когда-нибудь займусь писательством, обязательно использую ваш опыт.

— Упаси вас бог — становиться писателем!

— Бойтесь конкуренции? — хитро прищурился Артур.

— Спасая вас от беды. Вы думаете, жизнь писателя — сахар? Как бы не так! Этот роман я уже начинаю тихо ненавидеть. Он преследует меня даже во сне. Пока не поставлена последняя точка, я не могу думать ни о чём другом. А до последней точки ещё очень далеко.

Он загрустил и вздохнул.

— Нет, даже и не думайте вступать на этот путь. Лучше бы я послушался отца и стал адвокатом. А теперь уже поздно что-то менять, жребий брошен.

Из душевой вышел Поэт, в шлёпанцах и трусах. На плечи его было накинуто большое махровое полотенце.

— Артур, можно вас попросить? — обратился он к проходящему мимо Артуру.

— Да, что такое? — с готовностью откликнулся Артур.

— Посмотрите — что у меня под лопаткой? Так чешется уже третий день!

Он повернулся к Артуру спиной и сбросил полотенце с плеч.

— Ну... — внимательно всмотрелся Артур. — Есть какие-то красные пятнышки, похожие на крапивницу. Может быть, у вас аллергия?

— Отродясь у меня не было аллергии! — возмутился Поэт. — А под другой лопаткой тоже есть?

Артур снова всмотрелся.

— Есть, но поменьше.

Поэт выпрямился, набросил на плечи полотенце и торжественно гордо произнёс:

— Началось!.. Я так долго этого ждал.

— Чего вы ждали? — не понял Артур.

— У меня растут крылья! — взмахнул руками Поэт. — Я мечтал об этом с детских лет и вот — наконец! Господь услышал мои молитвы.

— Вы хотите стать ангелом при жизни? — с добродушной иронией спросил Поэта Артур.

— Ангелом?.. — Поэт призадумался. — Вообще-то я хотел быть птицей. Но... ангелом, так и быть, — согласен!

Вечером, после ужина, Артур зашёл к Паскалю и увидел, что он снимает со стены репродукции картин.

— Что такое?! Они тебе разонравились?

— Так мы же... — сказал Паскаль и осёкся, невольно посмотрев наверх.

— А! Понимаю! — сказал вполголоса Артур. — Ты хочешь забрать их с собой.

Паскаль кивнул в ответ.

— Я уже привык к ним, — так же вполголоса пояснил он. — На новом месте мне будет их не хватать.

Он снял репродукции, сложил их вчетверо и положил в большой целлофановый пакет. Туда же он положил пару книг, ноутбук и наушники.

— Всё! Я готов.

— Сейчас ещё рано. Где-то через час, когда стемнеет, подходи в мою комнату.

Свет закатного Солнца покинул верхушку восточной башни Замка и над ней уже поднималась почти полная Луна. Вечер плавно переходил в ночь. Первым на небе появился Сириус, а вскоре за ним, словно осмелев, стали появляться и другие звёзды.

Замковый двор опустел, Андрон запер ворота в сад и тоже ушёл к себе. Артур сидел в задумчивости за столом на скамейке.

— Паскаль тащит в будущее своё прошлое, — думал он. — Он уносит с собой «Крик» и «Отчаяние». Он не может оставить их здесь. Ведь они не висят на стене, они в его душе. Даже если бы он оставил здесь картины, свой крик и своё отчаяние он всё равно унесёт с собой.

Решив идти в комнату, он встал, обернулся и вздрогнул. За спиной у него стоял Никто в своём чёрном плаще. Но он не смотрел на Артура, он смотрел куда-то в сторону.

— Вы его видите? — наконец он спросил Артура. — Видите — вон там! — он протянул правую руку. Артур проследил куда он указывает, но не заметил ничего необычного.

— Кого? — обернулся он вновь к Никто. — Кого я должен увидеть?

— Призрак, — мрачно произнёс Никто. — Призрак старого графа... Он стоит там, смотрит на нас и ухмыляется.

Артур снова посмотрел в ту сторону, но, как ни силился, ничего не смог увидеть.

— Это тени падают от мраморных статуй, — сказал он. — Игра теней.

— Это тень, — согласился Никто. — Но не статуй, а человека, бывшего человека. От него осталась только тень.

— Привидения — это неприкаянные души, — объяснил он Артуру. — Они лишились телесной оболочки, но не могут уйти туда, куда уходят все души. Они застряли меж двух миров.

— А почему его видите вы и не вижу я? — недоверчиво спросил Артур.

— Потому что я в него верю, а вы нет. Трудно увидеть то, во что не веришь.

Вернувшись в комнату, Артур посмотрел на часы, потом на небо за окном. «Ещё есть время, подожду Паскаля» — решил он и взял с полки книгу.

«Человек состоит из души и тела. Едины они или разделены? Смертна душа вместе с телом или бессмертна? Об этом спорили, и Платон с Аристотелем, и фарисеи с саддукеями, и Тертуллиан с Августином — спор этот бесконечен. Анимизм насчитывает до девяти разновидностей души, буддизм отрицает вовсе её существование. Учёные люди, с присущим им цинизмом, решили взвешивать умирающих и таким образом выяснить — сколько весит душа? Впоследствии, впрочем, результаты этих «научных экспериментов» были признаны недостоверными, и вопрос остался без ответа.

Что есть человек? Если он, как считают материалисты, простой механизм, материальное тело, то с очевидным распадом этого тела распадается и он. Это первое заблуждение.

Если он — душа, воплощённая в тело, то смерть его есть обрушение тюремных стен; и душа свободная, освобождённая, устремляется в путь к иной обители. Это светлая мечта, но она превращает наш мир в тюрьму. Она превращает человека в несчастного узника, который с тоской глядит на тюремные стены вокруг него, не в силах понять: кто и за что наказал его

этим бранным миром? Это второе заблуждение.

Хотя буддисты отрицают душу, но в сущности это не так. Они просто понимают её по-иному. Кому, как не ей, своей душе, они ищут успокоения? Не зря они, как и христиане, говорят о спасении. Именно её, свою душу, они хотят спасти от тревог и страданий этого мира. А рай или нирвана — это дело вкуса.»

Ровно в полночь, Артур отложил книгу, глубоко вдохнул и встал с кровати.

— Паскаль не пришёл, — подумал он. — Значит, что-то случилось. Возможно он передумал. Но тогда он сказал бы мне.

Он снова посмотрел на часы. Было три минуты первого.

— Дальше ждать нельзя.

Оглядев комнату, как он надеялся, в последний раз, Артур толкнул дверь и вышел во двор. Он прошёл к комнате Паскаля. Дверь была заперта. Артур попробовал поднести электронный ключ — никакой реакции. Постояв немного, двинулся к лестнице. Ключом открыл дверь и осторожно начал спускаться по ступенькам. Дойдя до входной двери, он кинул взгляд ниже — дверь в подвал была закрыта. Он поднёс ключ к входной двери. Замок щёлкнул предательски громко. Артур осторожно открыл дверь, но шагнуть вперёд не успел. Кто-то сильный схватил его за руку и потащил вниз — в подвал. Это был Демон.

— Собрался бежать, мальчик? Ой, как нехорошо! Так ты отблагодарил Хозяина!

— Я хотел... погулять по берегу, — задыхаясь, произнёс Артур.

— Погулять по берегу! Ночью! Да ты случайно не лунатик?

Он толкнул Артура к стене.

— Хватит врать, мальчишка! Признавайся, это Адам подговорил тебя на побег!

— Я не собирался никуда бежать, мне надоело в комнате, и я решил посидеть на берегу.

— Откуда у тебя ключ от двери?

— Мне Хозяин дал! Он разрешил мне гулять по острову.

— Врёшь! — Демон снова швырнул его в стенку. — Ну да ладно! Сейчас разберёмся — кто, чего и зачем?

Он схватил Артура за руку и потащил по подвалу. Возле одной двери он остановился, поднял засов и открыл дверь. Артур увидел тесную комнатку, больше похожую на встроенный шкаф.

— Наверно, это и есть — Ад, — мелькнуло в его голове.

Мощный толчок Демона швырнул его внутрь и дверь захлопнулась.¶

Четырнадцатый день

Побег.

Артур прислонился к стене и закрыл глаза, хоть в этом и не было смысла — вокруг была абсолютная темнота.

Какое-то время он просто сидел, не о чём не думая. Тишину нарушал тихий мерный гул работающего дизель-генератора. Постепенно он успокоился и стал размышлять.

— Андрон! Андрон мог выдать нас, он наверняка подслушал наш разговор в саду.

— Ах я, дурак! Всё испортил. Это моя вина.

— Адам наверняка, не дождавшись меня, отправится один. И, значит, я теперь навсегда останусь в Замке. Хозяин мне не простит побега.

Он прислонился лбом к холодной стене.

— Смогу ли я выдержать здесь десять дней? Не сойду ли я с ума? Лучше смерть, чем безумие... Нет, умирать я тоже не хочу. Не хочу уйти из жизни, так и не узнав, — кто я такой и зачем приходил в этот мир?

Попробовал встать, ощупывая стены. Под ногой что-то загремело. Это был пустой ночной горшок. Поставил его в угол и снова стал руками ощупывать стены. «Как слепой», — подумал он, — «мир наощупь». Поднёс левую руку к голове, часы тикали, но узнать время было невозможно.

— Теперь я знаю, что такое крошечная тьма... Странное слово — «крошечная». Бывает ли что-нибудь ещё крошечным, кроме темноты?

Прислонился к двери — металлическая дверь была ещё холоднее, чем стены. Он отодвинулся от неё и попробовал выпрямиться, но стукнулся макушкой в потолок.

— Кажется, у меня начинается клаустрофобия... Как там у классика: «тюрьма — недостаток пространства, возмещаемый избытком времени».

Не понимая — зачем он это делает? — Артур нащупал на полу мелкий обломок кирпича и стал корябать им на кирпичной стене своё имя. Результат ему был не виден, может быть, его и не было.

— Сколько раз за всю историю человечества, — подумал он, — это делали узники бесчисленных тюрем. То ли чтобы занять себя чем-то, то ли чтобы обрести зримое бессмертие, заявить миру — я был!.. Это конечно так себе бессмертие. Но хоть какое-то, если другого нет. «Сохрани мою тень. Эту надпись не нужно стирать.»

Закончив работу, словно выполнив давнюю, не им заведённую традицию, он снова опустился на пол.

— Кто же я такой? Что я здесь делаю?.. Ведь где-то есть большой мир... Там сейчас по улицам торопятся по своим делам люди, проносятся автомобили, звучит говор, смех, ругань. Город шумит, как встревоженный улей. Все при делах, все в заботах, все крутятся, как белка в колесе. Почему я не там, почему я здесь?

Он не знал, сколько времени прошло. Время утратило смысл. Холодный, каменный пол карцера вытягивал из него тепло, а вместе с ним, казалось, и жизнь.

— Может, я уже умер? И этот Замок — то ли чистилище, то ли ад навеки?.. В аду у Данте девять кругов. Это наверно десятый.

Он вспомнил:

— Кромешный ад! Да, да! Кроме кромешной тьмы, бывает ад кромешный.

Он лежал неподвижно, как труп, но мысль его билась, как муха, случайно похороненная вместе с покойником, летает и бьётся о крышку гроба.

— Всё это снится мне. Это кошмарный сон. Надо проснуться. Да, да! Надо проснуться... Я проснусь, и у меня будет другое имя, обычная биография, понятные цели, простые смыслы. Я буду радоваться жизни — вкусной еде, красивым женщинам, дорогим вещам, уютному дому. Я простой человек. Кто и зачем меня бросил в эту бездну безумия?.. Надо проснуться.

— А если это не сон?.. Если я сам придумал этот мир? Я сам придумал этот Замок и заселил его людьми. Я начал писать безумную книгу, не понимая, что безумие, как болотная тина, засасывает с головой. Так я из автора стал персонажем своей книги...

— Вздор! Какой вздор... Но... Если это действительно так, если я придумал этот мир, у меня должна быть власть над ним. Я могу изменить ход событий. Это надо проверить.

— Адам не бросит меня в беде. Он не уйдёт один. И не потому, что я ему дорог, мы знакомы всего несколько дней, а потому, что иначе он не сможет себя уважать.

— Значит, он не ушёл, он остался, чтобы вытащить меня. Да, это так.

— Сейчас вот откроется дверь, и я увижу Адама.

Словно повинувшись его мысли, загремел засов, дверь распахнулась и свет резанул глаза. Артур инстинктивно закрыл лицо рукой, но успел понять — в проёме двери стоял Демон.

— Вставай!

Артур, опираясь руками о стену, начал вылезать, но Демон, не дожидаясь, пока он вылезет, схватил его за ворот рубахи и вышвырнул в коридор. Он отвёл Артура в его комнату и, толкнув его внутрь, сказал:

— Благодарю Хозяина.

Дверь захлопнулась и щёлкнул замок.

Было раннее утро. Артур посмотрел на часы — половина седьмого. Значит, в карцере он провёл не более шести часов.

Артур снял часы, положил их на стол и пошёл к умывальнику. Умывшись и вытерев полотенцем голову, он внимательно посмотрел на себя в зеркало. Бледный цвет лица, круги под глазами и, не замеченная им ранее, складка на лбу.

— Неважно выгляжу, — подумал он. — Путешествие в Ад даром не проходит.

Артур лёг на кровать, бездумно смотря в потолок. Потом закрыл глаза и забылся тревожным сном.

Проснулся он примерно через час от какого-то шума. Открыл глаза и увидел Адама.

— Я вытащил твой завтрак, вставай, подкрепись.

Артур вскочил.

— Вы здесь! Вы не бросили меня. Я знал, я знал!

— Тихо, тихо! Не шуми.

Он глазами показал вверх, намекая на видеокамеру.

— Поешь, потом пойдём, прогуляемся по саду.

Он говорил нарочито громко, словно знал, что его внимательно слушают.

— Я извинился перед Хозяином, что без его разрешения дал тебе ключ от дверей. Это была моя ошибка, ты не виноват. Не грусти, через две недели придёт корабль, и ты отправишься на большую землю.

Через полчаса они вышли в сад. В саду не было никого, кроме Маркуса, который гулял между деревьев, трогая их стволы и что-то бормоча себе под нос. Проводив его удивлённым взглядом, прошли дальше. Адам рассказывал, что случилось вчера ночью.

— Демон давно подозревал, что я собираюсь бежать. Он следил за мной и за тобой. Он допросил Андрона и узнал о твоём разговоре с Паскалем. После этого он запер Паскаля, а тебя подкарауливал у двери Замка... Когда Демон тебя схватил, он тут же помчался к Хозяину, поднял его с постели и объявил, что мы с тобой пытались бежать. Хозяин тут же вместе с ним побежал в мастерскую. Но я уже понял — что-то пошло не так, выключил дизель и телепорт, и притворился спящим. Мне удалось убедить Хозяина, что Демон зря мутит воду, и не собирались мы никуда бежать. Я ему сказал: если бы я хотел сбежать, я бы давно это сделал, и не стоял бы сейчас перед вами. В общем, кажется, Хозяин поверил, или сделал вид, что поверил. Мы договорились, что завтра днём отправимся в путь. Так что, если бежать, то только этой ночью. Другого шанса не будет.

— Ключ у меня Демон отобрал.

— Знаю. Он тебе не понадобится... Помнишь, я говорил про решётку? Она держится на соплях, ты сможешь её выломать. Только делать это надо ночью, когда все спят.

Адам ушёл, попросив Артура остаться.

— Не надо, чтобы нас видели вместе.

Артур присел на гамак и, тихонько раскачиваясь, закрыл глаза. Пение птиц успокоило его, он почти заснул, но услышав чьи-то шаги, открыл глаза. Перед ним стоял Маркус. Он явно был чем-то расстроен.

— Вы можете мне что-нибудь объяснить?

— А в чём дело? — поинтересовался Артур.

— Мне захотелось посчитать — сколько в саду деревьев? Сначала я прошёл сад от ворот до конца. Насчитал сто двадцать девять деревьев. Потом я пошёл обратным путём и насчитал сто двадцать восемь деревьев. Я решил перепроверить себя и пошёл с левой стороны сада на правую. У меня получилось сто двадцать семь. Разозлившись, я пошёл уже с правой на левую. У меня вышло сто двадцать шесть. Я боюсь уже дальше считать, вдруг исчезнут все деревья.

— Да!.. Вы уж поаккуратнее с расчётами. Жалко, такой хороший сад пропадёт! — с незаметной иронией сказал Артур.

— Вот ничему нельзя верить, — расстроился Маркус. — Кругом обман!

— Кажется, я могу вам помочь! — заявил Артур. — Всякий раз, когда вы считали деревья, их становилось на одно дерево меньше — правильно? Примем это за аксиому. Первый раз вы насчитали сто двадцать девять деревьев. Значит, согласно нашей аксиоме, деревьев в саду сто тридцать!

Маркус недоверчиво смотрел на Артура.

— Вы уверены?

— Более чем уверен! Это выглядит логично... Кстати, а зачем вам знать количество деревьев в саду?

— Ну хочется же хоть что-то достоверное знать. Хоть что-то, в чём можно быть уверенным. А не получается...

Маркус вздохнул, Артур в знак солидарности вздохнул следом, но потом всё же сказал:

— Достоверно для каждого, что он существует. Как говорил Декарт? «Cogito ergo sum».

— А я не уверен в своём существовании. Может быть, моя жизнь — это чей-то кошмарный сон. Он проснётся, и я исчезну... Что у нас есть достоверного? — таблица умножения?.. Она создана для удобства счёта и не более того. Она ничего не говорит о мире.

Артур вспомнил разговор с Писателем и улыбнулся.

Маркус вдруг насторожился и уставился на верхушки деревьев.

— Слышали?.. Ворон каркнул.

Артур прислушался и посмотрел в ту сторону, куда смотрел Маркус.

— Это майна. Вон она, посмотрите! — он протянул, указывая, руку.

— Это ворон! — убеждённо настаивал Маркус. — Ворон каркает к беде.

— Да говорю же вам — не ворон! — рассердился Артур. — Не видел я здесь ни воронов, ни ворон. Это майна каркает. Они умеют подражать другим птицам.

Маркус покачал головой. Видно слова Артура его не убедили.

— Для того, чтобы подражать, надо сначала услышать, — логично возразил он. — А где она могла его услышать? Только здесь.

Он наклонился к Артуру и по секрету ему сообщил.

— Я его видел во дворе Замка.

— Кого?

— Ворона... Он сидел на голове «Мыслителя» и каркал: «кар!.. кар!..» Он смотрел прямо на меня, и у меня в груди всё похолодело. Это не к добру!

Маркус хотел уже уходить, но замешкался, обернулся и как-то беспомощно спросил:

— А это всё... по-настоящему?

— Что?

— Ну... это всё, — он обвёл рукой мироздание. — Это всё по-настоящему? Это не кино?

— Кино? — удивился Артур. — Что навело вас на такую мысль?

— Не знаю... Уж больно похоже, что мы внутри какого-то фильма... Я ведь не просил меня рожать. Нет, меня вытащили, сами знаете откуда. Чтобы что?

— Я не понимаю.

— Я тоже не понимаю. Что мы все здесь делаем?

— Живём.

— Зачем?

— А обязательно — зачем? Дали жизнь, вот и живём.

— То есть вы хотите сказать, что во всём этом — он снова обвёл рукой мироздание, — нет никакого смысла?

— Ну почему же... Наверно он есть... Даже скорее всего он есть... Просто нам о нём не сказали. Надеются, что мы догадаемся сами.

— Кто надеется?

— Ну... — замаялся Артур. — Тот, кто создал всё это и нас в том числе.

— Вы о Боге?

— Это только одно из Его имён, — Артур хотел уйти от пояснений, в которых он, честно говоря, затруднялся.

— Я знаю... Ещё Его зовут Создатель... Его можно назвать Архитектором мира, а можно — Режиссёром. Вот я и думаю. Он снимает кино. Построил декорации, привёл актёров. А для кого снимается это кино? Кто наши зрители? Неужели Он сам единственный

зритель своего творения?

— А мы разве не зрители? Сами актёры, сами зрители — чем плохо?

— Мне не нравится это кино, — нахмурился Маркус. — Я не понимаю замысел Автора — что я должен играть?

— А, может быть, в этом замысел? Представьте, что это кастинг, отбор актёров на какую-то очень важную роль. Нас поставили на сцену: ну, покажите — на что вы способны? Вот мы и живём, как умеем, показываем...

— А что — отбирают только Цицеронов и Наполеонов? — озаботился Маркус.

— Ну этого я не знаю, это только Ему ведомо, — засомневался Артур. — Может быть, вы именно тот, кто Ему нужен. Не теряйте надежды.

— И что, тогда будет другая жизнь?

— Да! Другая жизнь, другая роль, другой мир. Наверно там что-то невероятное, что мы не можем себе даже представить. Может быть, это будет мир высших измерений, где вся наша прежняя жизнь покажется рисованным комиксом на бумаге.

Маркус внимательно посмотрел на Артура и потом вздохнул.

— Вы же сами не верите в это. Это всё фантазии, очередная иллюзия.

Он махнул рукой и пошёл на выход из сада, понуриив голову. Артур ещё немного покачался на гамаке и тоже ушёл.

Вернувшись во двор, Артур подошёл к сидящему за столом Паскалю и рассказал ему — что произошло прошлой ночью.

— Я ожидал, что будет нечто подобное, — хмуро сказал Паскаль. — У меня было предчувствие, и оно укрепилось, когда я понял, что меня заперли.

— Есть ещё один шанс, — вполголоса подбодрил его Артур. — Тебе надо незаметно спрятаться в моей комнате.

— Под кровать что ли? — недоверчиво буркнул Паскаль. — Ничего из этого не выйдет. Хозяин заметит моё отсутствие. После вчерашнего они будут настороже.

— Ну я не знаю тогда — что делать? — расстроился Артур.

— Бегите без меня, если есть шанс. Я хоть порадуюсь за вас.

Он не смотрел на Артура. Он смотрел в стол, корябая ногтем что-то по дереву. Артур присмотрелся и понял, что это было слово, которое Виктор Гюго обнаружил в глухом закоулке одной из башен Собора Парижской Богоматери.

— Что-то ты приуныл... — подбодрил Паскаля Артур. — Не вешай нос, дружище. У меня есть предчувствие, что всё будет хорошо.

— Это ты от Адама заразился. Это его присказка — «всё будет хорошо». Я тоже сначала поддался его оптимизму, но долго не удержался... Ничего не будет хорошо. Всё будет хуже и хуже... И бежать некуда, от себя не убежишь.

Он поднял голову и посмотрел на Артура.

— Да и не во мне дело... Разве это здесь сумасшедший дом? Это там сумасшедший дом... — он кивнул головой куда-то в сторону. — Вся планета Земля — большой театр абсурда. У меня плохие предчувствия... Прошлый раз, когда пришёл корабль, я с одним матросом разговорился — что там в мире происходит? Он сказал, что дело идёт к большой войне...

Паскаль выпрямился и вздохнул, рассеянно глядя вокруг.

— Если люди погибнут, то потому что они так и не стали людьми. Они остались

пасмурная погода.

— Вы вспоминаете свою родину, — спросил Артур, — тоскуете о ней?

— О какой родине ты говоришь?.. Там, — он кивнул головой куда-то в сторону, — у меня был дом, но родина моя не там. У меня та же родина, что и у Анаксагора.

— Вас не тяготит лишение свободы?

Сократ остановился и несколько секунд смотрел на Артура, как будто пытаюсь понять — о чём он спрашивает?

— Свобода?.. Я свободен... Я не могу покинуть остров? Но я этого не хочу. Мне нечего делать там, — он снова кивнул в сторону. — Там я чувствовал себя несвободным.

Он снова продолжил движение.

— Человек лишён свободы, когда он не свободен от своих желаний. Человек желает обладать вещами, не понимая, что это взаимный процесс. Ты обладаешь вещью — она обладает тобой... Ты покупаешь машину — она крадёт у тебя большой кусок твоей жизни. Ты теперь должен постоянно думать о ней, заботиться о ней, тратить на неё и свои деньги, и своё время жизни. Это не ты владеешь ей, это она владеет тобой... Покупая новомодный смартфон, ты становишься его рабом, ты прикован к нему невидимыми цепями. Он знает о тебе всё, даже то, что ты хотел бы забыть. Он диктует тебе — что ты должен делать, он затягивает тебя в водоворот событий и новостей, без которых ты вполне бы мог обойтись. Он продаёт тебя оптом и в розницу. У тебя нет больше личной жизни, личного пространства. Всё, что ты сказал и сделал, может быть использовано против тебя. Прижимаясь к твоему уху, он целует тебя, как Иуда Христа. Это не он продан тебе, это ты продан ему.

— Про лишние вещи я понимаю, — согласился Артур. — Но палку перегибать не стоит. Смартфон, например, вещь нужная. Возможность поговорить с близкими людьми, которые от тебя далеко, — об этом раньше люди мечтать только могли. Разве смартфон, интернет, компьютеры не дают нам дополнительную степень свободы?

— О какой свободе ты говоришь? — вздохнул Сократ. — Об иллюзии, которой ты себя тешишь? Избавься сначала от лишних желаний, от лишних вещей, чтобы обрести хоть какую-то свободу.

— Вещи дают человеку комфорт, — продолжил он. — Человек слаб, он легко отдаёт свою свободу за комфорт... Люди любят деньги. Они считают их мерилем успеха. Они говорят: если ты умный — покажи свои деньги. О, как они ошибаются! Деньги обременяют тебя новыми желаниями, новыми вещами. Они делают тебя зависимым, несвободным. Они делают тебя своим рабом... Я деньги не люблю, — махнул рукой Сократ. — И они меня не любят. У нас это взаимно.

Сократ улыбнулся, что-то вспомнив. Он остановился и повернулся к Артуру.

— Я, когда жил в Мегарах, — это недалеко от Афин, — было мне лет десять, нашёл возле лавки Теодоракиса кошелёк, оброненный кем-то. Было там восемьсот драхм, большая сумма для мальчишки — можно было купить футбольный мяч. Так я отнёс кошелёк в лавку, отдал продавцу и сказал: кто-то из ваших покупателей обронил. Продавец посмотрел на меня хитро, положил кошелёк в свой карман, протянул мне конфетку и поблагодарил: «Молодец, хороший мальчик! Не волнуйся, я передам тому, кто его потерял.»

— Я, радостный, прибежал к матери, — продолжил Сократ, — рассказал ей про свой поступок. Она только вздохнула и погладила меня по голове. Ничего не сказала. А жили мы тогда бедно. И эти восемьсот драхм наверно нам бы оченьгодились.

— Теперь жалеете? — спросил Артур.

— Да помилуй меня Зевс — ни тогда, ни потом не жалел. Клянусь собакой!

Они продолжили прогулку и несколько минут шли молча.

— Как вы понимаете сократовский даймоний, — спросил Артур, прервав затянувшееся молчание, — и есть ли у вас нечто подобное?

— Даймоний — внутренний голос нашего разума. В житейских делах он молчит, или мы не слышим его, но в переломные моменты нашей жизни, он подаёт голос и, если его послушаешь, поступишь верно. Иногда его называют интуицией, но это именно он — внутренний голос нашего разума.

— Почему же его голос не слышен всегда?

— Человеческая жизнь на девяносто процентов состоит из существования. Просыпаясь утром, ты умываешься, чистишь зубы, завтракаешь, одеваешься, идёшь на работу — это всё механическое существование, с этим справился бы любой робот. Живёт человек тогда, когда любит, когда творит, когда познаёт, когда идёт в атаку под пули. Всё остальное время он существует. И его даймоний молчит.

Навстречу им прошёл Судья, сдержанно поклонившись. Артур ответил ему тем же.

— А это правда, что вы считаете вопрос важнее ответа?

— Правильный вопрос не требует ответа. Ответ заложен в самом вопросе... Для чего человек наделён разумом? Человек, пожалуй, был бы счастливей без него. «В mnogой мудрости много печали.» Но человеку дан разум, чтобы он познал этот мир. Так или иначе все мы заняты этим. Тысячи лет человек задаёт Вселенной вопросы. Ответы меняются, а вопросы остаются. Есть вопросы глупые, пустые, мелкие. Есть вопросы глубокие, трудные, мудрые. Человек думает про себя, что он ответ, а он только вопрос. Каждый человек — это вопрос, обращённый к миру.

Слушая Сократа, Артур заметил приоткрытую дверь, из-за которой выглядывал Мерлин. Тот подзывал его движением руки. Артур подошёл к нему, с облегчением вспомнив, что часы он оставил в комнате.

— Молодой человек, помогите мне поднять ящик, — попросил Мерлин.

Артур кивнул и зашёл в комнату.

Мерлин жил в круглой, башенной комнате, такой же, как у Артура, Адама и Поэта. Комната была пуста. Кроме одного буфета не было никакой мебели — ни стола, ни стульев. Вместо кровати посреди комнаты лежала циновка с маленькой подушкой.

Мерлин прошёл к буфету и указал на небольшой деревянный ящик с крышкой.

— Стар я уже, силы оставляют меня. Положите этот ящик наверх.

Артур залез на столешницу буфета и легко закинул ящик куда указывал Мерлин.

— Подождите, не слезайте. Там должна быть маленькая сумка. Дайте её мне.

Артур взял коричневую барсетку и показал.

— Эта?

— Да, да. Слезайте!

Артур спрыгнул на пол и отдал барсетку Мерлину.

— Спасибо, молодой человек.

Мерлин сел на циновку и стал копаться в сумочке. Артур оглядывал пустынную комнату. Потом подошёл и сел на циновку рядом с Мерлином.

— Это моя дочка, когда ей было пять лет.

Мерлин держал в руках выцветшую фотографию забавной девчушки с бантом в

причёске. Фотография мелко дрожала в его руках. Когда Артур захотел взять её, чтобы рассмотреть, Мерлин отдернул руку и погрозил пальцем. Он бережно положил фотографию обратно в сумочку.

— И где она теперь? — спросил Артур.

— Не знаю... Никто не знает... То, что лежит на кладбище, рядом с могилой её матери, — это не она. Это её одежда. А где она — никто не знает...

Он отложил сумочку и посмотрел на Артура.

— Никто не знает, но все придумывают. А что остаётся делать? Нельзя же жить без надежды... Должна быть надежда, что все, кого мы любили, однажды вернуться к нам. Или мы вернёмся к ним...

— Вы верите в Бога? — понимая, что это бестактный вопрос, всё же спросил Артур.

— Все верят в Бога... Боги у всех разные...

— Вот Мессия тоже ищет Бога.

— Мессия навязывает своего Бога, а я своего никому не навязываю. Это мой личный Бог. У меня с ним личные отношения... У моего Бога нет зримого образа, о Нём нельзя сказать ничего, даже того, что Он есть. Все слова о нём будут ложью. Но погружаясь в медитацию, забывая себя, забывая весь мир, я могу общаться с Ним. И нет большей радости для меня. Если бы ещё удалось остановить время, и остаться с Ним в его вечности...

Он вздохнул и посмотрел на Артура.

— А вы, молодой человек, в какого Бога верите вы?

Артур посмотрел в пол.

— Мне хотелось бы верить в доброго и сильного Отца... Но, как говорит Мессия, мир не может иметь свойства моих хотений.

— Может — не может... Откуда нам знать? Желания тоже имеют силу... Среди бесконечного множества человеческих фантазий об устройстве мира есть и такая: каждому воздастся по вере его. То есть, во что ты верил, то и произойдёт с тобой. Верил в райский сад, значит, будешь гулять по райскому саду, пока не надоест. Верил в переселение душ, значит, возродишься в ином теле, в ином обличье. Верил, что смерть — это конец всего, значит, сам стёр себя резинкой из мира вечного... Ничего невозможного нет, и реальность может оказаться неожиданной любой фантазии. Мир гораздо больше, чем наша видимая, и даже предвидимая, Вселенная.

Он поднялся, опираясь на плечо Артура, и показал на окно.

— Что видишь там?

Артур тоже поднялся и, посмотрев в окно, пожал плечами.

— Небо.

— Небо... Небо — это серо-голубое покрывало, брошенное на наш мирок, чтобы мы не отвлекались и занимались земными делами. Дневное небо — это покров, скрывающий от нас большой мир... Я не люблю день. Я живу ночью... Странно, что люди спят по ночам. Самое время для ясных мыслей. Стихает шум, потушен свет, и небо проявляет звёзды... Ночью можно жить, а днём всегда что-то мешает. И шум, и суета, и яркий свет... Не странно то, что днём не видно звёзды. День — для земных забот. Смотри под ноги, и делай что-нибудь руками и головой, за что дают цветные бумажки... День занят телом. Ночь же — для души. Но души спят. Когда они проснутся?

Повернувшись, он снова сел на циновку и закрыл глаза, чтобы смотреть внутрь.

Артур осторожно вышел из комнаты.

Уже вечерело. Артур огляделся и, заметив Паскаля, направился к нему. Паскаль сидел на траве, прислонившись к спине «Мыслителя», закинув руки за голову, и глядя в небо. Похоже, на него накатила очередная волна депрессии. Артур присел рядом, напротив него. Они помолчали, наблюдая, как по двору, заложив руки за спину, прогуливается Ньютон.

— Сегодня полнолуние, — сказал Артур, заметив поднимающийся над крышей Замка серебряный диск Луны.

— Значит, у Ньютона опять обострение, — меланхолично заметил Паскаль. — Сейчас его лучше не трогать.

— И как проявляется это обострение?

— Ходит всю ночь по двору, пялится на Луну и разговаривает с инопланетянами.

— С инопланетянами? — удивился Артур. — Которые живут на Луне?

— Он никому об этом не рассказывал, но все узнали после одного случая... Однажды сложилось два в одном — и полнолуние, и магнитная буря — ходил он неприкаянный, а потом полез на «Мыслителя», встал ему на голову в полный рост, протягивал руки к небу и кричал: «Я здесь! Я здесь! Заберите меня отсюда!» Пришлось Демону снимать его и одевать на него смирительную рубашку.

Они помолчали минуту, а потом Паскаль задумчиво заговорил.

— Первое моё детское воспоминание — это ощущение одиночества. Сейчас бы я сказал — тотального, экзистенциального одиночества... Я помню себя в деревянной детской кроватке, на которую сверху наброшена тряпка, защищающая от света электрической лампочки на потолке. Мы жили, семья из трёх человек, в одной комнате, в двухкомнатной квартире кирпичного дома. В соседней комнате жила другая семья... Отчётливо помню этот момент. Я лежу в кроватке, свет от лампочки проникает ко мне, создавая полусвет-полумрак. И это замкнутое пространство — от простыни до покрывала — и есть мой мирок... Родители о чём-то ругаются между собой. Они надеются, что я сплю, а я не сплю... Что я думал тогда? И думал ли о чём-то? Не помню... Помню только ощущение маленького, замкнутого мирка в полумраке, и одиночество.

Артур вдруг взял левую руку Паскаля и увидел на кисти тонкий шрам.

— Это то, что я думаю? — посмотрел он в глаза Паскалю.

Тот с досадой выдернул руку и посмотрел в сторону.

— Да ерунда! — детская глупость.

Он выпрямился, положив сцепленные руки на колени.

— Очень часто дети совершают это не потому, что хотят покончить с жизнью, а для того, чтобы привлечь к себе внимание — да посмотрите же наконец, как мне плохо!.. Это был как раз такой случай...

Он смотрел куда-то вдаль, куда-то в своё прошлое.

— Я однажды написал рассказ про последний день самоубийцы... Маленький рассказ про то, что он делает и что он думает в свой последний день. Понимаешь, он уже решил, и вроде бы должен думать только об этом — как поставить точку. А между тем по-прежнему занимается какими-то бытовыми делами — чистит зубы, разговаривает с соседями, заходит в книжный магазин и покупает книги. Выходит из магазина и думает: «и зачем я их купил»? «Это река жизни», — вспоминает он рассказ Куприна, — «это её течение несёт меня и будет волочить по дну даже мёртвого»...

— И чем заканчивался твой рассказ? — с любопытством поинтересовался Артур.

— Он уезжает в горы, где нет людей, нет суеты и городского шума. Поднимается на высокую гору и подходит к крутому обрыву, к пропасти. Думает: «пропасть и пропасть — не зря это созвучно. Вот в пропасти я и пропаду». Садится на краю, разводит костёр. Потом достаёт из рюкзака тетради — все свои дневники, стихи, рассказы. Прочитает лист, вырывает его из тетради и бросает в огонь. И так до тех пор, пока не сгорело всё. Понимаешь? Он как бы последний раз прочитал свою жизнь и сжёг о ней все воспоминания, как сжигают мосты за спиной. Теперь он был готов. Костёр догорел, потух. Он встал и подошёл к самому краю. Не было страха, он даже попытался пошутить.

— «Мой друг говорил мне: настоящий мужчина должен хотя бы раз в жизни прыгнуть с парашютом. Парашюта нет... но прыжок будет.»

— Оттолкнулся и прыгнул...

Паскаль замолчал.

— Да... Мрачноватый рассказ, — вздохнул Артур.

— А ты знаешь, мне он помог. У меня ведь были тогда такие мысли. А описал это всё и вроде как сделал... Стало легче и эти мысли ушли.

— А ещё что-нибудь ты писал? — спросил Артур.

— Да много было всякой ерунды! Несколько толстых тетрадей, заполненных крупным, детским, корявым почерком, и десятки текстовых файлов на компьютере. Восторженные оды Разуму и человечеству, наивные стихи с рифмами типа «любовь и кровь», жажда любви и жажда познания... Всё однажды сжёг и удалил.

— Рукописи не горят, — утешительно сказал Артур.

— Да, да... — мрачно усомнился Паскаль. — Рукописи не горят. И жёсткие диски не форматируются.

Он грустно улыбнулся.

— Знаешь, была по телевизору такая передача — «Розыгрыш». Известных людей ставили в неловкое, смешное или трудное положение, и тайком снимали их реакцию, их поведение. Под конец, когда герой передачи уже доведён до отчаяния, звучали фанфары — па-бам! — это розыгрыш! Все смеются, звучит весёлая музыка, рейтинг телеканала летит вверх... Вот у меня стойкое ощущение, что, когда я умру, будет нечто вроде этого. Мне объявят, что это был розыгрыш, и я сам, заливаясь счастливыми слезами, буду пересматривать эту свою жизнь, снятую скрытой камерой. Буду смеяться над всеми страхами и проблемами, которые мне покажутся маленькими — крохотными. Хорошо бы так.

Помолчав минуту, он продолжил.

— Я понимаю, что в этом мире мы гости. Этот мир для нас — большая многозвёздочная гостиница, где мы остановились ненадолго. Человеческая жизнь так коротка. Мы остановились тут проездом, из ниоткуда в никуда. Ночь пролетит быстро. Мы увидим какие-то сны, которые назовём «моя жизнь», а потом проснёмся и, ничего не взяв с собой, уйдём. Я всё понимаю. Я не понимаю одного: зачем на такую короткую жизнь такая большая гостиница? Зачем эти звёзды, галактики, чёрные дыры, пульсары, туманности? Зачем нам показали эти триллионы километров и миллиарды лет, если наша жизнь — одно мгновение? Кто так над нами смеётся? Чей хохот доносится из глубины бескрайнего Космоса? Ты слышишь его? Я слышу...

Вдруг Паскаль изменился в лице и замолчал. Артур обернулся — перед ними стоял Демон.

— Мальчишкам пора спать! — Демон стоял ожидая.

Артур с Паскалем поднялись и пошли по комнатам.

Закрыв дверь, Артур услышал щелчок и понял, что его заперли. Видимо Хозяин не поверил Адаму и решил подстраховаться. Он был уверен, что без Артура Адам не сбежит.

Ночью Артур не спал, он сидел за столом и читал «Собрание возможных миров».

«Профессор Ир Со Лон утверждает, что открыл новый психотропный препарат, с помощью которого побывал в мире высших измерений, и доподлинно выяснил — как возникла наша Вселенная.

Возникла она в тот момент, когда оленевод четырёхмерной Сибири, по имени Елгунды Карагунды, включил чайник в розетку. Маленькая искра, проскочившая между вилкой и розеткой, и была нашим Большим Взрывом.

Так стало известно подлинное имя Бога. Профессор обещает опубликовать в журнале «Вопросы философии» большое интервью с Ним, о древнем искусстве обработки оленьих рогов.»

Артур посмотрел на часы.

— Уже полночь. Пора!

Разодрал простыню на четыре полосы. Связав полосы вместе, бросил их на пол. Поднялся на кровать, подпрыгнул, схватился за решётку окна и начал её раскачивать. Зазвенело разбитое стекло. Осколки стекла посыпались на пол и на кровать. Решётка поддалась и сверху прогнулась, но удержалась внизу. Артур вцепился в прогнувшийся край и повис на решётке. Раздался треск, и он вместе с решёткой полетел вниз.

Отбросив решётку, Артур снова залез наверх и пролез в окно. Глянув вниз, оценил, что до земли метров пять, и внизу камни. Прыгать он не рискнул. Слез с окна, поднял с пола свою самодельную верёвку. Привязал один конец к спинке кровати, второй выбросил в окно. После этого снова запрыгнул на окно и спустился вниз по верёвке.

На мгновение застыл, слушая тишину. Но тут увидел невдалеке Адама. Тот махал ему рукой. Прыгая по камням, он побежал навстречу.

— Надо спешить. Демон наверняка услышал шум.

Они побежали вдоль берега, спотыкаясь о камни. Лунный свет едва пробивался сквозь облака. Через пять минут они были в мастерской. Адам запер входную дверь.

— Что у тебя с рукой? — обратился он к Артуру.

Артур только сейчас заметил, что порезал о битые стёкла руку.

Адам вытащил из аптечки на стене медицинский пластырь и наложил на порез. Потом он включил дизель-генератор и стал подключать телепорт.

Внезапно погас свет.

— Чёрт! — воскликнул Адам. — Твой побег обнаружили. Наверно Демон услышал звон разбитого стекла, увидел нас на берегу и выключил замковый дизель-генератор.

— Что делать?!

— Спокойно! У нас работает второй дизель.

Свет снова загорелся — Адам переключился на другой источник. Он проверил напряжение на нагрузке и нахмурился.

— К сожалению, планы меняются. Отправляться придётся по одному. Слишком мало

мощности питания.

Он посмотрел на Артура.

— Первым пойдёшь ты.

Артур замотал головой.

— Нет!

— Отставить! Здесь приказываю я. Вставай к телепорту.

Он почти грубо, схватил Артура за шиворот и подтолкнул его.

— Быстрее, быстрее! У нас мало времени.

Артур схватил его за руку.

— Вы обещаете мне, что мы встретимся там?

— Обещаю.

Адам снял со стены рюкзак и накинул Артуру на плечи.

— Там всё, что необходимо.

И указав на коврик, добавил:

— Смелее!

Артур сел на коврик в позе эмбриона.

— Делай, как я тебя учил! — услышал он голос Адама.

Артур стиснул зубы. Шум стал нарастать. Дизель прибавил обороты и завыл. Артур закрыл глаза. В глазах замелькали цветные всполохи, и он провалился в них, как в бездну.

С грохотом выбив дверь, в комнату влетел Демон. Вслед за ним с фонарём в руке медленно зашёл Хозяин.

Вполнакала горела лампа на потолке. Адам сидел на полу, сцепив руки, и смотрел на заглохший дизель. Хозяин молча ждал.

Наконец Адам посмотрел ему в глаза и с грустной улыбкой сказал:

— Что-то мне не везёт последние сто лет...

Хозяин ничего не ответил. Он всё также пристально смотрел на Адама, потом перевёл взгляд на телепорт, указал на него пальцем, и сказал Демону:

— Отнеси это в комнату ненужных вещей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net